

ВОЙЦЕХ ЯРУЗЕЛЬСКИЙ

НА 30 ЛЕТ СТАРШЕ

Омск - 2014

УДК 82-155+929
ББК 63.3(2)622,88

Войцех Ярузельский. На 30 лет старше.
Омск: Полиграфический центр КАН, 2014 – 146 с.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие.....	5
Вступительное слово.....	7
Главное звено.....	8
Я – одна из сторон.....	8
Не случайная забывчивость.....	10
Генеральная репетиция.....	11
А как быть с историей?.....	15
До и после Встречи.....	16
Ошибочные оценки.....	21
Что дальше?.....	23
С более широкой перспективы.....	26
К соглашению.....	28
Выборы.....	31
Драмы.....	34
Настроения в обществе.....	36
Шпион.....	37
Выстрел мимо цели.....	38
Кое-что о НАТО.....	40
Войны не хотел никто.....	41
Экономический ультиматум.....	42
В объятиях СЭВа.....	45
Выход из пропасти.....	48
Волна требований.....	49
Западная граница.....	52
Надежды и иллюзии.....	52
Протесты, забастовки.....	53
Приготовления, предостережения.....	57
«Горячая сковорода».....	62
Цель и средства.....	63
Соглашение и борьба.....	66
Нужно было разговаривать.....	68
Встреча троих.....	71
Партия.....	73
Угроза интервенцией.....	75

Решение мы приняли в Польше.....	77
С открытыми глазами.....	80
Главное – жизнь, история	82
Какая память?.....	85
Оккупация или освобождение?.....	86
Государство – Костёл.....	87
Предвестие бури.....	89
Культ восстаний.....	92
Реальная угроза.....	96
Правдивое свидетельство.....	98
Зловещая туча.....	99
Крайний предел.....	100
О Солидарности.....	104
На плечах живущих поколений.....	106
Коротко о ПНР.....	109
Был ли шанс?.....	110
Польша – пример и импульс.....	112
Горькое удовлетворение.....	113
От переводчика.....	115
Послесловие (Е.Вятр).....	116
Заключение.....	127

ПРЕДИСЛОВИЕ

Войцех Ярузельский прошел большой и трудный жизненный путь – путь солдата, патриота Польши. Это был политик европейского масштаба, понимавший важность добрососедства с Россией для национальных интересов своего отечества, для мира и сотрудничества в Европе. На его долю выпали тяжелые испытания, но он всегда, при любых обстоятельствах оставался верным своему жизненному выбору, был

преданным сыном своей родины. Велики заслуги генерала Ярузельского в борьбе с фашизмом, освобождении Польши и становлении нового польского государства. В годы холодной войны, расколовшей Европу, он был одним из тех, кто лучше других понимал необходимость преодоления конфронтации. Я познакомился с ним как главой польского государства в переломные для Европы времена середины 80-х годов. Непростое было время – такое, когда в отношениях между лидерами государств особенно важно доверие. У нас с Войцехом Ярузельским оно возникло практически сразу. Именно тогда отношения между нашей страной и Польшей были освобождены от тени так называемой «доктрины ограниченного суверенитета». Хорошо помню, как в 1988 году я обсуждал с ним идею круглого стола с участием представителей власти и оппозиции. Тогда я сказал президенту Польши: вы можете рассчитывать с нашей стороны на полное понимание и поддержку. К тому времени между властью и оппозицией накопилось много недоверия, даже враждебности. Но и те и другие смогли поставить

превыше всего общенациональные интересы. Не всегда действия и решения генерала, а затем президента Ярузельского встречали понимание и получали справедливую оценку, в том числе и в Польше. Но я уверен, что история по достоинству оценит мужество, сдержанность и силу духа, которые он проявил в сложнейшей ситуации начала 80-х годов. Он взял на себя ответственность за трудные решения, которые позволили избежать худшего. А когда благодаря переменам в Советском Союзе внешние обстоятельства изменились, Войцех Ярузельский внес незаменимый конструктивный вклад в продвижение к политическому примирению и национальному согласию, к первому в Восточной Европе бескровному переходу к демократии, к обретению Польшей подлинной независимости и суверенитета..В те годы мы постоянно взаимодействовали, и у нас было общее желание – выстроить новую основу для дружественных, равноправных, партнерских отношений между нашими странами.

Мое многолетнее знакомство и тесное сотрудничество с Войцехом Ярузельским позволили мне узнать и оценить его не только как большого политика, человека глубокого государственного мышления, но и как замечательного человека, настоящего друга. Таким он останется в моей памяти.

М. С. Горбачев

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Президент Издательства Адам Маршалек из Торуня положительно отнёсся к предложению издать книгу «30 лет спустя». Это собрание текстов, главной мыслью и содержанием которых является оценка ситуации в Польше во второй половине 1981 года. В частности, это касается условий, в которых проходила Встреча троих 4 ноября 1981 года (Юзеф Глемп, Лех Валенса, Войцех Ярузельский); того, что ей предшествовало, и того, что произошло после неё.

Каждый человек имеет право на собственную оценку. Однако нерушимым должно оставаться правило: без причины не может быть следствия! В данной области немало «белых пятен» - отнюдь не случайных пропусков, упрощений, недоговорённостей. В настоящей книге они последовательно раскрываются. Вместе с тем я не уклоняюсь от критики предыдущей системы, её болезней, а также совершённых в те времена ошибок. К сожалению, пропагандистско-психологический «ураган» в каждую годовщину введения военного положения, как правило, подменяет собой добросовестный, объективный анализ сложившейся к тому времени ситуации. 30-я годовщина наверняка это подтвердит.

Центральным положением, осью книги стало моё заключительное (расширенное) выступление 9 ноября 2010 года на научно-исторической конференции в Гуманитарной академии им. Александра Гейштора в Пултуске. Время, прошедшее с тех пор, было для меня очень трудным. Авторизованная расширенная версия этого выступления рождалась в условиях моей тяжёлой болезни, длительного нахождения в госпитале попеременно с режимом домашнего лечения. Это отразилось на окончательной форме текста и дополнениях к нему, включая некоторые щекотливые вопросы и отступления, выходящие за тему конференции. Отсюда – некоторая хаотичность подхода, особенно с точки зрения

хронологии. Тем не мене, в сумме эти материалы, как я думаю, могут составить солидную основу для объективных оценок. На это я рассчитываю. Надеюсь также на мнения, соображения и предложения читателей.

Войцех Ярузельский.

ГЛАВНОЕ ЗВЕНО

Встреча троих (Юзеф Глемп, Лех Валенса, Войцех Ярузельский) состоялась 4 ноября 1981 года и касалась одного из ключевых звеньев в цепи событий того периода. Без толкового, внимательного анализа невозможно объективно оценить условия введения военного положения. Нынешняя дискуссия напоминает и подчёркивает многие моменты. Сожалею, что, несмотря на приглашение, здесь отсутствуют многие представители различных политических, общественных и научных кругов и средств массовой информации. Отсюда – глухая тишина вокруг нашей конференции. Наиболее красноречив – отказ от участия Института Национальной Памяти (ИНП), включая персонально приглашённых профессоров: Антони Дудека, Ежи Эйслера, Анджея Пачковского, д-ра Петра Гонтарчика и др. Видимо у них нет желания оказаться «с глазу на глаз» с поднимаемой здесь тематикой. Легче бить из-за угла. Это не случайность, а метод. Напомню, что шесть лет назад – 3 ноября 2005 года по инициативе Института научных исследований состоялась научно-историческая конференция, посвящённая Встрече троих. Она также не вызвала какого-либо отклика со стороны упомянутых кругов. А жаль, поскольку исторический опыт, особенно в деле поиска путей к соглашению, компромиссу по своему содержанию имеет универсальное значение и может послужить поучительным примером на будущее. Короче говоря, как нам сегодня объективно оценить вчерашнее во имя завтрашнего? Но это – не общепринятый метод. Более того, в условиях нового строя появляются старые и возникают новые антагонистические разногласия, когда политики «закусывают удила». Особенно огорчает, когда ареной конфронтации при одновременном подливании масла в огонь становится трагедия – авиакатастрофа под Смоленском или иные события и поводы.

Я – ОДНА ИЗ СТОРОН

Нелегко мне, при моём плохом здоровье и психологическом состоянии обсуждать и развивать тему настоящей

конференции. Считаю, однако, это необходимым. Проф. Тадеуш Бартош на стр. «Газеты Выборчей» 26 октября 2006 г. говорит: «Источником убеждений являются зрительные образы...Победителем становится тот, кто сохраняет над ними контроль. Отсюда простое правило: чтобы изменить мышление людей нужно поменять в их головах образы». Не случайно в период 13 декабря в телевидении, кино, в значительной части прессы концентрированно представляется образ, который даёт эмоциональную оценку военного положения – танки, дубинки, слезоточивые газы и понурая физиономия Ярузельского на экране телевизора. Это - главное послание, особенно для молодого поколения. Его трудно преодолеть, поэтому тем более необходимо последовательно представлять объективные аргументы и факты. Наша конференция преследует именно эту цель.

В обсуждаемой тематике, т.е. в оценке событий, предшествующих введению военного положения, я, естественно, представляю одну из сторон. По понятным причинам акцентирую намерения, мотивацию действий правительственной стороны. Прежде всего это разъяснения по поводу разного рода упрёков и обвинений в адрес властей того периода. Но это не защита любой ценой, ценой правды, даже если она горька. Не хотел бы возвращаться к тому, что я уже много раз критично и самокритично говорил о системе власти того времени и принятых ею решениях. С перспективы 30 лет вижу, что процессы, начатые в тот период, после различных потрясений и пертурбаций закончились в итоге историческим переломом – соглашением о смене государственного строя.

Мы пришли к компромиссу вместе. Здесь я хочу сослаться на премьера Тадеуша Мазовецкого, который всем своим жизненным опытом, как и в своих публикациях и высказываниях показывает, что верность принципам можно сочетать с отвагой компромисса. Этот опыт имеет непреходящее значение. Он верен и сегодня.

НЕ СЛУЧАЙНАЯ ЗАБЫВЧИВОСТЬ В своём вступительном слове на этой конференции я затронул вопрос о Встрече трёх. На эту тему мною написано и опубликовано много материалов. Здесь я могу лишь коротко остановиться на отдельных положениях, которые были опубликованы в моих интервью 6 ноября 2000 г. в еженедельнике «Пшеглэнд» и 9 ноября 2004 г. на страницах «Трибуны», а также в соответствующих разделах книг: «Военное положение. Почему» (BGW, 1992), «Отличаться по-умному» (Książka i Wiedza, 1999), «Против течения» (2005), «История не должна разделять» (MADO, 2006). Кроме того, важное значение имеет запись моих разъяснений перед лицом суда (книга «Быть может, это моё последнее слово», (Comandor, 2008). Напомню также 54-страничную публикацию «Ещё раз о военном положении» в парижской «Культуре» № 126 за 1996 г. Наконец – многие статьи и интервью в польской и зарубежной прессе. Увы, конкретного, подчёркиваю, конкретного разбора по существу, представленных мною фактов и аргументов не было! Видимо, эта проблема не выгодна, а некоторые «дежурные телевизионные историки» попросту стыдятся её затрагивать. Яркий пример этого я представил в своём выступлении перед Окружным Судом в Варшаве в октябре 2008 г. Цитирую: «Напомню публично заявленную в 2001 г. письменную инициативу, возобновлённую затем в 2003 г. от имени Союза польских ветеранов и бывших политических заключённых, а также от имени Союза военных инвалидов, наконец, 12 октября 2004 г. от Института Научных Исследований - снова провести после прошедших лет Встречу троих. При этом предполагался своего рода патронат со стороны ИИП, участие историков, что сделало бы возможным актуальное уточнение информации, непосредственное серьёзное сопоставление мнений и намерений из авторитетных источников – «из первых рук». Учитывая биологический фактор, добавлю – пока есть время. О своей готовности к такой встрече я заявлял постоянно и подтвердил это в своём письме 29 октября 2004 г. проф. Леону Кересу, бывшему в

тот период президентом ИНП. Цитирую: «Президент Института Научных Исследований д-р Збигнев Кумось прислал мне для сведения письмо, направленное Вам 12.10. Представленную в нём инициативу я горячо поддерживаю. Готов принять участие в предлагаемой встрече в любое время, в любом составе и форме. Мне известны многие высказывания г-на профессора, как и других представителей ИНП, в которых подчёркивается необходимость исчерпывающего исследования и объективной оценки противоречивых событий и проблем особого значения. Отказ от рассмотрения указанных проблем в компетентном кругу с последующим представлением их общественному мнению нанесёт огромный ущерб исторической правде. Ответа я не получил. Вместо этого вскоре – через 7 дней после моего письма 5 ноября 2005 г. в газете «Жечпосполита» и в других СМИ было опубликовано сообщение о том, что 18 октября прокуратура ИНП начала следствие по делу «о совершении 13 декабря 1981 г. коммунистического преступления». Вслед за этим возник обвинительный акт на основании ст.258, п.3 Уголовного Кодекса, которая касается преступлений обще криминального характера. Добавлю, что по этой статье обвиняются и судятся главы преступных группировок и бандитских мафий. Следовательно, можно согласиться, что в мысль ИНП «национальная память» о Встрече трёх будет наилучшим образом упрочена в заявлении прокуратуры. Таким образом, историки ИНП обеспечили себе комфортабельное избавление от неприятной темы, которая, по их мнению, «ставит с ног на голову» сложившееся одностороннее стереотипное представление об условиях введения военного положения. Встреча трёх на многие годы накрыта «шапкой – невидимкой». Упорно, хотя до сего времени безрезультатно, я пытаюсь её снять.

ГЕНЕРАЛЬНАЯ РЕПЕТИЦИЯ Военное положение – обвинения, осуждения, эпитеты постоянно усиливаются. Очередной «взрыв» без сомнения произойдёт в 30-ю годовщину. «Генеральная

репетиция» в ночь с 12 на 13 декабря 2010 г. была исключительно громкой. Ещё никогда перед моими окнами не собирались такие толпы, почти как на концерт г-жи Доды. Участвовали и доминировали молодые люди, которых в 1981 году ещё не было на свете. Но что было характерно на этот раз? То, что впервые оказали мне честь соседи – такие известные лица, как Людвик Дорн, Корнель Моравецкий, Томаш Сакевич, Пётр Семка, Бронислав Вильдштейн. Если кого забыл – прошу прощения. Произнесли громкие речи под аккомпанемент боевых выкриков на фоне воинственных транспорантов. Хотя я был единственным адресатом, оцениваю это реалистично. Мне представляется, что косвенно это было адресовано президенту страны Брониславу Коморовскому (в связи с моим участием в заседании Совета Национальной Безопасности), представителям левых сил, нередко называемым «пост коммунистами», участникам т.н. Салона, а также некоторым политикам, публицистам и вообще «плохим патриотам».

Чего ожидать от очередной годовщины? Что послужит поводом для нападков? Причём, как показывает многолетний опыт, по сути, форма здесь доминирует над содержанием. Отсутствуют углублённые оценки – как дошло до введения военного положения, в каких условиях это произошло, кто этому способствовал, кто упустил шанс проведения Встречи троих, которая открывала возможность избежать военного положения. Здесь я обращаюсь к г-ну Ярославу Качиньскому, напоминая, что он написал в 1994 г. в книге «Время перемен»: «Существуют разные мнения относительно Встречи трёх. Одни считают, что это был пропагандистский ход со стороны ПОРП. Другие полагали, что таким путём удастся временно успокоить Солидарность, или, по крайней мере, её контролировать. Наконец третьи, что Бронислав Геремек и его сторонники торпедировали эту инициативу, опасаясь усиления роли Костёла». Он заканчивает словами: «Эта проблема не выяснена до конца, и ожидает добросовестного изучения историками». Прошло уже 17 лет, а проблема всё ещё ожидает добросовестных историков, хотя о событиях меньшего масштаба обществу

регулярно напоминают, а их очередные годовщины даже торжественно отмечают. Вот, своего рода, белое пятно.

Здесь с этой трибуны я обращаюсь к нынешнему, очередному президенту ИНП д-ру Лукашу Каминьскому с предложением лично заинтересоваться и принять участие в выяснении сложившихся в тот период условий. Прежде всего, речь идёт об объективной оценке этапа, который нёс надежду, притом не только Польше. 30 лет назад это имело как внутривнутриполитический, так и международный резонанс. Одни наблюдали «польский карнавал свободы», другие предупреждали: «Польша – больной человек в Европе». И всё это происходило в условиях обостряющейся международной обстановки, превращаясь не только в наше внутреннее дело. Единственным реальным выходом был поиск пути к соглашению. Детали этого пути я описывал и документировал много раз, в книге «Военное положение. Почему?» стр.292-311, а также в разъяснениях перед лицом суда (книга «Последнее слово» стр.276-290). Я проводил встречи и беседы в различных кругах со многими людьми. Идея Совета Национального Соглашения получила широкую поддержку в обществе, по оценкам опросов – 77%. После Встречи троих 4 ноября 1981 г. эта поддержка получила официальное признание институций и союзов, общественных организаций и авторитетных лиц. Эту идею поддержала и большая часть Солидарности.

Людвик Дорн 11 декабря 1981 г. на заседании Общепольской Комиссии Солидарности в Гданьске представил итоги изучения общественного мнения, проведённого по всей стране Центром исследования общественного мнения региона Мазовше. Привожу характерную цитату: «Итак, уважаемое собрание, члены профсоюза и сам профсоюз как широкая, мыслящая, дискутирующая общность несомненно пережили определённый шок... Встреча Глемп – Валенса - Ярузельский получила всеобщее признание, противников, собственно, не было. Позиция Леха Валенсы на этой встрече в целом была также одобрена... Так что теперь, после того, что произошло в Радоме, профсоюз (Солидарность), его сторонники

пережили, не скажу, что большой, но определённый шок». Добавлю, что для нас, для власти это тем более было шоком. Прошло 30 лет, но и сегодня нет серьёзного анализа, оценки, которая логично объяснила бы, что и почему привело к такому «повороту»!?

Показательным было мнение зарубежных СМИ. Например «La Stampa» от 5 ноября: «Генерал Ярузельский является сегодня фактически единственным человеком в Польше, который способен спасти то, что ещё можно спасти... Для пути, избранного Ярузельским, Глемпом и Валенсой нет альтернативы». «Le Figaro» от 6 ноября: «Может быть, наконец, осуществится настоящее реальное национальное примирение, чтобы избежать катастрофы и вывести страну из кризиса». «La Repubblica» от 6 ноября: «Наблюдатели в Варшаве говорят о том, что рождается польский «исторический компромисс». «Le Soir» от 6 ноября: «Уже сегодня можно оценивать встречу (троих) как исторический поворот... возникает новая ситуация. Прежде всего, это доказательство отрезвления».

На этом фоне особенно неприятным стало следующее «открытие». Недавно появилась книга, озаглавленная «Белые пятна – чёрные пятна» под научной редакцией проф. Адама Даниэля Ротфельда и проф. Анатолия Торкунова. В ней есть 10-й раздел, посвящённый военному положению. Автор с польской стороны проф. Анджей Пачковский не говорит ни слова о Встрече трёх. А проф. Инесса Яжборовская, автор с российской стороны, известная, кстати, своими смелыми публикациями на тему Катыни и других «белых пятен», на стр.568 пишет: «Генерал Ярузельский по-прежнему не спешил с объявлением военного положения. Продолжал зондировать настроения и намерения советского руководства и искал пути политического соглашения с Солидарностью, что позволило бы снять остроту конфликта. Последней неудавшейся попыткой договориться с оппозицией была встреча, посвящённая обсуждению концепции Фронта национального единства. Она состоялась 4 ноября в Варшаве. Во встрече участвовали: Войцех Ярузельский, кардинал Юзеф Глемп, который после смерти Стефана Вышиньского

стал главой католического Костёла в Польше, а также председатель Солидарности Лех Валенса. Однако, ситуация становилась всё более напряжённой, что вело к конфронтации. На заседании Общепольской Комиссии независимого профсоюза Солидарность идея создания Фронта Национального Единства была отвергнута».

Различие взглядов и оценок среди историков явление естественное, даже творческое. Но этот пример говорит сам за себя. И как понимать это польским и российским историкам и читателям!? Вопрос риторический. Ибо понять его не трудно.

А КАК БЫТЬ С ИСТОРИЕЙ? Не моё дело оценивать результаты работы ИИП. Одно несомненно: располагая большим числом историков и пользуясь километрами архивных документов, до сих пор у ИИП не наблюдалось необходимости и желания изучить по существу Встречу трёх. Появилось множество книг, бюллетеней, передач, фильмов, разного рода публикаций, автором или соавтором которых является ИИП, но эта тема в них либо вообще отсутствует, либо упоминается вскользь, мелко, как незначительная. Недавно появился руководящий труд ИИП «От независимости до независимости 1918 – 1989. История Польши». Дорогой переплёт, более 500 стр. текстов, множество фотографий. Массово (40 тыс.) разослано по школам. Встреча трёх упоминается в общих словах, т.е. по существу замалчивается. Вместо того, чтобы обсуждать эту книгу, позволю себе привести слова проф. Ежи Вятра из книги «Заметки о политике и политическом сознании» (Изд-во Адам Маршалек, 2004). «Абсолютно объективной, беспристрастной истории нет, и никогда не было. Добросовестный, честный в отношении своей профессии историк стремится к беспристрастности при установлении фактов, но не должен заблуждаться, что в их интерпретации сможет быть свободен от влияния признаваемой им системы ценностей. Он может и должен стремиться к тому, чтобы понять иные точки зрения, вытекающие из иного

исторического опыта и иных систем ценностей. Такой релятивизм в исторических оценках не свидетельствует о неверии в собственное понимание, но выражением зрелого убеждения, что в истории никто не обладает абсолютной, бесспорной правдой, которая навязывается с всеобщей очевидностью. Только такой подход уберезёт политика от фанатизма, а историка от превращения в агитатора».

Не имею права читать мораль. В прошлом в этом отношении не было хорошо, было плохо. Но теперь должно было стать иначе. Свобода слова – великая ценность. Но «свобода замалчивания» и тенденциозного отбора – это её негативная изнанка. Я особенно рад тому, что сегодня, здесь среди нас есть лица, к сожалению немногочисленные, которые в прошлом находились в противоположном, чем я и большинство здесь присутствующих, политическом лагере. Я хочу выразить уважение г-ну министру Анджею Целинскому. Его моральный и интеллектуальный уровень известен, равно как и политический путь в качестве руководящего деятеля вошедшей в историю Солидарности. Он сумел, однако, подняться над обидами, дистанцироваться, понять сложность ситуации в тот сложный период. Естественно, мы не обязаны оценивать её идентично. Главное – найти платформу, на которой можно понять друг друга.

ДО И ПОСЛЕ ВСТРЕЧИ Почему состоялась Встреча 4 ноября? Прежде чем ответить на этот вопрос, напомним, что это был очередной, однако качественно новый шаг на пути к национальному согласию. После упорных отказов, о чём Станислав Каня пишет в своей книге «Остановить конфронтацию», я согласился занять пост премьера, на который и был назначен Сеймом 12 февраля 1981 г. Накануне, 8 февраля состоялась беседа с Мечиславом Раковским, которого предполагалось назначить заместителем премьера. Это был ясный сигнал, знак. Против назначения М. Раковского выступали консерваторы. Они считали его т.н. либералом, сторонником соглашения с Солидарностью на основе партнёрства. Эту свою позицию он выразил в январе

1981 г. в статье «Уважать партнёра». М. Раковский вёл подробный дневник. Это очень ценный и достоверный источник, хотя записи по горячим следам не свободны от некоторых субъективных преувеличений. Тем, кто хочет почувствовать атмосферу того времени, следует без предубеждения прочитать этот дневник. Опубликованы также стенограммы заседаний Политбюро ЦК ПОРП – «Секретные документы Политбюро ЦК ПОРП 1980-1981» (Aneks, London 1992). Наконец, для тех, кто интересуется, доступны в Архиве Новых Дел (Akt Nowych) протоколы заседаний Совета Министров и других госорганов. Со стороны оппозиции сохранилась менее упорядоченная документация. Однако, было множество различных публикаций, в т.ч. озвученных западными радиостанциями, освещающими позицию Солидарности, материалы её 1 съезда и т. п.

Короче говоря, эти две волны антагонистической риторики сталкивались, искрили. Это даёт ответ, почему рациональное стремление к национальному согласию встречало такое сопротивление. Были мудрые, идейные люди с одной и другой стороны, но были и, как я уже не раз говорил, «троглодиты и поджигатели». В реальных условиях политической борьбы на фоне внешнеполитической обстановки поле манёвра кадрами было ограничено. Признаю, что я слишком осторожно подходил к кардинальным заменам, старался маневрировать между крайностями. В итоге радикалы своим идейным напором, демагогией не раз задавали тон. Подобные проблемы были и у Леха Валенсы и других реалистически мыслящих деятелей Солидарности. Образно выражаясь, мы занимались слаломом, но только в гору!

М.Раковский пишет 8 февраля 1981 г. (т. 7, стр. 329): «В.Ярузельский сказал: политика правительства должна основываться на диалоге и общественных консультациях. Убедённый в необратимости изменений, произошедших после августа, он намерен делать акцент на необходимость последовательного осуществления общественных и хозяйственных реформ. Что касается Солидарности, сказал,

что он надеется найти с ней общий язык в чрезвычайно важных для Польши проблемах». В тех же Дневниках (т.7, стр.344) есть запись 19 февраля 1981г.: «Договариваюсь с Войцехом, что в отношении Солидарности играем открытыми картами. Я не дам использовать себя для двуличной политики, т.е. с одной стороны поглаживание, а с другой – битьё ногами. Войцех заявил, что целиком со мной соглашается. Он не будет вести двойную игру. Это было условием, которое он поставил перед вступлением в должность премьера». В Дневниках 17 февраля 1981 г.: «За несколько дней до моего назначения В.Я. мне сказал: «Наша историческая миссия состоит в недопущении советской интервенции». Ха! Но как это сделать, сейчас наш народ слегка ошалел и считает, что можно делать всё, чего душа пожелает».

В своём заявлении в качестве премьера 12 февраля 1981г. я сказал: «Ползущий процесс, который подрывает стабильную жизнь в стране, должен быть остановлен. Две власти в одной стране уместиться не могут. Такое положение привело бы к конфликту, столкновению, губительному для страны. Противоядие этому процессу является, таким образом, делом не только государственной власти, но и патриотическим долгом всех разумных и ответственных сил, в том числе миллионов членов, а также деятелей профсоюза Солидарность. В эту минуту я обращаюсь ко всем вам с просьбой о трёх спокойных рабочих месяцах – 90 дней. Это время мы намерены использовать для широкого общественного диалога; в спокойной атмосфере и с доброй волей мы осуществим всестороннюю оценку реализации соглашений. Разработаем принципы систематического делового сотрудничества и взаимодействия штабов (руководящих центров). Закрепим навыки такого взаимодействия на практике. Со своей стороны, для лучшей координации и обеспечения систематического характера указанных действий я намерен создать постоянный Комитет по делам сотрудничества с профсоюзами под председательством заместителя председателя Совета Министров. 20 февраля был создан Комитет Совета

Министров по делам профсоюзов. О значении стоящих перед ним задач говорит включение в его состав семи министров – это почти половина Правительства, а также о назначении его председателем вице-преьера Мечислава Раковского. Его заместителем и «правой рукой» стал политик открытый для разных подходов – министр Станислав Чосек. В отдельных министерствах под руководством соответствующих вице-министров созданы рабочие группы. Это – ясные сигналы, но и, прежде всего, конкретные шаги, подтверждающие стремление к контактам и сотрудничеству».

О намерениях Правительства, созданного 12 февраля, говорит то, что уже через несколько дней – 19 февраля были остановлены длившиеся несколько недель общепольские конфликты путём заключения компромиссов с бастующими крестьянами в Устшиках Дольных и Жешове, а также со студентами в Лодзи.

Сейм принимает 6 марта 1981 г. постановление о создании Чрезвычайной Комиссии по контролю за реализацией соглашений в Гданьске, Щецине и Ястшембе. Председателем становится лицо беспартийное – выдающийся учёный, многолетний председатель Международного Союза Социологов проф. Ян Щепаньский. Эти жесты не были ритуальными. Комиссия провела в 1981 году тринадцать заседаний. Их протоколы вместе с прилагаемыми материалами должны находиться в Архиве Сейма ПР. Первый том, посвящённый 1981 году насчитывает 296 страниц. По форме, установленной Правительством, о выполнении соглашений готовились и публиковались детальные отчёты. Первый такой отчёт за июль 1981 г. насчитывал 50 стр. Очередные также детальные отчёты каждый раз публиковались в августе 1982, 1983, 1984, 1985 гг. Жалко, что историки не пытаются, хотя бы критически, изучать эти материалы. В них можно увидеть полный срез событий того времени. Объективные трудности и субъективные препятствия в процессе осуществления соглашений; их результаты, особенно в хозяйственной области.

Всё это говорит о том, что вместе со Станиславом Каней в качестве государственных руководителей того времени мы

стремились найти определённую форму конструктивного сосуществования с Солидарностью. Естественно, что по пути возникали разного рода «трения». Не вхожу здесь в детали – я писал о них много раз; ни одна, ни другая сторона не были без вины. Тогда я говорил: лучше иметь 10 малых конфликтов в день, чем каждые 10 лет один большой конфликт – общественно-политический взрыв. Самым важным было направление. Его очевидным подтверждением стало то, что уже через 3 дня после моего избрания Первым секретарём ЦК ПОРП состоялась моя встреча с архиепископом, Примасом Польши Юзефом Глемпом. Мы совместно подтвердили необходимость найти форму соглашения. Отсюда и путь к Встрече трёх, о чём я скажу дальше.

Образно говоря, от Кубяка до Сивака, естественно с различными интенциями, мотивами, расчётами, но над всем преобладало понимание необходимости выйти из мёртвой точки. В противном случае Польшу, всех нас – и власть, и оппозицию ожидает тотальная катастрофа. В руководящих кругах, в аппарате имели место различные взгляды – от нервных, крайних, отчаянных, до умеренных и взвешенных. Последние связывались с надеждой, что удастся остудить радикальный накал в Солидарности, ограничить влияние крайних политических элементов, добиться элементарной стабилизации ситуации, особенно в общественной и хозяйственной областях. На IX съезде ПОРП в июле 1981 г., а также на IV Пленуме в октябре того же года мы официально внесли предложение – идею соглашения. Мы осознавали, что в обществе существует ожидание и потребность прекращения братоубийственной войны нервов и тягот ежедневного быта.

Для меня особенно был важен день 21 октября – разговор с Примасом Польши. Положение было напряжённое, трудное. 28 октября произошла общепольская предупредительная забастовка. Она не была наилучшей «увертюрой» к предстоящей встрече, и лишь обострила политический климат в стране. Однако, мы с Примасом были согласны – необходимо обязательно добиться проведения встречи.

Здесь два отступления. Первое: 14 октября 1981 г. Папа Ян Павел II принял члена Политбюро ЦК ПОРП и одновременно министра иностранных дел Юзефа Чирека. Он сообщил мнение власти об опасной ситуации в Польше. Папа выразил беспокойство, подчеркнул необходимость урегулирования конфликтов и следования по пути соглашения. Второе: на следующий день после Встречи троих, т.е. 5 ноября 1981 г. Примас отправился в Рим с целью информировать Папу-поляка. Есть основания полагать, что идея соглашения получила его «благословение». В то же время в Солидарности, в её руководстве было много ведущих деятелей, например, Ян Рулевский, которые решительно противостояли такой встрече. Об этом пишет Лех Валенса в книге «Дорогой надежды». Это уже заранее обрекало на неудачу возможность осуществления данной инициативы.

ОШИБОЧНЫЕ ОЦЕНКИ В кругах власти существовало мнение, что в рабочем классе есть «здоровое течение» и есть «злые духи», которые вносят в него антисоциалистическую, антигосударственную «инфекцию». 26 марта 1981 г. в период быдгощского кризиса состоялась моя встреча с Примасом Польши кардиналом Стефаном Вышиньским. Я описал её в книге «Военное положение. Почему?» в разделе «Встреча с Величеством». В нашем долгом разговоре, помимо тем, касающихся трудного положения в стране, он с озабоченностью говорил о чрезмерной политизации Солидарности. В этом контексте он критически оценивал КОР, называл имена, прежде всего Яцека Куроня. Признаюсь самокритично, что наши оценки, вытекающие из противоположных, естественно, подходов, были идентичны. Я долго так думал. И лишь через много лет, без эмоций и упрощений того времени, а в особенности, в свете работ и публикаций Адама Михника, проф. Анджея Фришке и других авторов, я вижу это иначе. Я признаю историческое значение КОР. Сознаю мировоззренческие барьеры той поры между нами, но вижу также определённое сходство общественно-этических подходов. Именно от некоторых деятелей КОРа

слышались беспокойные голоса в связи с опасным развитием ситуации. «Работник» от 27 августа 1981 г. опубликовал фрагменты дискуссии. Вот некоторые из них.

Ян Литыньский: «Мы наблюдаем распад экономики и распад государства. Солидарность этот распад ускорила, как бы парализовав органы власти. В этой ситуации возникает опасность по многим направлениям. Одно из них – радикализм типа КПН. Другая опасность, которой профсоюз уже поддался – это распространение движения борьбы за продовольствие».

Яцек Куронь: «Впервые начинаю думать, что нам может угрожать гражданская война».

Бронислав Геремек: «Страна находится в состоянии национальной угрозы, каких в истории Польши было немного. Нам угрожает не только интервенция, но и крах по внутренним причинам...Катастрофа стала очевидной. Эта катастрофа нас засасывает. Никто из сидящих за этим столом не знает, как выйти из кризиса».

Эти слова звучали в августе, но насколько более грозным положение стало в декабре 1981 г. Это подтверждает в «Газете Выборчей» от 25-26 апреля 1992 г. Ян Юзеф Липский: «Я смотрю на это и не верю своим глазам, потому что я был здесь во время Варшавского восстания и знаю, чем всё это может кончиться». Сегодня многие полагают, что решение о начале восстания было неизбежным. Одним из аргументов считается молодёжь, которая была так «горяча», что даже без команды могла пойти «на баррикады». Я привожу эту мысль, вспоминая температуру в обществе поздней осенью 1981 г., различного рода её проявления (политические, общественные, хозяйственные), которые уже никто не мог держать под контролем.

Много раз я говорил о своём бессмысленном сопротивлении тому, чтобы лица, столь заслуженные, негибимые в многолетней борьбе за демократическую Польшу, как Яцек Куронь и Адам Михник сели за Круглый Стол. Я был «нафарширован» предубеждением, уверенностью, что это «демонические» личности, способные

сдвинуть Круглый Стол на фальшивую почву. Вот доказательство, как, мягко говоря, стереотипы, недостаток знания сбивают с толку. Правда, утешением может быть то, что государственный аппарат во всём мире нередко драматизирует, а то и фабрикует факты. Президент Джордж Буш(младший) получил информацию о том, что Саддам Хусейн обладает оружием массового уничтожения. Этим он обосновал начало войны. Мы также в определённой степени зависели от исходивших из разных источников мнений, ошибочных, а иногда и ложных. К этому добавлялся недостаток демократии, а также некоторые неверные персональные решения. Наконец, настроения в поведении большей части партийного аппарата и актива, реакция которых обостряла опасения относительно различных, в том числе и физических угроз. Повод к этому давали воинственные лозунги и угрозы со стороны экстремистских кругов Солидарности, КПН и разных авантюристических групп.

ЧТО ДАЛЬШЕ? Власть, партия не была монолитом. Рядом с людьми думающими, открытыми были также те, кто тянул назад, тормозил. В январе 1989 г. попросту с помощью шантажа было получено согласие на официальное признание Солидарности. Но не следует упрощать. Солидарность со времени 21-го требования в период соглашений в августе 1980 г. после программы, принятой на её 1 съезде и вплоть до Круглого Стола всегда была, короче говоря, в общественно-экономическом отношении «налево» от власти. Популистские лозунги и требования углубляли экономический кризис. С этим, в частности, было связано позднейшее сопротивление против новой регистрации Солидарности в качестве профсоюза. Тем более, что уже функционировал возникший к тому времени под председательством Альфреда Мёдовича объединённый профсоюз (OPZZ), насчитывающий около 7 млн. членов, в том числе 60-70% бывших членов Солидарности. Мы опасались, что конкуренция, соперничество между этими

двумя профсоюзами может быть вредна для экономики, для её экономически неизбежного, но не популярного в обществе реформирования. Основания для таких опасений были. Проф. Анджей Пачковский в книге «Полвека истории Польши 1939-1989» пишет, что 18 декабря 1988 г. при председателе независимого профсоюза Солидарность был создан Гражданский Комитет. В его программе имелся большой перечень экономических требований с притязаниями на возвращение прошлых полномочий. Следует добавить, что в Солидарности существенное влияние имели радикальные противники соглашения. И только постепенное появление взаимного доверия и «оттаивание» крайних кругов с обеих сторон открыло путь к Круглому Столу, а в последующем и к фундаментальным переменам.

Немало политиков по-прежнему считают Круглый Стол и его последствия ошибкой, сговором элит, даже изменой. Они выражают это разными способами. На деле – это петушинная демонстрация мускулов «пост-фактум». Было бы смешно, если это не служило бы приманкой в нынешней политической игре. Круглый Стол, национальное согласие, а в его результате революционные по содержанию, эволюционные по форме перемены были и остаются великим польским достижением, признаваемым и уважаемым во всём мире, импульсом и примером для стран нашего региона. Революция в форме переговоров не принадлежит, однако, к нашей национальной традиции. «Что у нас вражья сила забрала – саблей отберём», а тут Круглый Стол, выборы, передача власти мирным демократическим путём. Не было ни штурма ЦК, ни взятия казарм. Проф. Януш Тазбир пишет в книге «Польша на историческом повороте»: «В 1989 г. независимость была завоёвана путём компромисса и переговоров, что вызвало и всё ещё вызывает дикую злобу в некоторых кругах». По их мнению, для Польши недостойно и несовместимо с национальной традицией «добиваться суверенитета без кровопролития». На страницах «Политики» 12 декабря 2005 г. Людвик Дорн, в то время министр внутренних дел и администрации, заявил: «Возврат к идеям декоммунизации теперь невозможен, ибо для этого

потребовалась бы революция...Коммунисты обрадовались бы, что им подарили жизнь. Они целовали бы нам руки за то, что их не вешали на фонарях, но сторонники «Газеты Выборчей» публично называли нас якобинцами, и декоммунизации не было». Эту версию поддерживает известный многие годы как энтузиаст «вешания» поэт и писатель Ярослав Марек Рымкевич. Я должен огорчить этих господ. Во-первых, «руки были коротки», и я знаю, что говорю. Во-вторых, даже если бы были попытки пойти дорогой мести (не говоря уже об их авантюризме), это ослабило бы, дезавуировало перестройку Горбачёва, ускорило бы реакционный путч в Москве и увеличило шансы его успеха. Это также затормозило бы и даже отодвинуло назад процесс перемен во всём регионе, дало отталкивающий пример, тем более, что оппозиция там была слабой, а власть - прочной. Наконец, это вошло бы в противоречие, даже во вред процессу международной разрядки.

Использую яркий пример. После выборов в июне 1989 г. я отказался выдвинуть свою кандидатуру на пост президента. В то время в Польше находился с визитом Президент США Джордж Буш(старший). В книге «Изменившийся мир» (Политея, 2000) он пишет: «...то, что планировалось как 10-минутная встреча за кофе, превратилось в двухчасовую дискуссию. Ярузельский...говорил о своём нежелании претендовать на пост президента и стремлении избежать внутренних конфликтов, столь ненужных Польше...Я сказал, что отказ от выставления кандидатуры может мимо его воли привести к опасной по своим последствиям нестабильности и настаивал, чтобы он заново обдумал своё решение. То, что американский президент пробует склонить коммунистического руководителя бороться за политический пост, выглядит смешно. Но я был убеждён, что опыт, которым обладал Ярузельский, давал прочную надежду на успешное проведение перемен в переходный период в Польше».

Как видно, энтузиастов «вешания на фонарях» не было и на Западе, ибо вторая половина 1989г. и 1990 г – это период

фундаментальных перемен. Их осуществляло правительство Тадеуша Мазовецкого в коалиционном де-факто составе, смешанного состава Сейм, а под законами, закрепляющими эти перемены видна подпись президента того времени. Левые силы, включая ПОРП, (позже ПСДП) не «вставляли палки в колёса» перемен, а – наоборот. Всё это сегодня отодвигается в тень. Роль Солидарности в деле перемен была огромна, но её не следует монополизировать.

С БОЛЕЕ ШИРОКОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ Наши польские дела следует рассматривать с более широкой перспективы. История, оцениваемая в полоно-центристском сужении, становится лжеисторией, а бывает и фанфаронством. Верно сказал Анджей Целиньский, что для наших перемен должна была созреть Международная ситуация. Напомню 1918 год. Польша возвращает независимость, но в какой ситуации? Когда терпят поражение два захватчика, а третий, охваченный революционной горячкой, выпадает из этой коалиции. А если бы Россия, как одна из главных сил, оказалась среди государств-победителей, можно ли себе представить возникновение независимой Польши?! Мудрость всех тех, кто с оружием в руках и дипломатическими средствами боролись за независимость, состояла в том, чтобы использовать сложившуюся конъюнктуру. В каком-то смысле это можно отнести к ситуации второй половины и, особенно, конца 80-х гг. Нахожу подобный способ оценки тогдашних условий у Лешека Бальцеровича. В интервью из уже упоминавшейся книги «Мы» он говорит: «Я считаю, что Польша не восстановила бы независимость после Первой мировой войны, если бы не было войны между тремя захватчиками; и не получила бы её в 1989 г. если бы не перестройка Горбачёва. И не помог бы ни Пилсудский тогда, ни Солидарность - потом. Не исключено, что Солидарность ускорила развал в самом социалистическом лагере». Так же, как «пражская весна» 1968 г. опередила своё историческое

время, так и наша «польская осень» 1981 г. опередила, в смысле условий, особенно внешних, реалии своего времени.

Для переломных перемен должны созреть условия объективные и субъективные, внутренние и внешние. Это подтверждают исторические процессы, которые «сливаются», образно говоря, в широкую реку причин и следствий. Она возникает из многих притоков, чтобы найти своё устье. В этом смысле особое, главное течение, назову его всепоглащающим – это поток Горбачёва. Есть старая русская поговорка: «Под лежащий камень вода не течёт». Он сдвинул этот камень. Ясно, что это не уменьшает роль других факторов, в том числе военно-экономической политики Запада, возрождённого потенциала и динамизма Солидарности во главе с Лехом Валенсой. Воздействия Костёла, наконец, реформаторского курса властей. Конечно, можно измерять заслуги процентами, выделять или уменьшать роль разных политических сил и деятелей, что, кстати, постоянно и происходит в наши дни. Советую прочитать книгу Яна Павла II «Память и идентичность» (стр. 169): «Возьмём пример коммунизма. Как я уже говорил, к его падению наверняка привела порочная экономическая система. Но видеть причину только в экономических факторах было бы упрощением. С другой стороны, было бы смешно, если бы я считал, что Папа собственноручно разрушил коммунизм». Ясно, что его роль была важной, однако, необходимо оценивать её рационально, без мистических преувеличений. Во время моего визита в Ватикан в январе 1987г. Ян Павел сказал: «Провидение послало нам Горбачёва». Я много раз приводил эти слова. Независимо от того, признаёт кто-то или нет «сверхъестественным» его появление, следует принять во внимание эту оценку Папы-поляка. Она нашла подтверждение в сердечном, массовом, спонтанном приветствии Горбачёва жителями Варшавы, Кракова, Щецина в июле 1988 г. А приветствовали его некоторым образом, как могильщика социализма.

У меня были близкие контакты с Михаилом Горбачёвым, мы беседовали в сумме в течение многих часов.

Знаю, с каким трудом он добивался перемен, Какое встречал сопротивление. Я хорошо знаю Россию и русских. Их первыми коснулись в массовом масштабе жестокость и страшные преступления сталинизма. Поляки оказались среди народов с наиболее трагической судьбой. Но одновременно моя память хранит воспоминания о благожелательности простых людей, особенно сибиряков. Ещё живы фронтовые воспоминания. Я не буду трусливо отрицать реальные дружеские контакты и проявления послевоенных десятилетий. Ценю русскую литературу, театр, музыку. С другой стороны, я узнал специфическую ментальность советских «руководителей». Помню, как реагировали на Горбачёва, как нарастало сопротивление и слабела поддержка. Поэтому мы старались делать наши шаги так, чтобы не навредить ему. Он даже сам говорил, что Польша стала своего рода лабораторией перестройки. Во второй половине 80-х гг. действительно возникла конъюнктура, шанс. Холодная война ослабевала, происходила эрозия межблокового противостояния. Активно участвуя в этом процессе, мы, тем самым, создавали условия, благоприятные для внутренних перемен в нашей стране. Жаль, что в Польше не были опубликованы переведённые на ряд языков мемуары Горбачёва «Жизнь и реформы» (Новости, 1995, 2 тома - вместе 1250 стр.). Во втором томе есть раздел 32 под названием «Войцех Ярузельский, союзник и единомышленник» (стр. 336-351). Кроме описания тогдашних процессов и наших совместных усилий, там есть фрагмент, где говорится о том, что я настаивал на открытии дела о Катыни. Удивляет, что воспоминания Горбачёва – важное свидетельство эпохи, так мало представлено и известно среди польских историков и публицистов.

К СОГЛАШЕНИЮ Ряд деятелей из разных кругов оппозиции в 60-70 гг. продолжали оставаться активными. Говорю об этом спустя годы с уважением к их идейности, смелости, дальновзоркости. Поднималась, так сказать, вторая пропагандистская волна нелегальных изданий. Сохранился и продолжал действовать

руководящий «стержень» Солидарности. Хочу подчеркнуть его верность идеалам, стойкость, несмотря на некоторые неприятные последствия. Здесь нужно напомнить роль Леха Валенсы в качестве руководителя, символа; оценить его твёрдость, последовательность и, вместе с тем, умеренность, эластичность, столь важные на пути к Круглому Столу. В первой половине 80-х гг. ещё действовали, правда, постепенно смягчаясь, запреты и ограничения военного положения. Попытки договориться с различными кругами дали ограниченные результаты. Оценка Патриотического Движения Национального Возрождения остаётся противоречивой. В условиях того времени Движение не могло выполнить многие связанные с ним надежды и ожидания. По отношению к требованиям кругов оппозиции этого было слишком мало. Не подлежит сомнению, что это движение, которое возглавил известный католический писатель Ян Добрачиньский, объединило многие общественные организации и союзы. Это были тысячи людей, в том числе известных и авторитетных, которые стремились к урегулированию общественно-политических конфликтов, выдвигавших и осуществлявших полезные инициативы, т.о. расширяя поле согласия и контактов общества с властью. В целом ПДНВ оставило по себе как некоторую неудовлетворённость, так и определённые положительные итоги.

Во второй половине 80-х гг., а особенно после амнистии 1986 г. условия деятельности оппозиции существенно изменились. Это способствовало постепенному выходу на дорогу, которая в конце привела к переменам переломного характера. Рождались различные инициативы и площадки для поиска соглашений. 6 мая 1987 г. вступил в силу закон об общественных консультациях, а также о референдуме, который был проведён на демократической основе в том же году. Стоит добавить, что несмотря на призывы Солидарности к бойкоту, участие в нём было более массовым, чем в выборах 4 июня 1989 г. Был создан Консультативный Совет в составе свыше 50 человек – представителей польской науки, культуры, общественных

деятелей. 80% из них были беспартийными, частично – близкими к Костёлу и Солидарности. Приведу только некоторые имена: Юлиан Аулейтнер, Витольд Бенедиктович, Гжегож Бялковский, Януш Беньяк, Мачей Гертых, Юзеф Геровский, Александр Гейштор, Ян Кароль Костшевский, Тадеуш Кошаровский, Марек Котаньский, Ян Кулай, Герард Лабуда, Александр Легатович, Ян Мейштович, Веслав Мысльевский, Анна Пшецлавска, Владислав Сила-Новицкий, Халина Скибневска, Кшиштоф Скубишевский, Анджей Свенчицки, Эугениуш Табачыньски, Ежи Треля, Анджей Тымовски, Збигнев Вежбицки, Януш Заблоцки, Станислав Завада. В апреле 1987 г. Примас Юзеф Глемп принял на официальной аудиенции десять членов Совета. Об этом было опубликовано официальное сообщение Секретариата Примаса, что следовало понимать, как желание информировать общественное мнение о положительном отношении церковных властей к деятельности Совета. Некоторые члены Совета сказали мне, что, как им известно, Папа Ян Павел II интересуется и даже знакомится с содержанием некоторых заседаний. Дискуссии носили оживлённый, конкретный, критический характер. К участию в заседаниях приглашались представители власти (вице-премьеры, министры), ответственные за те проблемы, которые рассматривались Советом. Они сообщали информацию, представляли планы и программы, а затем передавали мнения и предложения Совета соответствующим лицам и организациям. Обсуждение записывалось на магнитофон. После каждого заседания его полная запись публиковалась в 30 тыс. экз. в еженедельнике «Народный Совет». В 1990г. указанное издательство выпустило все материалы в двух томах – в сумме 1021 стр. Говорю об этом столь детально, поскольку считаю, что это был своего рода политико-психологический зондаж, поиски пути взаимопонимания и соглашения в более широком масштабе. Деятельность Совета можно в некотором смысле считать прототипированием тропинки к Круглому Столу.

Первая половина 80-х гг. принесла обострение на стыке: власть и сфера культуры. Это наиболее ясно

проявилось отказом известных актёров от участия в телеспектаклях. Раздражало как раз то, что многие из них раньше были любимчиками власти. Казимеж Деймек сочно сказал: «актёр существует для игры». Именно в этой среде эмоции не раз заглушали рассудок, чувство ответственности. Одно дело, что часто полезно, это «разогреть». А другое – это «подогреть», когда и так уже слишком горячо. Наша, вт.ч. и моя реакция была, однако, слишком нервной. Необходим был реалистический подход с обеих сторон.

Был создан и Национальный Совет Культуры под председательством проф. Богдана Суходольского. В нём участвовали деятели польской культуры и творческой среды. Благодаря стараниям Совета многие лица из разных мест активизировали свою работу в пользу конкретных интересов культуры. Активисты культурной жизни, особенно на периферии, получили новые возможности и лучшие условия для своей работы. Этому способствовало создание Фонда Развития Культуры. В 80-е гг. был издан ряд запрещённых ранее книг и показаны фильмы, отложенные «на полку».

Сейм учредил должность Защитника Гражданских Прав – проф. Эву Лентовскую, выдающегося юриста, личность независимую, беспартийную.

Под редакцией Марка Голишевского начал издаваться ежемесячник «Конфронтации», на страницах которого публиковались также представители оппозиции, в т.ч. Бронислав Геремек. В целом произошло много реальных шагов и реформ того времени, которые я описал в книге «Письма», стр. 254-261 (Изд-во АТМ, 2010). Это были субституты демократии, которые, тем не менее, приносили полезный опыт на пути к дальнейшим переменам. Суммируя, можно повторить за Гегелем: «Без реформы нет революции».

ВЫБОРЫ Силы Солидарности в июне 1988 и июне 1989 гг. были несравнимы. В этот краткий период она приобрела скачкообразную поддержку в обществе. Это показали результаты выборов. На то были объективные и субъективные причины. Известный британский учёный и публицист Тимоти Гартон Эш с

юмором написал, что даже если бы Святой Пётр был кандидатом на выборах в Сейм от ПОРП, то и он проиграл бы, как по историческим причинам, так и из-за реакции общества на трудности того времени, связанные с положением в экономике. Однако, причиной поражения стал также верх наивности и расхлябанности с нашей стороны, со стороны власти, всех её ветвей. Следует также помнить, что психологический эффект выборов был значительно более значительным, чем их действительный результат, включая 38% не проголосовавших.

Честь и слава тем людям из оппозиции, которые стали выше несправедливостей и обид. Но и мы, власть также преодолевали различные предубеждения, включая память об опасностях 1981 г., и шли на выборы с убеждением, что глубинные перемены необходимы. Не буду приукрашивать свою биографию, делая вид, что был иным, чем был, что реальный социализм мне чужд, Я считал, что этот строй по своей главной идее правилен. Что его необходимо глубоко реформировать, чтобы он стал ближе людям, а главное – эффективным экономически. Папа Ян Павел II во время нашей встречи в замке на Вавеле (в Кракове) 22 июня 1983 г. сказал: «Знаю, что социализм есть реальность, речь идёт о том, чтобы он был с человеческим лицом». В этом направлении мы делали разные шаги. Оказалось, однако, что этого недостаточно. Не хватило социально-политической силы, которая позволила бы власти преодолеть, в частности, экономическое равнодушие. Нужна была встряска, шок. Это могла выполнить, под своего рода наркозом надежд и ожиданий, только апробированная обществом сила, возникшая демократическим путём. Это оказалось, однако, не до конца эффективно. Реформы Бальцеровича привели к нарастанию общественного недовольства, отсюда вскоре в I туре Станислав Тыминьский выигрывает у Тадеуша Мазовецкого, а через несколько лет СЛД (SLD), сохраняя и закрепляя генеральное направление перемен, побеждает на парламентских выборах.

Было бы ошибкой не заметить, что власть, её реформаторские силы постепенно приближались к общей

точке соприкосновения с Солидарностью того времени. Были разного рода инициативы, рождалась «инфраструктура» контактов. Наконец Круглый Стол, реалистическое решение проблемы. Солидарность была слишком слаба, чтобы опрокинуть власть, власть была слишком слабой, чтобы без поддержки Солидарности провести фундаментальные реформы. Не было победителей и побеждённых. Победили жизненные интересы Польши! Поэтому странно, что все заслуги приписываются только одной стороне. Следуя этим путём, может оказаться, что Солидарность заключила соглашение не с властью, а сама с собой. Это подтверждает сам ход и политико-пропагандистское сопровождение факта принятия Польшей функции председателя в Европейском Союзе. О левых силах (президент, премьер, правительство), которые сыграли ведущую роль в деле вступления в ЕС, почти ничего.

Солидарность была великим социально-политическим движением. Она несла с собой демократическое послание, сыграла роль первопроходца и была исторически права. Правда в общественно-экономических делах она эти принципы коренным образом изменила, что привело к типичному для капитализма резкому материальному разделению общества, безработице, а также к серьёзным ограничениям социальных функций государства. В свою очередь, мы, власть, были правы с точки зрения существовавшей ситуации, прагматического подхода, что позволило избежать конфронтации, а затем – пойти дальше. Следует задать себе вопрос, можно ли было без учёта позиции власти, когда, как, и каким образом, а, главное, какой ценой реализовать намерения Солидарности?

Среди нас присутствует проф. Ян Видацкий. Его жизненный, профессиональный и политический путь я хочу вспомнить с уважением. Свои взгляды и оценки он мудро и смело высказывал на стр. еженедельника «Пшеглэнд». В связи с сегодняшним выступлением профессора напрашивается такой вывод: каждый оценивает определённые процессы и события на основе собственного опыта, что естественно. Я уважаю противоположные

взгляды, если они основаны на реальной оценке ситуации того времени. Главное, чтобы объективные реалии и субъективные оценки были по возможности близкими. Норвид, несколько преувеличивая, написал, что в Польше каждая мысль опаздывает, а каждое действие – преждевременно. Субъективный, эмоциональный подход без объективной, рациональной основы будет слепым и стихийным, т.е. опасным и даже гибельным. В нашей истории таких примеров немало.

ДРАМЫ Многие события нашей истории всё ещё разделяют историков и политиков. Различные оценки и взгляды необходимо уважать на базе наивысшей ценности, которой является благо Польши. Проф. Тадеуш Котарбиньский писал, что бывают споры воинственные, а бывают ради достижения истины. К сожалению, первых у нас больше. Я прочёл когда-то мудрые слова французского учёного: «даже когда согласия не удаётся достичь, необходимо договориться о том, что нас разделяет». Речь идёт как раз о том, чтобы из материалов, которые мы сегодня знаем, из документов, реальных фактов, свидетельств главных очевидцев, «без гнева и пристрастия» сближать точки зрения. В природе человека доминирует склонность к собственной правоте. Я также не свободен от такого рода мышления. Много раз я говорил и писал об организационных недостатках системы, а также о практических ошибках, в том числе и моих, совершённых в прошлый период, особенно о тех, которые принесли людям несправедливость и боль. Я сожалею, соболезную и прошу прощения за различные тяжёлые последствия военного положения. Оно было крайней, но необходимой мерой. Было меньшим злом, но зло, даже меньшее, остаётся злом. Многое из того, что произошло в вихре бурных событий и сопутствующих им эмоций, я оцениваю с сожалением и печалью. Это касается, в том числе масштабов и формы интернирования, проверок и увольнений с работы, а также необходимых в сложившейся ситуации разного рода ограничений и репрессий. Наконец, о всякого рода пакостях, о части которых я узнал годы спустя. Прежде

всего, я сожалею, что дошло до смертельных жертв. В период военного положения, т.е. с 13 декабря, а фактически с 16 декабря 1981 г. (шахта «Вуек») до 22 июля 1983 г. погибли 16 человек, в том числе один милиционер.

Не хотелось бы, чтобы это прозвучало как сухая статистика. Каждая смерть, особенно в столь драматических условиях, это трагедия. Каждая несправедливость и страдание имеют своё имя. Каждая – оставляет в семье, а также в общественной памяти боль и шрам. Каждая из них возникла в конкретной, как правило конфликтной, ситуации, но ни одна из них – в силу решений верхов. Однако, вопреки этому вполне обоснованному, вызывающему боль признанию, подбрасываются не проверенные, зачастую взятые с потолка цифры смертельных случаев. Следствие, проводимое в последние годы, не даёт оснований для такого рода оценок, а, главное, для манипулирования с их помощью общественным мнением. Не хотелось бы, чтобы эти слова были восприняты как дистанцирование от данной темы, как сглаживание преступления. Вовсе нет. Убийство ксёндза Ежи Попелушко, другие случаи насилия со стороны властей не дают мне права, не позволяют игнорировать, исключать содеянное сотрудниками госорганов. Я сознаю моральную ответственность данного заявления. С другой стороны, нельзя согласиться с приписыванием властям каждой жертвы, каждого невыясненного и недоказанного случая, с приданием ему политической окраски. В столь болезненных делах всякое обобщение, их пропагандистское использование становятся политическим и моральным насилием. Особенно поражает сопоставление минусов военного положения с одновременным идеализированием предвоенной Польши. Вот некоторые исторические сравнения:

- через 5 лет после майского переворота 1926 г., в ходе которого, следует напомнить, погибло 379 человек, 920 было ранено, состоялся «брестский процесс». Накануне его был заключён в тюрьму при жестоком обращении Винцент Витос и ряд других выдающихся польских политических деятелей;

- через 5 лет после введения военного положения в сентябре 1986г. проведена общая амнистия. Польша стала с

тех пор единственной страной в соцлагере, в которой не было политических заключённых;

- через 8 лет после майского переворота был создан лагерь для заключённых в городе Береза Картусска. Обострялся полу диктаторский режим. По данным Малого статистического ежегодника за 1939 г. (стр.364), в 1937 г. в Польше было осуждённых за преступления против государства 3755 человек, в т.ч. 2945 – за государственную измену;

- через 8 лет после введения военного положения мы уже провели июньские выборы и создали первое в соцлагере правительство, возглавляемое лицами из рядов демократической оппозиции.

НАСТРОЕНИЯ В ОБЩЕСТВЕ

Как сказал полковник д-р Габриэль Змарзлинский, прежде всего, необходимо оценить, каков был в то время дух, настрой общества. Проанализировать, объективно оценить, кто был «за», кто был «против». И здесь – тоже «белое пятно». Ибо неправда, что это была война с народом, а тем более, как её гротескно называют «война польско-ярузельская». Если бы это было так, военное положение протекало бы иначе. Иначе повело бы себя Войско Польское. Иной была бы его боеготовность и дисциплина, в том числе среди воинов срочной службы, 50% которых до призыва были членами Солидарности. Наконец, иной бы была реакция миллионов людей, которые по сей день, несмотря на пропагандистскую канонаду, с пониманием оценивают его введение. Добавлю к этому, что именно Войско Польское, его реальная сила и способность действовать, чувство патриотического долга и ответственности за государство стали главным аргументом, положительным фактором, доказательством в пользу решения внутренних проблем собственными силами. В Венгрии в 1956 г. армия была разделена надвое, в Чехословакии в 1968 г.- дезориентирована, в Польше в 1981 г. – едина.

Организатор и многолетний директор Центра изучения общественного мнения полковник проф. Станислав

Квятковский, ссылаясь на опросы и исследования общественного мнения, компетентно и достоверно представляет в своих личных и научных публикациях расстановку сил в тот период времени. Они опровергают ряд «фундаментальных основ» нынешней политики в области истории, и поэтому остаются без ответа. Надеюсь, что подобная судьба не уготована его последней книге «В состоянии высшей необходимости» (Изд-во Адам Маршалек, 2011). Это необычайно интересная, исключительно содержательная публикация.

ШПИОН Для воинов, особенно кадровых, необычайно важна оценка их службы, её значения для обороны и безопасности Польши. Попытка сделать из Рышарда Куклиньского «героя» является по существу попыткой подорвать их патриотический дух и солдатскую доблесть. Здесь есть повод, чтобы остановиться на очередном «белом пятне». Ясно, что американцы прекрасно знали(как известно, не только от Куклиньского) положение в Польше, подготовку к введению военного положения и реальность его осуществления. Однако, они не сообщили об этом Солидарности, Костёлу, Папе-поляку; более того, они не сделали предупреждения польским властям. А для этого был подходящий случай: визит вице-преьера Збигнева Мадея в Вашингтон 6-9 декабря 1981 г. и его переговоры на высоком уровне, включая вице-президента США. Ни слова о том, что будет решительная реакция, ограничения, санкции. Мы могли воспринять это как понимание для философии «меньшего зла». Однако окончательного правдивого ответа нам приходилось всё ещё ждать. Не слишком ли долго? Разные объяснения самого Куклиньского и других лиц, не назову их из жалости, напоминают сказки для недоразвитых детей.

Каково «второе дно» на самом деле? Напомню: 4 ноября 1981 г. происходит Встреча троих, а через 3 дня, т.е. 7 ноября Куклиньский дезертирует. Он даёт о себе знать только через 6 лет в интервью парижской «Культуре». В № 4 за 1987 г. он говорит: «Возможность ознакомиться с планами

использования советских и польских вооружённых сил против Солидарности я имел благодаря моему особому служебному положению в Генеральном Штабе, которое в период кризиса было преобразовано в своего рода секретариат (в одном лице) руководства Министерства Национальной Обороны по вопросам подготовки военного положения...Мне, в то время полковнику Рышарду Куклиньскому приходилось участвовать в рабочей координации (согласовании) плана введения военного положения с центральным планом руководства деятельностью государства в тот период». Интервью насчитывает 54 стр. и касается подготовки военного положения, которого, как следует из вышесказанного, он был одним из главных организаторов. Вместе с тем, там нет речи об угрозе Европе внезапным мощным ударом Советской Армии и государств Варшавского Договора, что в итоге должно было вызвать термоядерный Апокалипсис, уничтожение нашей страны.

ВЫСТРЕЛ МИМО ЦЕЛИ

Особенно забавно звучит тезис о «внезапном ударе». Не нужно быть знатоком военного искусства, чтобы понимать, что развязывания войны потребовало бы соответствующих приготовлений. Невозможно было бы скрыть мобилизацию и крупные перегруппировки войск. Не только агентура, но и радио прослушивание, радиолокаторное и спутниковое слежение позволяли постоянно «держать руку на пульсе». Что ещё в этой связи? Пожалуй, то, что эта «зловещая сила», которая в течение нескольких дней – двух недель могла покорить всю Западную Европу, в 1981 г. якобы «испугалась» Солидарности и даже не была способна осуществить локальную интервенцию в сфере своего влияния в Польше. Как это объяснить? Почему эту загадочную тему обходят молчанием, почему не анализируют разные, обычно столь красноречивые эксперты в политико-историческо-стратегических вопросах?!

Возвращаюсь к Куклиньскому. Откровения об угрозе термоядерной войны, несущей уничтожение Польше, появляются только через несколько лет, когда настойчиво возникает вопрос, почему его агентурные сведения о подготовке военного положения оказались ненужными. Первый председатель Верховного Суда проф. Адам Стшембош 30 марта 1995 г. внёс апелляцию о пересмотре дела Рышарда Куклиньского в пользу последнего (опубликована в газете «Жечпосполта» 7 апреля 1995 г.). В ней говорится: «...следует принять во внимание хорошо известный факт существования ограничения суверенности Польши и непосредственной в тот период угрозы вторжения со стороны Светского Союза и других соседних членов бывшего Варшавского Договора, при полном знании реалий со стороны Р. Куклиньского, который своим отчаянным поступком предпринял попытку воспрепятствовать непосредственной угрозе вторжения путём информирования руководителей государств, имеющих влияние на судьбы мира... Раскрытие этого, т.е. информирование мира не было возможным без выезда из страны».

Мыльный пузырь лопнул. «Руководители государств, имеющих влияние на судьбы мира, не ангажировались. Таким образом, искусственно создаётся миф о спасении Польши. В этом должна состоять великая «заслуга» Куклиньского. А правда простая. Действительно, Куклиньский во время шпионской, при том, материально не безвозмездной, деятельности передал ЦРУ, а не американской военной разведке, программу развития, а также много других материалов, касающихся Войска Польского: организация, вооружение, планы и проведение манёвров, некоторые «особенности» персонального характера. Однако он не принимал участия в оперативном планировании на случай войны. Такие планы, естественно, были. Их частичное отражение проявлялось в рамках стратегических учений, например «Лето-67» и «Страна-73», в подготовке и проведении которых, в разной степени, участвовали в течение ряда лет сотни и даже тысячи людей, включая гражданские организации и отдельных лиц. Так что

это не была закрытая информация. Тем старательнее собирал её, а затем передавал своим хозяевам Рышард Куклиньский. Длинные стрелки на картах, точки возможных (двусторонних) ядерных ударов, учения войск на местности, а также штабные игры, показательные демонстрации вооружений, жёсткие заявления, парады – одним словом, демонстрация силы. Всё это многие годы входило в репертуар соперничества между блоками.

Знаменательно, что после измены Куклиньского Командование Объединённых Вооружённых Сил Варшавского Договора не предполагало изменения оперативных планов. Мы поступили подобным образом. Наши планы также не были изменены. Такова оценка фактического значения шпионской деятельности Куклиньского.

КОЕ - ЧТО О НАТО Следует добавить, что говорящие об угрожающих агрессивных планах вооружённых сил Варшавского Договора разные «горе политики-стратеги» не хотят видеть, что была и другая сторона – НАТО. Почему параллельно не раскрываются планы этого блока того времени. Ведь сегодня они имеют, прежде всего, историческое значение. Однако они необходимы для объективного сравнения соотношения сил и реальных возможностей блоков в тот период. Не собираюсь приписывать НАТО агрессивные намерения. Однако, «хочешь мира, готовься к войне». Они также готовились к любому повороту событий. Ещё в 1955г. в Западной Европе начато размещение американского ядерного оружия (соответствующие советские заряды появились в Польше только в 1967 г.). Систематически проводились крупные учения: «Осенняя Кузница» и «Американский Экспресс». Ключевую роль играло соперничество в области технологии. Запад, США первыми изобрели и использовали атомное оружие (Япония). Изобрели и применили напалм (Корея, Вьетнам). Изобрели и применили радар (Вторая мировая война). Создали и применили (в Ираке) ракеты «Крузиз» и «Томагавк» . Создали сверхзвуковой самолёт. Создали

нейтронную и кислородо-сжигающую бомбу. Развернул флотилию авианосцев. Запад опережал нас также в области электроники. А это – ключевое звено в деле эффективного использования современных средств вооружения. Кроме того, нужно сказать, что армии НАТО, в отличие от армий Варшавского Договора, были полностью или в значительной мере профессиональными. Это – для сведения всем тем, кто видит перевес Востока, подчёркивая количество танков и артиллерии. Кстати сказать, Польша и Войско Польское, несмотря на постоянные напоминания и нажим со стороны Командования Объединённых Вооружённых Сил, имело меньше танков, чем Чехословакия с населением в два раза меньше нашего. При случае, приведу цитату из интервью, которое дал Петру Цивиньскому (еженедельник «Впрост» от 6 июля 1991 г.) генерал Клаус Науманн – генеральный директор Бундесвера с 1991 г. и глава Военной Комиссии НАТО с 14 февраля 1995 г.: «В период холодной войны штабы находились в постоянной боевой готовности для проведения массированного наступления во всей Европе и на Атлантике. Полагаю, что сокращение их числа и изменение сферы деятельности были восприняты в Москве как элемент создания доверия». На рубеже 1980-1981гг. произошло ускорение одного из наиважнейших стратегических сдвигов. Обозначилась перспектива окончательного поражения СССР в гонке самой современной технологии вооружений. С избранием Рейгана эта угроза стала реальной. Отсюда – рост интереса советских стратегов к т.н. буферным зонам, а Польша была наиважнейшей из них.

ВОЙНЫ НЕ ХОТЕЛ НИКТО Войны, может быть кроме какого-то сумасшедшего не хотел никто. Ибо каждый, кто в реалиях существования термоядерных арсеналов начал бы агрессию, стал бы убийцей и самоубийцей одновременно. Это подтвердило окончание, грозившего Третьей мировой войной Кубинского кризиса 1962г. Это тем более касается 70-х гг. (шпионская деятельность Куклинского), во время которых развивался процесс международной разрядки: Совещание по

безопасности и сотрудничеству в Европе, Хельсинки, 1975г. Шли переговоры об ограничении стратегических вооружений, в т.ч. АВМ, САЛТ-1 и САЛТ-2. Развивалось экономическое сотрудничество Восток-Запад. Проходили многочисленные встречи, визиты и ревизиты. Не было ни условий, ни атмосферы для военной конфронтации. Можно увеличивать аргументы политического и стратегического характера. Даже количественное и качественное соотношение совокупных сил на земле, на море и в воздухе, а также термоядерного оружия, не давал перевеса с шансами на победу ни одной из сторон. Парадоксально, но страшная мощь ядерного оружия в течение послевоенных десятилетий являлась эффективной гарантией от её использования. Советую внимательно, без предубеждения прочитать документальную книгу «Никто или Куклинский» (Командор,2003).Предлагаю также обратить внимание на текст доклада «Суверенитет в условиях Варшавского Договора», который я сделал 5 февраля 2002 г. в Академии Национальной Обороны (АНО). Наконец, прочитать книгу генерала Франчишка Пухалы «Секреты Генерального Штаба Польши после Ялты» (Беллона, 2011).

Недавно была произведена дорогостоящая эксгумация останков генерала Владислава Сикорского. А нельзя ли, с согласия наших американских союзников, произвести «эксгумацию» правдивого разъяснения относительно загадочного молчания Запада накануне 13 декабря? Без принятия этого во внимание невозможно дать оценку Встрече троих и введению военного положения. Есть и другие «таинственные умолчания», уходы, тенденциозные интерпретации. Стоило бы над этим задуматься. Вот поле деятельности для смелых, объективных историков и публицистов.

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ УЛЬТИМАТУМ

Министр
Станислав

Длугош говорил сегодня о политико-экономическом ультиматуме советской стороны в сентябре 1981г. Это было логичной реакцией. Во-первых, на неуравновешенную,

полуанархическую ситуацию в Польше с многочисленными антисоветскими проявлениями. Во-вторых, на нарушение совместно согласованных поставок польского угля и многих других товаров, что вызывало определённые трудности в экономике соседей. В качестве премьеры я участвовал в сессии СЭВ 2-4 сентября 1981 г., проходившей в Софии. Меня всё настойчивее спрашивали, когда Польша выполнит свои обязательства в области экспорта и кооперации. Я оказался в очень неприятном положении. И здесь - отступление: ГДР, Хонеккер в различных официальных беседах напоминал, что в Потсдамском Договоре имеется запись, которая, признавая за Польшей Шлёнск, обязывала нас поставлять уголь для восточной части Германии. Этот пункт в 1981г. был явно нарушен. И это была проблема не просто экономическая, но и историко-политическая.

Одновременно, прежде всего, Советский Союз, а также ГДР и Чехословакия оказывали нам помощь. Например, осенью 1980г. мы получили советский валютный кредит на сумму 150 млн. долларов, а также валютные и рублёвые кредиты на закупку зерна, продуктов питания, сырья; были отсрочены платежи по польским долгам - в сумме это составляло около 500 млн. долларов по курсу того времени. Помимо этого осуществлялись сверхплановые поставки. И всё это тонуло в нашей разлагающейся экономике. В итоге было официально заявлено, что 1 января 1982г. наступят серьёзные ограничения доставок, особенно нефти и газа, а также других материалов и сырья, включая фосфор, никель, алюминий, хлопок. Можно себе представить, к чему в середине зимы, в условиях срыва добычи собственного угля, это привело бы. Это означало бы не только экономическую, но и биологическую катастрофу, угрозу физическому существованию.

Председатель Общественного Совета при Примасе проф. Станислав Стомма 12 декабря 1992 г. на страницах «Газеты Выборчей» писал: «Когда я задумываюсь над сложившимся положением, то прихожу к выводу, что угроза советской интервенции не была обязательна. Чтобы заставить Польшу капитулировать, достаточно было

объявить жёсткую хозяйственную блокаду». И другой голос – президента США Рональда Рейгана, который в своих Мемуарах пишет: «Мы не хотели, чтобы коммунистическое правительств утонуло без экономической поддержки (к сожалению, такой поддержки не было – В.Я.), поскольку знали, что в случае краха экономики может произойти стихийное народное восстание, которое вызовет советские танки, а с ними и смерть эмбрионального демократического движения». В тот момент ход наших мыслей был в некотором роде похожим: опасения общественного отчаяния, которое могло привести к взрыву с непредсказуемыми последствиями. Знают ли те, кто обвиняет нас во введении военного положения, кто и каким образом в политических и географических условиях того времени смог бы преодолеть эту экономическую пропасть?

Добавлю, что вышеприведённое заявление (союзников) не было пустой угрозой, блефом. Через много лет нам стало известно высказывание Л.Брежнева на встрече с Э. Хонеккером в Москве 30 мая 1981 г.: «Мы можем оказать на Польшу экономическое давление, поскольку являемся главными поставщиками нефти и другого сырья». В свою очередь секретарь ЦК КПСС К.Русаков на встрече с Э.Хонеккером 21 октября 1981 г. заявил: «Тов. Брежнев абсолютно однозначно сказал, что Советский Союз не намерен предлагать ценное сырьё стране, которая по отношению к нам не ведёт себя дружески...до сих пор мы не подписали никакого предварительного соглашения, никакого торгового протокола. Мы должны подождать развития событий в Польше». Зам. предсовмина СССР, председатель Госплана Н.Байбаков 10 декабря 1981 г. на заседании Политбюро ЦК КПСС, информируя о своём пребывании в Польше, подчеркнул, что экономические отношения между нашими странами должны вестись на сбалансированной основе. Фактически это означало подтверждение обещания серьёзно ограничить поставки в Польшу, поскольку, при катастрофическом и постоянно ухудшающемся положении в хозяйстве страны каким образом мы могли бы эти поставки сбалансировать!?

Ещё раньше, в ноябре, особенно в начале декабря 1981г. поставки начали опасно сокращаться. Это был предупредительный сигнал. Постепенное «закручивание» крана. Усиливающаяся нехватка нефти, специальных марок бензина и других нефтепродуктов серьёзно затрудняли и даже парализовали работу в некоторых сферах хозяйственной и общественной жизни, в частности, транспорта, коммунального хозяйства, сельскохозяйственных работ, химической, а также других отраслей промышленности, связанных с ними по кооперации. Нарушались даже поставки запчастей для военной техники, а также специальных масел и топлива. Советская сторона вообще не приняла наш запрос на поставку в 1982 г. 180 тыс. импортного топлива для военной авиации. Это предвещало катастрофу. Это не было секретом. Я говорил об этой угрозе даже на Встрече троих. 13 декабря предварило то, что наступило бы после 1 января 1982 г.

После введения военного положения поставки вернулись в полном, а по некоторым позициям даже в увеличенном объёме. Движение поездов на восточных пограничных пунктах нормализовалось. Напоминание об этих фактах не вяжется с нынешней монополией на историческую оценку того периода. Сегодня козыряют обвинением – «коммунистическое преступление». А разве не был бы преступлением отказ от противодействия надвигающейся катастрофе, убийственному для общества развитию событий?!

В ОБЪЯТИЯХ СЭВа В последующие годы также было необходимо считаться с реалиями. Если бы внешние условия были другими, если бы экономические проблемы не держали нас за горло, перемены могли бы наступить раньше. Санкции, ограничения со стороны Запада, хотел он того или нет, толкали нас ещё глубже в объятия СЭВа, к зависимости от экономики стран блока. В апреле 1984 г. состоялась встреча со мной министра иностранных дел СССР Андрея Громыко и министра обороны СССР Дмитрия Устинова – главных фигур

тогдашнего советского руководства, поскольку Константин Черненко уже был «живым трупом». Сейчас не помню, кто предложил, наверное, мы, чтобы не ехать в Москву, а встретиться где-нибудь на границе, решили – в Бресте. Ночь напролёт очень трудных переговоров. Конечно, я мог бы сегодня подробно передать их содержание. Был, однако, опубликован протокол заседания Политбюро ЦК КПСС, которое состоялось 26 апреля 1984 г. О ходе встречи сообщили Громыко и Устинов. Это была принципиальная критика нашей политики и персонально в мой адрес. Текст этого протокола имеется в книге Письма... (АТМ, 2010), в т.ч. письмо Черненко ко мне.

В условиях того времени, особенно при зависимости нашей экономики от поставок из соцлагеря, необходимо было разъяснять, обосновывать, но прежде всего – проводить свою линию. Мы смогли успешно противостоять доктринальному нажиму в вопросах о Костёле, деревне, культуре, науке и т.д. и т.п. Наоборот, многие советские интеллектуалы, деятели культуры и искусства изучали польский язык, чтобы читать нашу публицистику, книги, переводы с западных языков. На этом фоне я хотел бы остановиться на частых упрёках в нашей податливости СССР. Только человек, а тем более политик, не думающий и безответственный, избегает оценки: эффект – цена. Пример – Румыния, «чаушескизм», вызывающие жесты и мины по отношению к Советскому Союзу и другим странам блока, которые, однако, не имели принципиальных стратегических последствий. В результате это принесло, прежде всего, самой Румынии, большой вред. Сегодня также бывают «равные и равнейшие» и глотать «горькие пилюли» в качестве слабого партнёра приходится некоторым и вполне суверенным государствам. Тем более горькими они были в тех условиях для нас, особенно перед введением военного положения. Самое важное, однако, чтобы это не навредило жизненным интересам Польши, и подтверждало способность самостоятельно справиться с драматически трудной ситуацией.

Святая цель – независимость! За неё бились, к ней стремились целые поколения. Сегодня, живя в иное историческое время, в совершенно иной действительности можно брюзжать по поводу содержания и формы отношений, господствовавших в соцлагере. Они были итогом послевоенного раздела мира. Те, кто утверждает, что Польша была не свободна, в положении вассала, даже оккупирована, одновременно выдвигают властям ПНР абсурдные обвинения, что они могли якобы «гнуть свою линию» вопреки условиям того времени, поступать, как при наличии полного, неограниченного суверенитета. Почему суверенность была ограничена? Это вопрос к нашему поколению. В тот период речь шла о создании и обеспечении Польше оптимальной позиции. Разного рода декларации и жесты в отношении союзников были своего рода ритуалом, который парадоксальным образом не сужал, а часто расширял возможность принятия собственных решений. Ещё раз возвращаюсь к румынскому «образцу суверенности». Он закончился тем, что в июле-августе 1989 г. Чаушеску обращался с письмом к Горбачёву, к генеральным и первым секретарям партий блока с предложением интервенции ради защиты социализма. Оказалось, что националистические «петушиные жесты» превращаются, попросту говоря, в поджимание хвоста.

Введение и осуществление военного положения обеспечило нам более широкое поле манёвра. Однако, принципиальные политические и экономические изменения были ещё невозможны. Не облегчали их и появляющиеся лозунги: «зима ваша, весна наша», работай, как черепаха, а также выдвигание различных условий отмены западных санкций, финансовая, техническая, материальная и пропагандистская поддержка Солидарности. Это особенно раздражало на фоне терпимого отношения к кровавым переворотам в странах НАТО – Греции и Турции, а также в Чили, к южноамериканским диктаторам и североафриканским феодальным «вождям», наконец, на фоне дружественных жестов по отношению к тирану, деспоту

Николае Чаушеску. Всё это, естественно, ужесточало и обостряло нашу реакцию.

ВЫХОД ИЗ ПРОПАСТИ В результате глубокого экономического кризиса 1980-1981 гг. падение произведённого национального дохода составило 18%, а выплаты выросли на 25%. Итог этого мы помним. Лавина пустых денег опустошала рынок. Именно тогда, как все говорили, на полках магазинов был только уксус. Тем, кто утверждает, что под прикрытием военного положения нужно было провести «шоковую» реформу, я отвечаю: такие мысли появлялись, но их осуществление означало бы очередное использование силы и неизбежную конфронтацию. Естественно, были также ограничения идеологического характера. Таким образом, мы были «приговорены» к постепенным и тем самым не вполне удовлетворяющим общество изменениям. Нам не удалось обезвредить информационную бомбу с её последствиями на рынке. Таким образом, с разной степенью обострения сохранялась кризисная ситуация. Тем не менее, 80-е гг. не были, как утверждают некоторые, «чёрной дырой» в «чёрной дыре ПНР». Национальный доход с 1983 г. возрастал ежегодно в среднем на 3-5%. Промышленное производство в целом выросло на 31%. Жилья строилось значительно больше, чем сейчас, правда, это не были апартаменты. Осуществлялись важные инвестиции в различных отраслях, например, крупнейшая в Европе электростанция на буром угле Белхатув; началось строительство метро в Варшаве и строительство (при участии Войска Польского) госпиталя-памятника Центра здоровья польской матери в Лодзи.

Улучшились отношения города и деревни. Был восстановлен паритет доходов, которого усиленно добивалась Объединённая крестьянская партия и её председатель Роман Малиновский. Значительно увеличилась продажа тракторов, сельскохозяйственных машин, искусственных удобрений. Расширился сектор мелкого и среднего предпринимательства, возникали и укреплялись

очаги капиталистической экономики. Сумма кредитов от западных стран в 1982-1988гг. была чисто символической. Кроме того, зарубежные долги Польши выросли на 16 млрд. долларов (с 26 млрд. в 1981 г. до 42 млрд. в 1988 г.). Это было результатом накопившихся процентов за ранее неуплаченные долги, а также неблагоприятного формирования курсов валют. Тот, кто оценивает экономику того периода не должен забывать, что значит фактическое блокирование кредитов, отягощённое одновременной оплатой процентов по старым долгам.

Только под конец 80-х гг. постепенно стал доступен заграничный капитал. Польшу приняли в Международный Валютный Фонд Всемирного Банка. Реформа, хотя и ограниченная и недостаточно последовательно проводимая, способствовала выработке менеджерских навыков и опыт, что в дальнейшем облегчило переход к рыночной экономике. Существенный импульс этим начинаниям придало правительство Мечислава Раковского. В свою очередь, за реформу банковской системы взялся президент Польского Национального Банка проф. Владыслав Бака. Не стану развивать эту тему, документальные факты и показатели имеются в книге «Польша под правлением ПОРП» (ПРОФИ,2000). В ней есть статьи многих серьёзных и авторитетных авторов. Есть раздел моего авторства «Расчёты с прошлым» Жаль, что эта книга прошла без хотя бы критического эха. Это – одна из невыгодных сегодня позиций.

ВОЛНА ТРЕБОВАНИЙ И снова о ситуации в начале 80-х гг. На первородные, тяжкие пороки соцсистемы и практические ошибки в процессе её функционирования, а также углубляющийся кризис конца 70-х гг. наложилась волна требований. Выдвинутые в Гданьске 21 требование имели демократические, свободолобивые интенции, однако, их общественно-экономическая, а по сути популистская «суперсоциалистическая» часть отрицательно сказалась на положении в экономике и на условиях её реформирования. Это направление подтвердила Резолюция –

программа Солидарности в общественно-экономическом разделе. В нём содержатся следующие требования: «Мы выступаем за всеобщее право на труд, против безработицы. Признавая необходимость упорядочения затруднения, Союз считает, что его можно провести таким образом, чтобы не допустить безработицу... С экономической реформой связана опасность больших различий в оплате труда и социальных условий между предприятиями и регионами. Необходимо создать условия для их выравнивания...Необходима реформа заработной платы, гарантирующая каждому достойный заработок и равное вознаграждение за равноценную работу. В условиях экономической реформы это должно означать, что государство в согласии с профсоюзами установит уровень гарантированной зарплаты, единый для всей страны для конкретных профессий и должностей, независимо от результатов деятельности предприятий...В соответствии с Гданьским соглашением мы будем требовать введения дополнительной оплаты в соответствии с ростом цен, а также увеличения доплат по уходу за ребёнком, дальнейшего повышения семейных выплат уже в 1982 г. и признания соцминимума в качестве цели политики доходов...Мы требуем принципиального увеличения расходов на социальную помощь...Союз будет добиваться признания материнских выплат и выплат после рождения ребёнка не только работающим, но и всем матерям на период минимум трёх лет».

Но на этом не конец. Такой порядок распространился на региональный уровень. В резолюции от 6 октября 1981 г., принятой представителями предприятий региона «Мазовше» содержалось требование: «Срочно информировать общественность о снижении жизненного уровня с января с.г., а также о введении компенсации за этот период; приостановить любое повышение цен до момента вступления в силу утверждённой профсоюзом системы компенсаций; принять принципиальное положение о том, что компенсации должны выплачиваться из госбюджета, а не из фонда предприятий; ввести и постоянно корректировать соцминимум, а также обеспечить его выплату рабочим». Подобные резолюции принимались и в других регионах. Без

сомнения, такой набор требований приносил Солидарности пропагандистские очки. А на деле означал окончательное разрушение экономики и перечёркивал шанс на её рациональную реформу. Мы понимали, что принимая такие резолюции Солидарность «знает, что делает». Её Съезд означал вступление на путь программной и практической эскалации. В последующие месяцы это подтвердили факты и «каскады» конфликтных ситуаций. Их нарастающий поток я описываю конкретно в книге «Последнее слово». Разве не следует и под этим углом посмотреть на решение о введении военного положения?

Экономическое положение, а вместе с ним и настроения в обществе ухудшались со дня на день. Многие историки и политики проскальзывают быстренько, скажу сильнее - цинично, над этой ключевой проблемой. Возникает вопрос: разве жизненно важное «быть или не быть» не заслуживает глубокого исторического анализа, оценки, памяти? Снова спрашиваю, разве военное положение не стало спасением, защитой от окончательного краха экономики со всеми вытекающими из этого последствиями для польского общества? Видимо, легче прибегнуть к возвышенной риторике, поносить всё, что связано с ПНР, обвинять её представителей. А тут – очевидные факты. Небрежное отношение, игнорирование причин и непонимание последствий угрозы элементарным условиям жизни общества нельзя оправдать.

При случае хочу заметить. Экономическая система того времени не была эффективна и креативна. В свою очередь, наша общественно-экономическая философия была, в основном, ориентирована на социальную безопасность. Это противоречило экономической ситуации того времени. Однако, мы не допустили снижения т.н. общественного потребления. Но слова: «рабочий класс», «рабочие», «защита их интересов» были на знамёнах и партии, и Солидарности. Их вырывали друг у друга из рук. Сегодня эти слова вообще не произносятся, а если и говорят, то только под нос. Ну что же, «негр сделал своё дело»

ЗАПАДНАЯ ГРАНИЦА

Углубление кризиса в Польше привело к тому, что позиция и роль ГДР в соцлагере значительно укрепились. Советские руководители (в т.ч. Брежнев, Сулов, Громыко, Устинов, а также некоторые из военного командования) предупреждали: «А кто вам будет гарантировать западную границу?» Пренебрегать этим было нельзя. Гюнтер Шабловский, один из ведущих политиков ГДР, публичное выступление которого стало началом разрушения берлинской стены, в интервью газете «Жечпосполита» 9 ноября 2003г. сказал: «Контактами с Москвой занимался Хонеккер. Знаю, что он уговаривал советских товарищей оказать Польше братскую помощь. Наша армия была готова...Естественно, мы были довольны, когда генерал Ярузельский начал действовать и спас положение». То, что такие приготовления были, подтверждает разработанный с немецкой пунктуальностью план вступления войск ГДР в Польшу в 1981 г. Его копия в качестве приложения имеется в книге «Последнее слово». Бурные, взрывные события в нашей стране могли привести и к более широкомасштабным, в том числе пограничным осложнениям. Примером, подтверждающим это, является многолетний спор о водном пути Щецин-Свиноустье. Окончательное международное признание границы по Одере и Нысе Лужицкой наступило только через 9 лет в сентябре 1990г. Путь к этому финалу был трудным. Пришлось сломить сильное сопротивление со стороны ФРГ, канцлера Гельмута Коля, использовать поддержку СССР и иных государств блока, наконец, добиться понимания со стороны Запада, особенно США. В этом направлении я, как президент, и Тадеуш Мазовецкий, как премьер, действовали вместе, «плечом к плечу». Наши старания задокументированы в протокольных записях «Дипломатические переговоры Президента В. Ярузельского» том 1, 1989 г. и том 2, 1990 г. (Командор, 2008). Но кто о них слышал, кто их знает?

НАДЕЖДЫ И ИЛЛЮЗИИ

«Бытие определяет сознание». Но и сознание

формирует бытие. Великий исторический августовский протест был, с одной стороны, ответом на ухудшающиеся условия жизни и труда рабочего люда, а с другой, ожиданием демократических реформ в отношении государство-общество. Сумма обоснованных общественно-политических надежд, но, вместе с тем и утопий стала причиной столь массовой поддержки Солидарности в 1980-1981 гг. В более поздний период глубокие изменения нельзя было осуществить не только из-за идеологических, бюрократических тормозов, а также из-за внешнего фактора, но и из-за внутреннего сопротивления, существовавшего в обществе. Чувство социальной безопасности, идеи общественной справедливости пустили глубокие корни. Меня часто спрашивали: пан генерал, почему Вы не ограничиваете богатеющих частников-рыночных торговцев, полонийные фирмы, совместные предприятия и т.д. В еженедельнике «Политика» от 13 августа 1983 г. были опубликованы итоги исследования, касающиеся рационализации соотношения оплаты труда и цен. Результат: 54% респондентов требует установления цен исключительно правительством, 19% выступает за цены, формируемые совместно правительством и рынком, и только 11% высказываются за цены свободного рынка. Сознание необходимости глубоких реформ государственных устоев должно было созреть. Каждый великий исторический процесс имеет свой ритм. Необходимо было выиграть битву за время.

ПРОТЕСТЫ, ЗАБАСТОВКИ Пришло время вернуться к августовским и сентябрьским забастовкам 1980г., к возникновению Солидарности как независимого профсоюза, обязавшегося соблюдать конституционные принципы государственного устройства. Но в жизни, на практике это выглядело как не весёлая шутка. Каждый день приносил конфликты. В условиях острой политической борьбы применялись не всегда, мягко говоря, «элегантные» методы с обеих сторон и топорная, агрессивная риторика. Кстати сказать, от неё не свободна и нынешняя действительность. Страна погружалась в тотальный кризис. Его ощутимым доказательством были

постоянные массовые протесты и забастовки. Изобретательность в этой области была замечательная. Виды забастовок: предупредительная, реальная, в знак солидарности, ротационная, оккупационная, пошаговая, веерная, итальянская и т.д., наконец, абсурдная, анархическая форма, которая, к счастью, не успела развиться, забастовка постоянная (бессрочная).

Некоторые известные историки часто говорят и пишут, как в насмешку, что забастовки привели лишь к незначительной потере рабочего времени. Это время, однако, нужно умножить на частые долговременные предзабастовочные периоды, разног рода связанные с ними нарушения и напряжённости, падение производственной дисциплины, ограничение контроля, нарушение технологического процесса, требование от дирекции необоснованной оплаты, роста прогулов и т.д. и т.п. В свою очередь, состояние после забастовки – это «гашение перегрева», и связанный с этим весь процесс возвращения к нормальной организации и технологии производства. В сумме забастовки и перерывы в работе это симптом и, прежде всего, главная составляющая процесса и явления дезорганизации, разрушающей экономику. В условиях всеобщего дефицита каждая остановка работы в одном звене, особенно хроническая нехватка энергии, порождала многократные потери, нарушала кооперативные связи, вела к целой цепи нарушений в отдельной области или во всём хозяйственном организме. Помимо разрушительных последствий для экономики, это вызывало постоянное напряжение, атмосферу конфликтов. Многие порождалось различными ошибками, упущениями, злоупотреблениями в отдельных звеньях административно-хозяйственного аппарата. Часть руководящих кадров не смогла найти себя в новой ситуации. Некоторые уступали популистским требованиям. Другие придерживались устаревших бюрократических методов. В целом доминировала атмосфера требований, своего рода, забастовочная «мода или аукцион». Находились любые поводы для забастовок. Классический пример, долговременная (октябрь-ноябрь 1981 г.) забастовка

в госхозе Любогура, распространившаяся на всё Зеленогурское воеводство и принесящая большие экономические потери. Как правило, бастующие использовали бело-красный национальный флаг и как на смех, распевали государственный гимн «Ещё Польша не погибла».

Западные источники также подтверждают опасность моды на забастовки. Вот оценка Разведывательного Агентства Департамента Обороны США от 4 ноября 1981 г.: «Если, при продолжающейся нехватке продовольствия и топлива, Общепольская Координационная Комиссия Солидарности не сможет взять под контроль региональных деятелей, а некоторые из них устраивают забастовки из-за пустяков, то этой весной Польшу ожидают сильные общественные волнения, которые, скорее всего, вызовут введение в той или иной форме военного положения».

Правительство предупреждало, просило, призывало. Вице – премьер Мечислав Раковский обратился с полным отчаяния заявлением на страницах «Жиче Варшавы» от 22 сентября 1981 г.: «Посмотрите на ситуацию в экономике. Сохранение нынешнего положения вещей грозит национальной катастрофой, попросту гибелью. Если производство будет и дальше падать, если общество не будет критически относиться к тем, кто бастует из-за пустяков, постоянно выдвигают новые требования, митингуют и призывают слушаться своих предводителей, то мы должны приготовиться к социально-экономическому откату Польши на многие годы назад. Сегодня просто не серьёзно говорить о том, что мы боремся за новое, прекрасное будущее. Мы должны бороться за выживание. Сегодня в Польше необходимо объявить тревогу». Подобным образом выступали другие вице-премьеры: Збигнев Мадей и назначенный в аварийном порядке Глава Оперативного Антикризисного Штаба Правительства Януш Ободовский. Министры ездили по стране, попросту говоря, как пожарная команда. Из того, что было видно невооружённым глазом, из рапортов и информации, поступавших из различных источников, в частности, от Дежурной оперативной службы

правительства (ДОСП), наконец, из огромного числа тревожных писем в адрес властей, в т.ч. мне лично, возникал катастрофический образ сложившейся ситуации. Напомню некоторые сигналы и оценки: голодные марши, сбои в снабжении по карточкам. На ближайшем горизонте просматривается нехватка хлеба. Люди мёрзнут в длинных очередях. Зарегистрированы случаи агрессии, нападения на автомашины с продовольствием, что делает невозможной разгрузку и легальную продажу доставляемых продуктов. Бешеная спекуляция. Падение до опасного уровня экспорта, особенно угля. Отсюда – опасное положение с импортом. Ограничения с поставкой энергии подрывают производство. Город не поставляет средства производства и товары деревне. Деревня не поставляет сельхозпродукцию городу. То есть «квадратура круга». Руководство на местах как парализованное, не в состоянии обеспечить снабжение. Очень плохо с дисциплиной труда. На многих предприятиях добиваются необоснованных выплат. В министерствах – атмосфера страха и апатии. Резкий рост уголовной преступности. Бунты и побеги заключённых из тюрем. «Эпидемия» захватов административных зданий. По всем направлениям ощущается всеобщая нарастающая анархия.

Назрела необходимость своего рода «развода» между звеньями власти и Солидарности, партийным аппаратом и администрацией, стихией и дисциплиной. Наконец, преодоление паралича и борьба с патологией, угнездившейся в т.ч. в хозяйственных органах. То есть привлечение Войска. Различные формы контроля, выполнение с большим или меньшим успехом стоящих задач, включая кадровые решения. Эти меры носили ограниченный характер. Они были нацелены на то, чтобы госучреждения и хозорганы сохраняли элементарную способность работать, действовать.

С введением военного положения роль войска усилилась. Но это не могло чудесным образом изменить положение. Необходимы были глубокие изменения основ государственного устройства, которые и были осуществлены через несколько лет. Несмотря на драматический характер событий, стабильность и управляемость государством были

сохранены на весь этот период. И здесь я хочу подчеркнуть роль государственных органов, и, прежде всего, Войска Польского. Говорю это с особым удовлетворением, как старый солдат и командир в течение многих лет. Но это не только выражение профессиональной корпоративной связи. Решающую роль сыграло отношение общества. Изучение общественного мнения показало, что в ноябре 1981 г., в тот драматический трудный момент доверие к войску достигло рекордного уровня – 93%. В 80-е гг. доверие составляло около 70%, как и по отношению к Костёлу. Это ещё одно доказательство, что военное положение было не просто генеральским «я так считаю», а решением, ожидаемым и поддержанным значительной частью общества. Оценка положения в последние месяцы 1981 г. показывала, что общество крайне измучено. Из-за трудностей со снабжением, анархизации жизни, резкого роста преступности, люди, независимо от политической ориентации, ожидали какого-то перелома, восстановления покоя, нормальных человеческих условий жизни. Можно сказать, что ситуация психологически назрела. После введения военного положения это подтвердилось снижением количества забастовок, хотя народ наш к числу робких не относится.

ПРИГОТОВЛЕНИЯ, ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЯ

Проф. Анджей Пачковский, выступая в качестве эксперта перед Конституционной Комиссией 24 октября и 20 ноября 1995 г. признал, что страна находилась в состоянии анархии, однако это была «мирная анархия». Это слишком мирное определение анархии. Во-первых, не бывает «доброй анархии». И, во-вторых, в определённых ситуациях анархия неизбежно переходит в опасную, конфронтационную, взрывную форму. В другом месте (книга «Полвека истории Польши 1939-1989») он написал: «Раскручивалась спираль делегитимизации власти». Поэтому усилилась подготовка госструктур к чрезвычайной ситуации. Именно эти действия выпячиваются в различных публикациях. Авторы упиваются «открытием» различных планов, инструкций, записей встреч

и конференций представителей властей, особенно представителей МВД. С горечью оцениваются некоторые методы, тонация, терминология. Действительно, кое-что может сегодня вызывать протест. Однако, нужно оценивать это не абстрактно, а на фоне развернувшейся политической борьбы, в атмосфере конфронтации.

Приготовления к возможному введению военного положения шли параллельно нарастающему напряжению, конфликтам, угрозам безопасности государства, а также параличу в экономике. Понятно, что срок введения военного положения не мог быть опубликован. До последнего момента мы рассчитывали, что этого последнего шага удастся избежать. Мы «не прятались в укрытии». Тайной мог быть только сам момент объявления военного положения, технология реализации, а не его возможность, о которой власти говорили, и по секрету, и открыто. По секрету – путём информационно-предупредительных переговоров, особенно с советниками Солидарности и представителями Костёла. Открыто – предупреждения в сообщениях, информациях, сигналах из Сейма, с заседаний Комитета Оборона страны, с пленумов ЦК ПОРП, с заседаний Политбюро, Военного Совета Министерства Оборона, а также в публичных высказываниях премьера, министра Национальной Оборона, вице-премьеров, министра Внутренних Дел и других представителей властей. В них содержался, с одной стороны, призыв к умеренности, к достижению соглашения, а с другой – предупреждение. Кроме того, в отдельные моменты в некоторых «горячих» точках производились демонстративные марши войск. Всем было известно о приостановке демобилизации солдат срочной службы старших возрастов. До самого конца предложения и предупреждения властей происходили одновременно. На IV Пленуме ЦК ПОРП 28 ноября 1981 г. , в частности, в моём выступлении на этом был сделан особый акцент: «...нынешнее положение дел дальше сохранять невозможно, процесс разложения должен быть остановлен. Иначе дело неизбежно дойдёт до конфронтации, до военного положения». Наконец, 7 декабря – заявление пресс-секретаря

правительства Ежи Урбана: «Сейм ПНР дважды – 26 марта и 31 октября принял постановление о прекращении разрушительных для страны забастовок и акций, нарушающих общественный порядок. Президиум Сейма, в соответствии с предыдущим Постановлением Сейма ПНР, 18 ноября 1981 г. сделал заявление, утверждающее, что если Постановления и призывы Сейма не принесут результата, Сейм, перед лицом высшей необходимости, которая может возникнуть, рассмотрит предложение о предоставлении Правительству таких законных полномочий, которые потребуются в сложившейся обстановке. Эти постановления и заявления не дали результата и были проигнорированы, также как и призывы партий, политических и общественных организаций. Отказываясь от участия в институциях национального согласия, Солидарность тем самым лишает себя возможности влиять на разработку положения о выборах и сроков их проведения... Президиум Общепольской Комиссии Солидарности отвергло соглашения, т.е. фактически выступает за путь, который может привести к конфронтации».

В радикальных кругах Солидарности эти предупреждения всерьёз, по-видимому, не воспринимались. Доминировало ощущение силы. Звучали даже самоуверенные обещания: «шапками закидаем!». Кстати сказать, это свидетельствовало о не наилучшем знании истории. Ведь таковы были угрозы царских генералов накануне войны с Японией (1904-1905 гг.), закончившейся постыдным крахом для России.

Высказывается мнение, что введение военного положения было издавна предрешено, что процесс его приготовления был неотвратим. Это бред. В любую минуту, вплоть до 14.00 часов 12 декабря 1981 г. его можно было без труда остановить, вернуть, аннулировать. Ведь военное положение по-прежнему рассматривалось как крайняя мера. Напомню документ от 27 марта 1981 г., утверждённый премьером Войцехом Ярузельским и принятый 1 секретарём ЦК ПОРП Станиславом Каней. Его принципиальное положение звучит: «Введение военного положения является

последним, по исчерпанию всех возможных политических средств и методов, шагом государства по защите конституционных основ государственного устройства ПНР...восстановления нормального ритма труда, внутреннего порядка и общественной безопасности, необходимого снабжения населения, а также общего порядка, дисциплины и общественного спокойствия». Свыше восьми месяцев оставалась надежда, и предпринимались попытки достижения этого «общественного спокойствия». К сожалению, безрезультатно. В своих, упомянутых в начале, публикациях, особенно в разъяснениях перед судом под заголовком: «Быть может это – Последнее Слово», я стараюсь детально и конкретно представить объективные и субъективные, внутренние и внешние условия, а также драматизм той ситуации. Не исключая, что некоторые из возможных читателей этого текста заранее отвергнут его содержание, и тем более не заглянут в вышеупомянутую книгу, в мои обширные по существу дела разъяснения, изложенные суду. А жаль. Призываю ознакомиться с ними и мнением, основанным на фактах, вещественных аргументах. Отказ от этого я буду иметь право считать трусливым уклонением, либо признанием представленных мною доводов.

Знаю, что мои разъяснения, как и других представителей властей в целом замалчиваются, не принимаются во внимание. Поэтому в своих текстах я привожу так много цитат из источников, в которых трудно будет усомниться. Привожу записи, протоколы, публикации, содержащие оценки по существу, сделанные ведущими деятелями, как Солидарности, так и власти, а также политиками Востока и Запада. Они имеют документальное значение. Я не знаю случая, чтобы кто-либо из авторов, которые уже ушли, или ещё живы, от них отказывался либо их исправлял. Само за себя говорит то, что историки в целом избегают этих источников, не обращаются к ним. Почему? Видимо, они не отвечают нынешним «потребностям». Прилагаю к этому тексту список фамилий в надежде, что это облегчит доступ, а иногда и поможет определить своё

отношение к очень важным, поднятым ими вопросам. Это касается, в частности, опубликованных в этой книге заявлений и высказываний: Богдана Борусевича, Збигнева Буяка, епископа Бронислава Домбровского, Ежи Хольцера, Тадеуша Едынака, Ярослава Качиньского, Яна Литыньского, Александра Малаховского, Франчишека Махарского, Владислава Сила-Новицкого.

Не упоминаю многочисленных представителей властей, хотя внимательный, объективный историк должен обратить внимание и на них. Вместо этого назову некоторых деятелей из-за рубежа: Николай Байбаков, Леонид Брежнев, Константин Черненко, Виктор Дубынин, Михаил Горбачёв, Инесса Яжборовская, Дмитрий Устинов, Дмитрий Волкогонов, а также Збигнев Бжезинский, Джордж Буш, Александр Хейг, Франсуа Миттеран, Рональд Рейган. Призываю историков, чтобы они пожелали определить своё отношение к их свидетельствам. Напомню, что как раз в моих книгах «Против течения» и «Последнее слово» приводятся высказывания ещё многих лиц, свидетельства которых, официальные заявления, публикации заслуживают внимания, представляют собой документы того времени. Отказ историков от собственных оценок либо лукавое уклонение от них также будут для меня «ответом». Я это учитываю.

Историку, ступившему на путь категорических оценок и односторонних интерпретаций, руководствуясь политическими симпатиями или антипатиями, трудно признать правоту иных доводов хотя бы по эмоционально-престижным соображениям. Для этого нужно иметь большое мужество учёного. Я сознаю, как трудно найти равновесие, а главное, противостоять актуальной моде и конъюнктуре, нажиму и потребностям, неважно, с какой стороны это происходит. Ведь всё это – живая материя; в ней сталкиваются человеческие судьбы, страсти, интересы. Известны слова Клаузевица: «война есть продолжение политики». Перефразируя, скажем: «политика есть продолжение истории». Хорошо, если это продолжение существует в форме опыта, науки, выводов. Плохо, если это

инструмент политической игры, реализации определённых интересов. Одни даты, лица, события возводятся на пьедестал, другие сбрасываются в пропасть.

«ГОРЯЧАЯ СКОВОРОДА» Можно было ли избежать военного положения?

Жаль, что доминирующая сегодня историческая политика, а по сути, идеологическая политика, не стремится к толковому, объективному анализу и ответу на этот вопрос. Историк, оценивающий прошлое, знает (но не всё), как это было. Политик, оценивающий ситуацию, видит, что происходит и только предвидит, что может произойти. В тиши архивов и библиотек историк даёт оценки, выносит вердикт "пост фактум". Политик сидит на «горячей сковороде» актуальных событий, неся ответственность за каждое решение. Исследователь, занимающийся новейшей историей, должен иметь особое понимание этого различия. Ибо его оценки лежат в основе публичного и суда, и осуждения. А когда в одной институции, каковой является Институт Национальной Памяти (ИНП) функционирует и историк, и прокурор, интеллектуальная и моральная ответственность историка тем более велика. Достоинно сожаления то, что многие историки и политики не желают или не способны видеть и понимать ситуацию того времени не только с сегодняшней позиции, но и под углом критериев и реалий, которые существовали в тот период. Метко пишет об этом Веслав Владыка на страницах «Политики» от 17 марта 2007 г.: «Люди всегда жили в определённом историческом времени...Каждая эпоха, каждая декада отличается свойственными ей условиями...Спустя годы их не легко воспроизвести, а тем более понять поколениям, которые не испытали их на себе. Учебники истории приводят прежде всего важнейшие факты, излагают выводы в соответствии с результатами, которые уже известны, сглаживая или упрощая всю сложность тогдашней ситуации». Добавлю лишь, что не только «упрощают», но зачастую тенденциозно и фальшиво представляют, например, Встречу троих, а также условия, предшествовавшие введению военного положения. Вот характерный пример. В

солидном школьном учебнике авторства Анны Радзивилл и Войчеха Рошковского («История для средних школ 1945-1990») написано: «Нехватка (товаров и продовольствия – прим. перев.) была результатом беспорядка и бюрократизма, а также создания властями запасов на случай введения военного положения». И дальше: «Не спокойная осень. Общественное напряжение не спадало, власти подпитывали его, игнорируя безобразное состояние снабжения». Почти такое же положение имеется в усиленно рекламируемой книге проф.Рошковского «Новейшая история Польши 1980-2002». Притом, во введении имеется запись: «Книга рекомендована Министерством народного образования для использования в школах 6.VI.1991 г.». Указанные позиции, как и многие другие подобного рода публикации, являются абсурдной, и при этом нечестной клеветой. Мы не создавали запасов, а наоборот, вопреки правилам, расходовали некоторую часть военных стратегических запасов для снабжения населения. Власти «подпитывали», «игнорировали» - звучит как насмешка. Просто всего не хватало. Карточки, очереди. Отчаянные попытки затыкания дыр. Выпрашивание у крестьян, шахтёров и других производителей. Призывы Солидарности отказаться от забастовок, ограничить требования и претензии. Постоянные просьбы о помощи, обращённые к другим странам, особенно к Советскому Союзу. Однако обществу, прежде всего молодёжи, навязывают иную картину. Эта «подлая власть» хранит, скрывает запасы и игнорирует безобразное снабжение; мало того, что заставляет народ голодать, угнетает, обманывает его, она, в конце концов, ещё и его свободу ограничивает. Вот «педагогическое» обоснование антигосударственного бунта.

ЦЕЛЬ И СРЕДСТВА Надежды и действия Солидарности были направлены на разрушение государственного строя. Для оппозиции это была высшая цель, которая, однако, не оправдывала все средства. Лешек Колаковский писал, что иногда средства становятся целью. Главным вопросом был темп. К сожалению,

на этом этапе им не хватило ума. Это понимал Костёл, который поддерживал Солидарность (некоторые духовные особы, поддаваясь политическим эмоциям, заходили в этом слишком далеко), в целом был сторонником марша шаг за шагом. Имею право считать, что это соответствовало пониманию Папы Яна Павла II и Примаса Польши Стефана Вышиньского. В личной жизни бывают красочные мечты, но в политике нереальные мечтания вредны.

Напомню, что после II-ой мировой войны, после Ялтинских и Потсдамских соглашений «черта была окончательно подведена», и 5 августа 1945 г. правительства США, Великобритании и Франции перестали представлять интересы Лондонского правительства Польши. А в октябре 1945 г. Польское правительство, находившееся на территории Польши, подписало Устав ООН и стало её полноправным членом. И ещё один знаменательный факт. Генерал Андерс, в своей книге «Без последней главы» пишет о беседе, состоявшейся 21 февраля 1945г. в Лондоне: «Черчилль (очень нервно): «Вы сами во всём виноваты. Я уже давно уговаривал Вас решить вопрос о границе с Советской Россией и отдать ей земли на Восток от линии Керзона. Если бы Вы меня послушали, сегодня вопрос стоял бы иначе. Мы никогда не гарантировали восточные границы. У нас сегодня достаточно войска и в вашей помощи не нуждаемся. Вы можете забрать свои дивизии. Обойдёмся без них». Ясно, чётко, даже грубо. Примеры можно множить.

Интересы держав, независимо от строя, важнее сентиментов. Несмотря на это, распространялись взгляды, что начнётся III мировая война, что Польша будет независимой, что мы вернём восточные земли. Ясно, что не каждый, кто верил в III мировую войну, был её сторонником, а мог попросту ошибаться. Именно так можно понимать тогдашнюю позицию Примаса Польши кардинала Августа Хлонда. Стефан Киселевский в «Алфавите Киселя» (1990) пишет: «Примас Август Хлонд, я говорил с ним два раза, очень милый...Верил в III мировую войну, которая скоро начнётся...Но это был очень симпатичный человек. Но верил в III мировую войну, и трудно было ему объяснить». Войны,

к счастью, не было, но были братоубийственные бои, двусторонняя ненависть и её болезненные последствия.

Монополии на патриотизм не бывает, не существует концессии на имя патриота. Патриотами были и те, ушедшие в лес, и те, которые стали по другую сторону, и те, кто шёл на Берлин, и те, кто пошёл в школы и учебные заведения, на фабрики, на тяжёлую работу по восстановлению страны. Патриотические намерения, стремление к независимости, борьба «до конца», страдания и жертвы – достойны уважения, но важны, прежде всего, результаты. «Проклятые солдаты» - звучит прекрасно и в значительной мере заслуженно. Но обобществление, даже «освящённое» постановлением Сейма, является ошибкой. Подполье было очень разным, различным по происхождению, идейно-политической ориентации и способам действия. Как признаётся председатель ИНП проф. Леон Керес (ежемесячник «Верные Польше», декабрь 2002 г.), были также преступления со стороны деморализованных отрядов, был бандитизм отдельных групп и лиц. Мне были известны факты остановки поездов, «выявления» членов партии, сотрудников безопасности, милиционеров, евреев, военных. Последних отпускали на волю, образно говоря, часто в одном белье. С остальными бывало по-всякому. Было, наконец, жестокое сопротивление общественным реформам, особенно в сельском хозяйстве. Можно ли всё это назвать общими словами – борьба за независимость?

В этом месте не могу не вспомнить об историческом факте. Власти Костёла, заключая 14 апреля 1950 г. соглашение с властями ПНР, взяли на себя обязательство:

« п.7. В соответствии со своими принципами, осуждая любые антигосударственные выступления, Костёл будет, в частности, противодействовать использованию религиозных чувств в антигосударственных целях.

п.8. Католический Костёл, осуждая, в соответствии со своими основами, любые преступления, будет также бороться против преступной деятельности банд подполья и будет осуждать и карать каноническими средствами лиц

духовного звания, виновных в участии в любых подпольных и антигосударственных акциях».

Известно, в сколь трудных для Костёла условиях было заключено это соглашение. Это не меняет существа дела в данной области. В прошлом вооружённому подполью приписывался исключительно «дьявольский» характер. Сегодня его наделяют только «ангельским» ореолом.

СОГЛАШЕНИЕ И БОРЬБА

Возвращаюсь в 1981 г. Только сумасшедший мог бы ожидать, что 10-ти миллионное движение может стать каким-то придатком или «приводным ремнём» от партии к массам. Конечно, в партии были лица прежней ориентации, т.н. истинные, а фактически «кабинетные коммунисты». Они создавали какие-то партийные форумы (самые многочисленные в Катовицах), клубы, семинары и т.д., кооперируясь, что было особенно опасно, с нашими соседями. Мешали, затрудняли, тормозили. В июне 1981г. даже возникла (инспирируемая и поддерживаемая извне) далеко идущая попытка политического путча. Считаю, однако, что в отличие от радикальных сил, которые играли всё большую роль в Солидарности, в партии, во власти и особенно в армии их возможности были ограничены. Звучал лозунг: «соглашение и борьба - борьба и соглашение». В этих рамках появлялись и обтачивались разные оценки и взгляды. Тем не менее, по сути, почти все рассчитывали на стабилизацию настроений, на какую-то реальную форму сосуществования. Естественно, каждый видел её иначе, иначе воображал и его финал. Подобное положение было перед Круглым столом – Магдаленка, постепенное «притирание» противоположных оценок и взглядов.

Одним из аргументов, а фактически претекстов, со стороны Солидарности было условие, чтобы ещё до создания Совета Национального Согласия решить все спорные вопросы заранее. Это бессмысленно. Ведь именно Совет должен был стать площадкой для этой цели. Он не был, как это пытались внушить, лишь фасадом. Совет должен был стать важным представительским общественно-

политическим органом. На этом форуме должен был состояться, может быть трудный, диалог по существу с целью поиска решений, отвечающих вызову времени. Мы предполагали, что Совет будет совещательным органом, но с правом законодательной инициативы, а также имеющим влияние на определение порядка проведения выборов и т. д. На том историческом этапе это было очень много.

Очередное препятствие. Мы предлагали, чтобы в состав инициативной Комиссии (группы) вошли представители Солидарности, Костёла, ПОРП, ОКП (Объединённой Крестьянской партии), Демократической партии, отраслевых профсоюзов, научных и творческих кругов. Часть из них хотя бы символически, чтобы обозначить открытость группы для всех слоёв населения. Учитывая исключительно пробный технический характер Комиссии, её состав не предопределял пропорций, в которых в будущем Совете Национального Соглашения были бы представлены отдельные силы и группировки. Однако, по мнению Солидарности, в предварительных переговорах должны участвовать только три субъекта: Солидарность, Костёл и ПОРП. Мы посчитали, что нельзя лишить права голоса других политических партий – ОКП и ДП. При этом их соответствующее, пропорциональное их значению, участие в Совете Национального Соглашения явилось бы не только фактическим, но и формальным признанием профсоюза Солидарность политическим партнёром.

Был ещё один вопрос. 12-го октября 1981 г. правительство в который раз выдвинуло предложение-призыв создать Смешанную Комиссию представителей правительства и всех профсоюзов с целью обсуждения и выработки позиции по вопросу снабжения населения. Эта Комиссия должна была следить за проведением в жизнь совместных решений. На этот призыв положительно откликнулись: Согласительная Комиссия отраслевых профсоюзов, Конфедерация автономных профсоюзов, Центральный Совет крестьянских кружков, Федерация Союза польских учителей – Просвещение и Наука, Консультативный Совет профсоюза общественно полезных

работников и Общепольское Бюро независимого профсоюза индивидуального ремесла Солидарность. В сумме эти профсоюзы объединяли миллионы человек. Но Центр НСПС Солидарность в Гданьске ответил «нет», посчитав, что возможны только двусторонние переговоры: правительство – Солидарность. Это очень странная позиция для профсоюза, который подчёркивал свой плюрализм и демократический характер. Предлагаемая нами Комиссия очевидно не должна была и не могла разрешить фундаментальные проблемы государственного устройства. Она была, тем не менее, необычайно важным форумом смягчения напряжения и, прежде всего, предотвращения процессов разложения экономики и болезненных для общества результатов этого. Это смехотворное явление во всемирном масштабе: людям труда угрожают тяжелейшие последствия в повседневной жизни, самому существованию, а профсоюз отказывается даже от такой формы контакта и взаимодействия. Это ещё раз показывает, как Солидарность рассматривала свою роль.

НУЖНО БЫЛО РАЗГОВАРИВАТЬ Время показало, что мы были правы. История «пошла по кругу». Через 8 лет Солидарность села за Круглый стол с ОКП и ДП, а позже создала с ними правительство. Итак, необходимо было разговаривать. Это было бы то, что называется вставить ногу в приоткрывшуюся дверь. Ведь с формальной точки зрения Солидарность имела всего лишь статус профсоюза. Само начало этих переговоров, как я уже писал, включило бы Солидарность официально и сделало очевидным её участие в организованном взаимодействии с политическими партиями, с властью. Учитывая сильную общественную поддержку, она могла бы стать активной участницей политической жизни, а также инициатором проведения реформ в стране. Это сняло бы напряжение. «Когда звучат музы, пушки молчат». Сейм вообще не начал бы работу над проектом закона о чрезвычайных полномочиях для правительства, введение военного положения оказалось бы бессмысленным, а интервенция не имела бы оснований. Лех Мажевский метко

замечает, что на том этапе де факто был шанс для организованного политического плюрализма.

За три недели до введения военного положения 21 ноября я получил утверждённое на Политбюро ЦК КПСС письменное послание Брежнева (оно находится а т.н. архиве Суслова). Вот некоторые выдержки: «Не проходит дня, чтобы лидеры Солидарности, контрреволюционеры не произносили разного рода открыто поджигательские речи, направленные против ПОРП и социализма, возбуждающие националистические страсти. Непосредственным итогом этой враждебной деятельности является опасный рост антисоветизма в Польше... Как далеко можно идти путём соглашений без угрозы утраты контроля над ситуацией? Ведь классовые противники наверняка попытаются придать Фронту Национального Согласия такое политическое содержание, которое укрепило бы их идею раздела, как минимум, власти между ПОРП, Солидарностью и Костёлом с последующим демонтажем социализма...Теперь уже абсолютно ясно, что без решительной борьбы с классовым врагом невозможно спасти социализм в Польше».

Я напоминаю об этом документе не случайно:

- во-первых : мы могли интерпретировать его таким образом, что сохранение в руках ПОРП лишь 1/3 части властных полномочий, является неприемлемым. А если, как при Круглом столе, пропорции были бы противоположными? К сожалению, при политической температуре 1981 г. на это не было никаких шансов;

- во-вторых, со всей остротой документ подтверждает серьёзность положения;

- в-третьих, он является продолжением неослабевающего нажима и предупреждений. Ведь Польша, особенно после 1956 г., постоянно подвергалась критике по многим направлениям как своего рода «еретическое ответвление». В данной кризисной ситуации это проявилось особенно остро;

- в-четвёртых, некоторые публикации в польской печати звучат сегодня, как «с луны». Ибо только политический кретин или политический жулик мог пойти на

то, чтобы на обложке, титульном листе популярного последнее время еженедельника «Uwazam, Rze» от 10-16 октября 2011 г. мог написать: «Брежнев был готов к переменам в Польше. Ярузельский не представлял их себе. Он не хотел свободной Польши». А внутри номера на стр. 14 : «Брежнев согласился с перспективой демократической Польши, а Ярузельский и его товарищи – нет». Я мог бы не комментировать это, тем более, что с этим «открытием» разбирается по существу в № 43 от 2011 г. еженедельник «Nie». Лишь напомним, что приближается 30-я годовщина введения военного положения, и каждый, даже самый глупый жест приветствуется в определённых кругах в надежде, что «тёмный народ это проглотит».

Существует мнение, что наша инициатива с самого начала была обречена на провал, что согласие было недостижимо, а военное положение неизбежно. И именно об этом теперь следует по-деловому, без эмоций дискутировать. Я хочу лишь получить логичный ответ, зачем и кто блокировал попытку сделать первый, элементарный шаг, т.е. начало предварительных контактов в соответствии с совместным, я подчёркиваю – совместным коммюнике после Встречи троих. Это не было связано с каким-либо риском. Контакты можно было прервать в любую минуту. Напомню, как часто в 1989 г., особенно во второй его половине продолжение переговоров оказывалось «на грани». И, тем не менее, удалось. Неизбежны явления природы, например, цунами. Но везде там, где существует сознание и воля человека для предотвращения опасности можно сделать многое. Прежде всего, должна быть отброшена философия: всё или ничего. Это стало реальностью на стыке 1989 и 1990 гг. В этом месте я должен привести высказывание Ярослава Качиньского из его книги «Мы» (Przedswit, 1994), в которой он оценивает историческую Солидарность следующим образом: «Это чудовищное движение в силу своего характера и структуры не подходило для демократии...если бы Солидарность в 1989г. имела силу 1981г., то в Польше вообще не удалось бы построить какой-либо нормальный демократический механизм». Ярослав Качиньский, не желая

того, демонстрирует понимание опасений и решений властей. Отсюда логично вытекает, что военное положение, ослабляя, блокируя инерцию Солидарности, привело к тому, что через несколько лет, в иной международной обстановке «построение этого демократического механизма» стало возможным. Рассчитываю на актуальный комментарий председателя Партии порядка и справедливости (П и С).

ВСТРЕЧА ТРЁХ Мы, участники Встречи троих, сознавали драматизм положения во всех отношениях. Хорошо помню тот день, вернее вечер, его деловую атмосферу, значение, вес. Независимо от различий по ряду оценок, мы были согласны с необходимостью достижения национального согласия. Первый шаг – это назначение лиц, которые от нашего имени могли бы начать предварительные рабочие переговоры. Примас указал на многолетнего Секретаря Епископата епископа Бронислава Домбровского. Я – на члена Политбюро, Секретаря ЦК ПОРП и председателя Совместной Комиссии правительства и Епископата Казимежа Барчиковского (напомню, что он подписывал Щецинские соглашения от 30 августа 1980 г.). Лех Валенса, сознавая негативную оценку своего участия во Встрече троих со стороны влиятельных радикальных членов Общепольской Комиссии Солидарности, не смог назвать своего представителя. Вот яркий пример того, как он был «блокирован» уже в начале пути. Не удалось также получить согласие на участие кого-либо из Солидарности в рабочей Инициативной группе. Несмотря на наши публичные высказывания, сигналы и подталкивания, несмотря на понукания со стороны Костёла, дело не сдвинулось с места. На заседании Совместной Комиссии представителей Епископата и правительства 23 ноября 1981 г. Казимеж Барчиковский отметил: «Затяжка с формированием рабочей группы несёт угрозу размывания инициативы. Соглашение остаётся под сильным нажимом его противников. В Польше имеется много сумасшедших. Это было бы поражение с масштабными последствиями. Оно вело бы к конфронтации». Как видно, оказался невозможным даже первый

элементарный шаг. Это был не только уход от переговоров с властью, но и, своего рода, негативный жест в сторону Костёла.

Хорошей иллюстрацией является запись в дневнике епископа Бронислава Домбровского о его личном отчёте Папе Яну Павлу II 22 декабря 1981 г. («Ватиканские переговоры архиепископа Бронислава Домбровского» Изд-во ПАХ, 2001). О них напомнил на сегодняшней конференции бывший директор департамента в Управлении по делам религии Александр Меркер. Соответствующие фрагменты я приводил в своих публикациях (в т.ч. в книге «Последнее слово», стр.287-288). Этот огромного значения документ даже связанные с Костёлом историки и публицисты обходят по «большой дуге», что попросту непорядочно. Вот очередное «белое пятно». Напомню эту запись: «Солидарность, несмотря на предостережения Костёла, наращивает выступления и стремление к власти. Она отказалась войти в Совет Национального Согласия, хотя 4 ноября у премьера Валенса вместе с Примасом согласился на вступление. После встречи с премьером Общепольская Комиссия дисквалифицировала Валенсу и заявила, что Солидарность не войдёт в Совет Согласия. Собрание Солидарности Мазовше в Политехнике 5-6 декабря и принятые постановления обеспокоили власть, особенно назначение уличной манифестации на 17 декабря 1981г. Наши переговоры с Солидарностью на всех уровнях (особенно встреча 9 декабря у Примаса) не дали результата. Общепольская Конференция в Гданьске 11-12 декабря 1981г. Мнение Валенсы – коллективная галлюцинация, многие поддались на провокацию».

Не представляю себе, чтобы этот доклад епископ Бронислав Домбровский мог представить Папе без ведома, и вопреки позиции Примаса и Епископата. Тем более, что в совместном коммюнике после Встречи троих сказано: «Встреча признана полезной и подготовительной для дальнейших переговоров по существу». На них-то и должны были согласовать, установить порядок дальнейших действий, характер и роль Совета Национального Согласия. Костёл

подтвердил свою позицию и на заседании Совместной Комиссии правительства и Епископата (сопредседатели: кардинал Франчишек Махарский и Казимеж Барчиковский) 18 января 1982г. Сторона Костёла, помимо понятных замечаний по поводу военного положения, заявила: «Не отрицаем, что со стороны Солидарности не было политической культуры, ею овладели экстремистские силы». Далее, ссылаясь на Леха Валенсу: «Он признаёт, что Солидарность совершила много ошибок, и на конечном этапе не был в состоянии её контролировать» (Секретные документы Государство-Костёл 1980-1989, ANEKS).

Жаль, что инстанции Костёла, ранее стоявшие на этой позиции, сегодня об этом забывают. Не используют свой авторитет в связи с однозначными оценками и вытекающими из них обвинениями. Исключение составляет мнение нынешнего Примаesa Польши Ксендза-Архиепископа Юзефа Ковальчука, который в книге: «Свидетельство и служба» (Adam,2008) пишет: «Я никогда не беседовал с Ярузельским на тему о военном положении. Но мы должны отдавать себе отчёт в одном : если бы, как Ярузельский, так и вся правящая команда не предприняли определённых шагов и трудных решений, то было бы трудно предвидеть ход событий. Каждый из нас почувствовал бы последствия, как почувствовали их те, кто в 1956 г. оказали сопротивление в Венгрии, например Имре Надь. Только годы спустя была вскрыта его могила во дворе структур безопасности и произведено перезахоронение. В Польше было возможно всё. Удивляюсь, что сегодня некоторые политики производят впечатление, как- будто не знали, при какой системе они жили и в какой действительности существовали».

ПАРТИЯ ПОРП сошла с политической сцены. Её критическая оценка и суровое политическое осуждение вполне обоснованы. Кстати, это происходит постоянно. Я не уклоняюсь от этих оценок. Однако, это нужно делать объективно, прежде всего, принимая в расчёт исторические условия. Организующую и мобилизующую роль партии, особенно в период послевоенного

восстановления. Её программу и практику в качестве рычага жизненного аванса для миллионов людей из слоёв и кругов, которые унижались в течение многих лет и веков. Её философию и общественную практику, с которыми, исходя из нынешних реалий, должны связывать себя современные левые. Прежде всего, это переломный этап перемен, осуществлённый при активном участии людей партии. Я мог бы назвать по именам десятки, а их были тысячи и сотни тысяч тех, кто внёс свои знания и опыт в новую действительность. В III Республике в области политики, экономики, обороны, науки, здравоохранения, культуры, спорта они выполняли и продолжают играть конструктивную, часто выдающуюся роль. Среди них есть много ныне активных деятелей. Ограничусь Александром Квасьневским. Вот – талантливый политик, который придал польским левым новый импульс, и, занимая в течение двух сроков пост Президента ПР, завоевал авторитет, как в стране, так и в международном масштабе.

Сегодня левые переживают глубокий кризис. Появляются разног рода «рецепты». По моему мнению, реалистичный рецепт содержится в интервью, которое Александр Квасьневский дал Янине Порадовской («Политика» от 2-7. 11.2011г. № 45). От себя добавлю, что есть и будут появляться разные группы левого характера. В этом нет ничего плохого, наоборот – при условии соблюдения принципа: «маршировать отдельно – атаковать вместе».

Каждый из нас, особенно партийно-государственных деятелей того времени, имел печальную «привилегию» родиться раньше, но это «привилегия» обладания большим опытом. Мы имели знания и сознание, характерное для данного этапа, понимали объективные исторические условия того периода. Это отражалось на нашем мышлении и действиях, на эволюции идеологии, доктрин, оценок и взглядов, на нашей риторике. Это был процесс. От «угара» в связи новой действительностью, восхищения эпопеей возрождения и перестройки общества, через годы созревания для реальности и вызовов современности. У одних этот

процесс проходил быстрее, у других – медленнее. Третьи, исполняя политический «пируэт», изо дня в день изображают новообращённых со страстью неопитов. Наконец, иные, когда-то очень «боевые и принципиальные», сегодня прозябающие, робкие, прячутся по углам. В конце концов, все мы оказались в Польской Республике. Идеального государственного устройства не бывает. Бывает лишь строй, рациональный и оптимальный для данного исторического периода. К этому выводу мы приходим постепенно, преодолевая как объективные трудности, так и субъективное сопротивление.

В течение десятилетий в партии состояли, прошли через её ряды многие миллионы людей. Среди них было немало посредственностей и номенклатурных конъюнктурщиков, «забаррикадировавшихся» в теории и практике «руководящей роли». Однако, постепенно удавалось их отсеивать, делая ставку на молодых и открытых. Но прежде всего, в партии состояли люди порядочные, профессионалы, которые сознавали, что на этом пути они верно служат Польше. Я говорю об этом не как посторонний рецензент. Сознаю свою ответственность. Но я видел, как Солидарность, опьянённая своей массовостью, брала на себя роль второй власти или контр- власти. Чтобы не дошло до столкновения, необходимо было найти какой-то «modus vivendi» - установить взаимные отношения. Этому должна была послужить идея и, к сожалению, не исполнившаяся надежда, заложенная в основу Встречи трёх.

УГРОЗА ИНТЕРВЕНЦИЕЙ Наконец, ключевой вопрос, вокруг которого было больше всего дискуссий, это угроза интервенцией. Действительно, она существовала. Такова была жестокая логика антагонистически разделённого мира. Говорю об этом не только как политик, но прежде всего как профессиональный военный, который знает военные доктрины и реалии того времени. Помню многолетнюю тяжесть ограниченного суверенитета и зависимости от главного государства блока. Особенно я почувствовал в

положении, сложившемся 30 лет назад. В частности, настойчивость Главнокомандующего Вооружённых Сил стран Варшавского Договора маршала Виктора Куликова, в личном плане человека симпатичного, но в официальном - твёрдого, как бетон. Ему вторили, естественно в меру силы своего голоса, министры обороны ГДР Хайнц Хофман и Чехословакии Мартин Дзур. Переговоры были тяжёлыми, острыми по содержанию, а по форме – партнёрскими. Не хочу упрощать. Сознаю, что угроза интервенцией в тот период не была их субъективным, как говорится, «бегом на месте». Она вытекала из бурно развивающейся дестабилизации в Польше, которая, принимая во внимание наше геостратегическое положение, человеческий и экономический потенциал, стала своего рода полигоном для конфронтации между державами и блоками в условиях холодной войны. В то время существовал железный принцип равновесия безопасности сторон. Из него вытекало, что если в одном из звеньев блока возникает экстремальная ситуация, хаос, дестабилизация, т.е. нарушение такого равновесия, а по сути – провал, то его необходимо восполнить. Каждый реалистически мыслящий человек, включая деятелей Солидарности, должен был это сознавать. Это фактически подтверждает проф. Анджей Пачковский в экспертизе, представленной им Конституционной Комиссии Сейма, а также на страницах газеты «Жечпосполита» от 29-30 июля 1995 г. Он утверждает, что в условиях разложения государства, разрушения системы, т.е. в экстремальной ситуации (он называет её *in extremis* – в последний момент) интервенция была бы реальна. С этой оценкой совпадает экспертиза проф. Анджея Вербляна, в заключительном фрагменте которой сказано: «Весь опыт отношений и конфликтов СССР с социалистическими государствами свидетельствует, что возможность не уступать нажиму этой державы и проведения независимой политики в очень большой степени зависели от внутренней стабильности данного государства, а, точнее говоря, от того, контролируют ли его власти внутреннее положение должным образом. Нарушение внутренней стабильности всегда становилось

существенным фактором советской интервенции. В случае с Венгрией и Чехословакией это была дестабилизация, вызванная внутренними политическими конфликтами... В Польше в течение всего периода с сентября 1980 г. до декабря 1981 г. проявились черты сильной, постепенно углубляющейся дестабилизации. Это серьёзно увеличивало угрозу интервенции со стороны СССР». К этому можно добавить другие факты: в 1981 г. большинство соцстран отозвало из Польши своих студентов и аспирантов. Введены серьёзные ограничения в передвижении граждан. Например, Чехословакия ввела такие правила пересечения границы, что жители некоторых приграничных польских деревень не могли работать на своих полях, находившихся частично по другую сторону границы. Положение в Польше освещалось в СМИ критически. Усилилась «подковёрная» деятельность. Активизировались спецслужбы. Особенно грозным сигналом в начале декабря 1981 г. стали серьёзные пробки на приграничных СССР железнодорожных станциях. Сотни поездов, тысячи товарных вагонов, несмотря на наши просьбы, в течение многих дней ожидали движения. Всё сдвинулось 13 декабря.

РЕШЕНИЕ МЫ ПРИНЯЛИ В ПОЛЬШЕ

Назойливо распространяется мнение, что я и т.н. авторы военного положения, оправдывая себя, заслоняются и объясняют введение военного положения неизбежностью военной интервенции стран блока. Это сознательно используемая инсинуация. Я постоянно упорно повторяю: интервенция не произошла бы ни с того, ни с чего, как «гром среди ясного неба». Она была бы последствием бурного развития внутренних событий в Польше, процессов разложения государства и тем самым дестабилизации системы социализма в нашем геостратегически ключевом звене. Давая показания перед Конституционной Комиссией Сейма 22 ноября 1992 г., т. е. 18 лет назад, я официально публично заявил: «Расчёты с совестью нужно всегда начинать с себя. В реалиях раздела Европы и всего мира наша внутренняя

«свара» не могла закончиться добром. Не с сегодняшнего дня я подчёркиваю, что ответственность беру на себя. Решение мы принимали в Польше, в коллективе, состоявшем исключительно из поляков. Прикрываться каким-либо внешним указанием или директивой было бы ниже офицерской и национальной чести. Почти полтора года продолжалось давление – обвинения и предупреждения, оказание многостороннего мощнейшего натиска. Нам реально грозило самое худшее. При дальнейшем экстремальном развитии ситуации это стало бы неизбежным. Однако, решение и его исполнение было наше собственное. Такая оценка для меня и многих лиц и кругов невыгодна. Она требует «расчётов с совестью» не только от тех, кто военное положение вводил, но и со стороны тех, которые это сообща допустили».

В октябре 1997 г. (по случаю международной научно-исторической конференции в Яхранке под Варшавой) была рассекречена американская документация – информации, Рапорты, доклады ЦРУ, военной разведки, Госдепартамента, посольства США в Варшаве, а также объединённых разведок (ЦРУ, военной разведки, национальной организации безопасности, разведорганов Госдепа и Департамента финансов). Они показывают всю остроту положения в Польше, реальность интервенции, а также введения военного положения. Можно привести мнение ведущих политиков Запада, которое подтверждает эту оценку. Президент Франции Франсуа Миттеран в «Di Zeit» (1987г. № 20-23) говорит: «Я всегда видел только две, а не три возможности: либо польское правительство восстановит порядок в стране, либо это сделает Советский Союз. Третье предположение, что дойдёт до победы Солидарности, я всегда считал чистой фикцией; в этом случае это движение было бы сметено советскими частями». И высказывание особенно компетентное и взвешенное. Александр Хейг, главнокомандующий Вооружёнными Силами НАТО, а затем шеф Государственного Департамента США в своей книге «*Caveat. Realism, Reagan and Foreign Policy.* (New York, 1984) пишет: «Для Советского Союза Польша – это *casus belli*

(повод к войне), дело, ради которого он готов начать войну с Западным союзом... Сами поляки не могут стать властителями своей судьбы, пока СССР располагает превосходящей силой и сопротивляется этому... Никогда не было ни малейшего сомнения в том, что это всеобщее движение в Польше будет подавлено со стороны СССР. Единственный вопрос был, когда это произойдет и с какой степенью жестокости... Я не видел среди сторонников твердой линии, сгруппированных вокруг стола заседаний Кабинета, как и в Совете Национальной Безопасности, какого-либо желания вызвать международный конфликт или пролить американскую кровь ради Польши. Ни один рационально мыслящий представитель власти не мог предлагать такую политическую линию». Эту оценку следует дополнить недавним высказыванием Александра Хейга в Программе III Польского радио 13 декабря 2006 г. в16.15 : «Если речь идет о Ярузельском, то я не собираюсь присоединиться к волне критики его osoby. Имея на выбор советские танки на улицах Варшавы или военное положение, он выбрал второе... Я понимаю решение Ярузельского о введении военного положения, он считал такое решение меньшим злом. Мы, естественно, не могли занять такую позицию и не сделали этого». Ведущий интервью журналист говорит: «Многим полякам не нравится то, что Вы говорите». Ответ Хейга: «У вас в Польше очень сильная консервативная ориентация. Я также являюсь представителем этой ориентации у себя в стране. Следует, однако, отбросить предубеждения, видя какому давлению подвергались польские руководители... Их подход должен был учитывать неблагоприятные условия, в которых они оказались». Наконец, проф. Збигнев Бжезинский в книге «План игры», издание 1987 г., т.е. в период развернувшейся перестройки и процесса разрядки, пишет: «Польша является государством оси. Для Советов держать Польшу в повиновении всё равно, что владеть ключом для контроля над Восточной Европой. Геостратегическое положение Польши выходит за рамки факта, что она находится на пути в Германию. Москве нужна власть над Польшей потому, что это облегчает контроль над

Чехословакией и Венгрией, а также изолирует от западного влияния нерусские народы Советского Союза. Более самостоятельная Польша подорвала бы контроль над Литвой и Украиной...38-ми миллионная Польша является крупнейшей страной Восточной Европы под советским контролем, а её вооружённые силы это крупнейшая несоветская армия Варшавского Договора. Эта позиция обходится Москве дорого, но ещё дороже был бы отказ от неё». Разве такая оценка, отнесённая к 1981г. не звучала бы стократ острее? Высказывания проф. Бжезиньского приводятся у нас с глубоким поклоном. А эти слова забывают. Случайно ли это?

С ОТКРЫТЫМИ ГЛАЗАМИ Самое главное, чтобы «глаза были открыты».

Уметь правильно прочитать, «расшифровать», оценить достоверность различных, особенно зарубежных, подвергаемых селекции, источников, записей и высказываний. Генерал проф. Дмитрий Волкогонов в газете «Известия» 19 июня 1994г. пишет: «С моим участием в качестве председателя Комиссии Верховного Совета РФ по делу передачи архивов ЦК КПСС и КГБ... в течение двух лет было открыто 78 млн. дел и 80 млн. папок в партийных архивах. Оставшаяся часть, содержащая сведения, касающиеся государственных и национальных интересов России, остаётся пока засекреченной. Комиссия раскрыла множество материалов до сих пор неизвестных большинству людей; в том числе т.н. специальные папки, на основании которых мы достоверным образом узнали о нашем вооружённом вторжении в Венгрию, Чехословакию, Афганистан, о приготовлениях к такому же вмешательству в Польшу». Я не заметил, чтобы польские историки хотя бы попробовали пойти по этому следу. Проф. Кристина Керстен в экспертизе, представленной Конституционной Комиссии Сейма на заседании 19 апреля 1994 г. особо критически охарактеризовала и оценила объём и способ предоставления польской стороне постсоветских архивных материалов начала 80-х гг. Чтобы не цитировать подробно, отсылаю к

книге-документу «О военном положении в Конституционной Комиссии Сейма» (Изд-во Сейма, 1997).

Необходимо, прежде всего, знать реалии, процессы, явления, конкретные факты. Время от времени появляются какие-то спекуляции и манипуляции, касающиеся различных аспектов возможной интервенции. Я конкретно отвечал на них в своих книгах, а также в многочисленных высказываниях и публикациях. Разные историки, политики, журналисты изображают «невинность», закрывают глаза на самое важное, на неопровержимые факты приготовлений военного характера – крупные учения, разворачивание системы связи, на оперативные штабы в Легнице и Рембертове, на разного рода группировки, перегруппировки, преобразования, перелёты на суше, на море и в воздухе. Ведь не в туристических целях это делалось. Всё это стучалось. Это подтвердили многие лица, включая заместителей министра обороны СССР: Начальник Генерального Штаба генерал Виктор Дубынин и генерал Владислав Ачалов (кстати, никто из них не говорит, что экспедиция в Афганистане делала невозможной интервенцию в Польше). Есть и другие компетентные свидетели, на которых я ссылался, давая разъяснения в суде (книга «Последнее слово»). Это относится к крупнейшему (100 тыс. солдат) в истории Советской Армии учению «Запад 81», которое проходило осенью 1981 г. на территории республик, граничащих с Польшей. И это не были командные игры. В литовской газете «Lietuvas Rytas» от 30 августа 2003г. появилась статья, в которой весьма конкретно говорится о приготовлениях интервенции в Польшу в 1981г. В «Жиче Варшавы» в статье «Чепуха или открытие 2 сентября 2003г.» опубликовано следующее мнение д-ра (теперь профессора) Антони Дудека из ИНП : «Сообщение в «Lietuvas Rytas» может иметь большое значение для оценки позиции генерала Ярузельского...ИНП должен, однако, сначала проверить, не основаны ли сенсационные сообщения литовцев только на вымыслах отставных красноармейцев». Прошло уже 8 лет, а итоги «проверки» по-прежнему не известны. Вот вам ещё одно «белое пятно». Предлагаю господину профессору добиться,

наконец, осуществления своего обещания. Удивительно при этом, что ИНП, говоря о литовских «красноармейцах и необходимости их опросить, молчит о возможности обратиться к более надёжному источнику, каким был их командир – генерал Владислав Ачалов, командир 7 воздушно-десантной дивизии, размещённой в Литве, в Каунасе (впоследствии – зам. Министра обороны). Тем более, что 13 декабря 2005 г., т.е. 6 лет назад в 19.00 на экране ТВН «Факты» появился сам генерал Ачалов, который лично рассказал о подготовке интервенции в Польше. Это необычное заявление не вызвало интереса СМИ, политиков и историков. Добавлю, что некоторые положения генерал Ачалов развивает в книге «Я скажу вам правду» (Регион, Москва, 2006). Польские историки и публицисты также проигнорировали интервью, которое дал известному еженедельнику «Новое время» (№г. №26) бывший Начальник Генштаба СА генерал Виктор Дубынин (обширные фрагменты я поместил в своей книге «Последнее слово», стр.216-217).

ГЛАВНОЕ – ЭТО ЖИЗНЬ, ИСТОРИЯ

Самое существенное, однако, это факты, жизнь, история! Они подтвердили, что собственных польских сил оказалось достаточно. Введение и осуществление военного положения произведено без какой-либо внешней помощи. И это, подтверждённый реально, ключевой вывод. Он опрокидывает различные спекуляции, независимо от того, являются ли они результатом военно-политического инфантилизма или извращённой интерпретации. Последнюю иллюстрирует особая подборка оценок «основополагающего» документа – записи заседания Политбюро ЦК КПСС 10 декабря 1981г. Ограничусь теми фрагментами высказываний, которые у нас постоянно замалчиваются либо игнорируются. Секретарь ЦК Константин Русаков, занимающийся отношениями между партиями и государствами блока, заявляет: «Ярузельский явно водит нас за нос». Член Политбюро, секретарь ЦК КПСС Михаил Сулов: «Ярузельский хитрит. Хочет огородиться просьбами, которые представляет Советскому

Союзу. Эти просьбы, ясное дело, мы физически не в состоянии выполнить, а Ярузельский потом скажет, что он ведь обращался к Советскому Союзу, но помощи не получил. Одновременно поляки ясно заявляют, что они против введения войск. Если войска будут введены, это будет означать катастрофу».

Наконец мнение ключевое, министр обороны маршал Дмитрий Устинов: «Я говорил с Сивицким (начальник Генштаба Войска Польского – В.Я.). Я склоняюсь к тому, что поляки не решатся на конфронтацию; может быть, они выступят только тогда, когда Солидарность возьмёт их за горло. Куликов повторил то, что было сказано нами и Леонидом Ильичём, что Польшу мы в беде не оставим. И он досконально знает, что сами поляки просили, чтобы войска не вводить. Что касается наших гарнизонов в Польше, то мы их усиливаем». Это высказывание маршал Дмитрий Устинов сделал непосредственно после доклада, который ему представил маршал Виктор Куликов после разговора со мной ночью с 8 на 9 декабря. И это – официальное закрытие данной темы. Оно окончательно дезавуирует разные подозрительного происхождения версии.

Те, кто обвиняет нас за введение военного положения, льют «крокодиловы слёзы». С особым «смаком» они приводят отдельное высказывание Юрия Андропова: «Не знаю, как будут выглядеть польские дела, но даже если Польша окажется под властью Солидарности, это будет одно. А если на Советский Союз нападут капиталистические страны,...то нам будет очень тяжело». Одновременно на том же заседании Андропов говорит: «Экстремисты Солидарности наступают руководству ПНР на горло. Очевидно в таких условиях польские товарищи должны быстро подготовиться к операции «Х» и провести её. Из переговоров с Ярузельским следует, что они пока не имеют твёрдого решения о введении военного положения...Ярузельский заявляет: Мы решимся на операцию «Х», если нам её навяжет Солидарность. Это очень опасный признак. Вчера я разговаривал с Милевским (бывший министр внутренних дел, а с августа 1981 г.

секретарь ЦК ПОРП) и спросил его, какие действия и когда планируются. Он ответил, что об операции «Х» и конкретном времени её начала не знает. Так что получается, либо Ярузельский скрывает от своих товарищей планы конкретных действий, либо попросту уклоняется от проведения такой операции». Громыко добавляет : «Солидарность выступает в качестве главной контрреволюционной организации, которая стремится к власти и открыто заявила, что власти добьётся». И дальше : «Мы говорили польским друзьям и будем дальше повторять, что необходимо занять решительную позицию и абсолютно нельзя уступать». Трудно во всём этом увидеть хотя бы тень того, что Советский Союз и т.о. весь блок примирился бы с возможностью прихода Солидарности к власти в Польше.

Своего рода завершением всего этого является высказывание Леонида Брежнева 1 марта 1982 г. : «Если бы коммунисты уступили дорогу контрреволюции, дрогнули перед яростными атаками врагов социализма, судьбы Польши, стабильность в Европе, а также во всём мире оказались бы под угрозой». К этому следует добавить письмо, которое член Политбюро ЦК КПСС в первой половине 80-х гг., лауреат Нобелевской награды Михаил Горбачёв направил Маршалу Сейма Польской Республики Мачею Плажыньскому (опубликовано в «Газете Выборчей» 5 декабря 1997г.). Он пишет: «Как один из членов советского руководства я ориентировался в сложившейся тогда ситуации... Все известные мне факты дают основание утверждать, что введение военного положения в Польше под конец 1981г. было хотя и вынужденным, но необходимым решением, которое позволило избежать гражданской войны, а также интервенции союзников ПНР по Варшавскому Договору. Известно, что наше суждение о прошлом может быть достаточно объективным, если принимаются во внимание существовавшие в то время реалии. В условиях бескомпромиссной конфронтации двух военно-политических блоков интернационализация конфликта в Польше могла привести к новому обострению международного положения с непредсказуемыми последствиями для Европы и всего мира.

Введение военного положения исключило такую возможность и привело к тому, что «польский вопрос» стал вопросом, разрешённым самими поляками».

КАКАЯ ПАМЯТЬ? Не пойду по модному сегодня лёгкому пути, что во всём, мол, виноваты русские. Патриотизм – славные традиции отечественной истории, благо народа и государства, беззаветное служение правому делу, ежедневный честный труд являются высшими ценностями. Манья величия, ксенофобия, русофобия и другие фобии, всё ещё живые антисемитские отголоски только повышают националистический адреналин. Историю и географию не выбирают, их наследуют, они данность. Три поколения Ярузельских вывозили в Сибирь. Дед – участник январского восстания 1863 г. был приговорён к 12 годам ссылки, вернулся по амнистии через 8 лет в опустошённое конфискациями родное имение. Отец – доброволец, участник войны 1920 г. остался в Сибирской земле навсегда. Я вернулся в солдатском мундире. Добрые отношения с соседями отвечают и их и нашим интересам. Это – фундаментальная истина. Различные исторические противоречия и актуальные недоразумения не должны её заслонять. Польша и Россия – Россия и Польша, история принесла нам различный опыт. У нас доминирует память о её болезненных страницах. Когда эта память перерождается в «злопамятство», она становится инструментом актуальной политики. Каждый народ имеет право на собственные впечатления. Нам история оставила разные «болевы точки», мы имеем на них особое моральное право. Следует, однако, учитывать, что другие также имеют свою память, отягощённую великодержавной ностальгией и многовековым опытом.

Хорошо, что создана польско – российская Комиссия по сложным проблемам. В результате её работы появилась книга «Белые пятна – чёрные пятна. Трудные вопросы в польско-российских отношениях (1918-2008)» под научной редакцией Адама Д. Ротфельда и Анатолия Торкунова (Изд-во PISM, 2011), в которой содержатся оценки, как польских

представителей, так и российских. По ряду вопросов оценки совпадают, либо близки, по другим – расходятся. Однако – всё в духе взаимопонимания и уважения. Нет такой проблемы, которую нельзя понять. Самой трудной была Катынь. В течение 50 лет советская сторона держала под секретом, скрывала, избегала опубликования правды. Хочу напомнить, что в результате наших многолетних усиленных стараний 13 апреля 1990г. Михаил Горбачёв как Президент СССР публично заявил, что в этом преступлении виновата советская сторона, конкретно НКВД. Выразил соболезнование, передал мне, как Президенту ПР, папки со списками уничтоженных офицеров. Сегодня этот факт упоминается минимально, вскользь, по причине, как я думаю, моей роли в этом деле. А был это первый, по существу, решающий шаг. Он открыл, до сих пор наглухо закрытую, дорогу к дальнейшим поискам и установлению фактов, и, что особенно важно, к открытым двусторонним публикациям. Это было тяжело и трудно. В последние годы наступило ускорение, появилось новое качество. Руководители Польской Республики Бронислав Коморовский и Дональд Туск, а также Российской Федерации Дмитрий Медведев и Владимир Путин, как и Государственная Дума, своим официальным заявлением закрепили эту правду окончательно. Этому процессу не следует мешать мелкими ссорами о «памятной доске» и т. д. Не следует также забывать, что именно Советская Армия, независимо от разных побочных негативных моментов, изгнала из Польши оккупанта – людоеда, погасила печи крематориев, оставила в нашей земле 600 тысяч павших солдат. Разговоры о «второй оккупации», с одной стороны, оскорбляют миллионы поляков, ставя их в положение своего рода «коллораборационистов», а с другой, вредит нашим отношениям с Россией, с россиянами, которые необычайно высоко ценят свою решающую роль в победе над гитлеровской Германией.

ОККУПАЦИЯ ИЛИ ОСВОБОЖДЕНИЕ?

Ян Павел II в своей книге «Дар и тайна», изданной в 1966 г., пишет:

«...дождался вместе с коллегами дня 18 января 1945 г., дня, а точнее, ночи освобождения. Ночью Красная Армия дошла до предместий Кракова». И дальше: «Я должен, однако, вернуться к долгим месяцам, прошедшим до освобождения». Я как-то никогда не слышал, чтобы Папа говорил о наступлении «второй оккупации». Его слова из обращения 1979 г.: «Да вступит Дух Твой и обновит обличие Земли – той Земли», - несли в себе великую религиозную и патриотическую силу. Они стали посланием, вдохновили миллионы поляков. Но это не было воззвание к борьбе. Думаю, Папа не случайно использует слово «обновит», а не «изменит» или «отменит». Эти слова не идентичны. 11 февраля 1981г. на генеральной аудиенции в Ватикане Папа сказал: «Нужно, чтобы проблемы созревали, чтобы созревали в мире, чтобы в напряжении, которое сопровождает развитие этих процессов, сохранить меру и чувство ответственности за великое общее добро, каким является наша Отчизна». Прима́с Польши кардинал Стефан Вышиньский в обращении 26 августа 1980г. сказал: «Помните, мы народ восстанавливающий себя. Мы пришли к свободе через развалины. Польша, возрождённая терпением и трудом, успешно восстановила Варшаву, Гданьск, Вроцлав, Познань и многие иные города, которые сравнивали с землёй». Ясно, что Папа и Прима́с хорошо знали, что та свобода была не полной, а суверенность ограниченной. Тот общественный строй был для Костёла принципиально чужд. Имелись многочисленные того доказательства. Однако, было сознание, что изменять его можно только постепенно, а не путём нереалистичных требований и неконтролируемых эмоций.

ГОСУДАРСТВО - КОСТЁЛ Ян Павел II был Великим Человеком. Однако, если бы Его заветы имели непосредственную материальную силу, полностью суверенная и демократическая Польша должна была стать «страной ангелов», «земным раем». Но для этого должны были созреть объективные исторические условия, когда

слова попадают в подготовленную почву и становятся, как говорили классики, «материальной силой». С моей стороны было бы конъюнктурным преувеличением утверждать, что наши оценки всегда совпадали. Особенно после введения военного положения были очевидные различия. В целом, однако, отношения государство – Костёл, деятельность Совместной Комиссии, различные контакты, в т.ч. мои беседы с Папой, позволяли всё лучше понимать друг друга. Это принесло свои плоды на пути исторических перемен, произошедших в Польше. Пониманию этого процесса способствовало бы изучение протоколов заседаний Совместной Комиссии представителей Правительства и Епископата. Из них следует, что Костёл был для власти и противником, и союзником. Противником – естественно, на почве государственно-идеологических противоречий и вытекающих отсюда общественно-политических последствий. Союзником – на почве национальных интересов, противодействия дестабилизации, сглаживания противоречий, прокладывания пути к соглашению. «Кесарево – кесарю, божественное – Богу». На протяжении десятилетий это складывалось по-разному. Бывали конфликты, обострения и двусторонние претензии. Не собираюсь сводить счёты. Одно несомненно: идеологические предубеждения, разного рода ошибки и даже идиотские шаги с нашей стороны против Костёла, особенно в 50-е и 60-е гг. наибольший вред принесли самой власти. В 70-е, и, особенно, в 80-е гг. положение заметно изменилось. Об этом говорит интенсивность и содержание контактов представителей власти и Костёла, размах строительства религиозных объектов, а также иные решения в пользу Костёла.

Историческая роль Костёла хорошо известна и уважаема, как и его моральное учение. Однако, в демократической Польше Костёл поддаётся соблазну участвовать в различных формах государственно-общественной жизни, что не соответствует принципу светского государства. Есть и противоречивые проблемы материального и финансового характера. Отношения

государство – Костёл должны быть дружественными, в соответствии с принципом: государство не должно быть ни против Костёла, ни при Костёле.

ПРЕДВЕСТИЕ БУРИ Польские власти унаследовали исторические и имели собственные ошибки. Это подрывало доверие оппозиции к нам, как к партнёру. Но и оппозиция должна отнестись к себе самокритично. Проф. Ежи Хольцер в книге «Польша 1980-1981» пишет о заседании руководящих сил Солидарности 3-4 декабря в Радоме: «В разгорячённой атмосфере дискуссий сказано много громких слов и демагогических угроз. Даже Лех Валенса выступил с более радикальных позиций, поскольку ему пришлось считаться с критикой своих оппонентов. Большинство дискуссионтов в Радоме переоценили силы Солидарности. В случае конфронтации они рассчитывали на поражение правительства». Подтверждение этой линии можно было найти в отчёте о совещании Правления Гданьского региона Солидарности, опубликованном в журнале «Самоуправление» №2 от 7 декабря 1981г. Оно звучит так: «Конфронтация с властью неизбежна. Таково мнение также Леха Валенсы. Не позволим отобрать у нас право на забастовку, нечего разговаривать с этой властью, прерываем переговоры, - сказал председатель, Нас спрашивали о времени конфронтации и тактике союза. Валенса ответил решительно, что наша тактика – оккупация предприятий, рабочая охрана, коллективная мудрость, окончательная конфронтация с властью произойдёт в апреле или мае. Часть участников дискуссии была уверена, что час борьбы наступит раньше». (авторы отчёта: В.Дуда и Д.Туск).

Что очень показательно, просто поразительно, я не увидел, чтобы имел место серьёзный анализ и публичная оценка заседания Общепольской Комиссии Солидарности в Гданьске 11 и 12 декабря 1981 г. (архивная запись издана в 2003 г. Институтом Политических Наук ПАН). А ведь это – специально не разрабатываемая «шахта» знаний о настроениях руководящих кругов Солидарности, включая руководство регионов накануне введения военного

положения. Там доминировала горячая, пред конфронтационная атмосфера. Характерные высказывания привожу в книге «Последнее слово», стр.159-171. Леха Валенсу остро, а, моментами, оскорбительно критиковали за недостаток боевитости. Пример – слова председателя региона Жешув Антони Копачевского под конец заседания: «Давайте подумаем, что мы здесь делаем. Власть уже в течение стольких месяцев нацелилась на нашу задницу. Пудрит нам мозги, а мы, из тактических соображений, говорим, что будем вести с ней переговоры, а на самом деле – воюем. Так или нет, Лех? Ну, подтверди это, чёрт возьми! Сидишь здесь, как махараджа, вместо того, чтобы работать, что, не так?».

Лех Валенса оказался в особенно трудном положении. Разъяснял реальное положение вещей, ссылаясь на переговоры лидеров Солидарности с Примасом, который призывал к умеренности, к соглашению. Были отдельные реалистические голоса, например, Владислава Фрасынюка. Всё тщетно. В своём заключительном слове Лех Валенса сказал: «Я уже дал поручение, чтобы проверили, что мы сегодня ели. Поэтому посмотрим, подискутируем ещё, и начнём говорить конструктивно. А врачи проверят, действительно ли сегодня мы ели добрую пищу». Это, с одной стороны, доказывает его реализм, понимание ситуации, а с другой, подтверждает, что Солидарность окончательно стала на путь конфронтации.

Были перечёркнуты надежды связанные со Встречей троих. Подтвердилось решение о массовых демонстрациях в Варшаве и других городах 17 декабря 1981г. Что особенно опасно, этот день был объявлен «общепольским днём протеста против насилия» на всей территории Польши. И всё это – без указания, в каких условиях, формах и масштабах это будет реализовано, чего придерживаться, а чего не допустить, когда «бензин разлит», когда всё кипит, когда миллионы людей могут хлынуть на улицы городов. Возникла качественно новая ситуация. С самого начала кризиса (август 1980г.) соблюдался принцип – «не выходить на улицу». Ещё жива была память об июне 1956г. и декабре 1970г., не говоря уже о событиях в Будапеште. И неожиданно в декабре 1981г.,

в период особого напряжения руководство Солидарности идёт на великую манифестацию в Варшаве и других городах, а также оглашает 17 декабря днём протеста по всей стране. Неужели созрела готовность к силовому, а в итоге кровавому разрешению конфликта? А роль соседей? Власть могла либо поднять «руки вверх», с известными внутренними и внешними последствиями. Либо сказать: хватит! И именно это стало «коммунистическим преступлением».

Проф. Ежи Хольцер в вышеупомянутой книге пишет: «Руководители Солидарности начинали терять контроль над действиями союза. В отдельных регионах страны начинало кипеть». В свою очередь, проф. Анджей Пачковский в книге «Полвека истории Польши. 1939-1989» по поводу заседания в Гданьске говорит: «Верх брали голоса радикальные и даже отчаянные». Наконец, Богдан Борусевич свидетельствует 1 октября 1983 г. (книга «Конспира», издана в 1984 г. в Париже и в 1984 г. в Польше): «Я стал замечать, как меняются люди, которые были когда-то друзьями, как им в головы ударяют амбиции, должности, как из скромных и вежливых товарищей вырастают боссы, уничтожающие своих оппонентов. Внезапно я осознал, что успех вовсе не должен изменять человека к лучшему. Что успех общественный, национальный этого движения перестает быть моим успехом. Движение обрастает всеми негативными чертами системы; неприятие инакомыслящих и иначе поступающих, зажим критики, примитивный шовинизм...Процветал культ вождизма. Сначала – вождь наивысший Валенса, которого нельзя было критиковать, потом вожди в каждом воеводстве, почти в каждом воеводстве, почти на каждом предприятии. И, что ещё хуже, люди, как это описал Фромм в «Бегстве от свободы», хотели отказаться от своей свободы, отдать её в руки выскочивших авторитетов...Нетерпимости вторил шовинизм. В Солидарности возникло крыло, которое можно сравнить только с «Грюнвальдом» или «Жечивистостью». Разницу я видел одну – отношение к коммунизму. «Настоящие поляки» из Солидарности представляли тоталитарную идеологию, только иного цвета, чем красный...Я долго сопротивлялся, пока, в конце концов,

признал, что если общество хочет идти в совершенно ином направлении, чем следует, то пусть себе идёт... В определённый момент демократично избранные деятели утратили контакт с реальностью... Наступил амок. Перестали мыслить политическими категориями, начали – мистическими: какое слово мы скажем; как скажем «отдайте власть, так власть окажется в наших руках».

Короче говоря, «дымилось в головах». Это из Сенкевича, но я надеюсь, что нынешний маршал Сената подтвердит такую оценку ситуации в 80-е гг.

КУЛЬТ ВОССТАНИЙ

Каждый из нас, поляков, носит в своих генах культ восстаний. Мы воспитаны в их апофеозе. Это переносилось и переносится из поколения в поколение. Это само по себе было и есть патриотическая, моральная и эмоциональная ценность. Но её нужно фильтровать через разум, через горький опыт. Я помню песенки, в которых о войне говорится ласкательно: «Военка, военка, что же ты за пани...», «Как ладно на войне...», «Вернись, Ясенько, с этой военки, вернись...», «Когда первая кадровая на военку идёт...». Какие-то остатки беззаботного мышления годами проявлялись в моменты особенно драматические. «Несчастлива та страна, которой требуются герои», - говорит Галилей в известной пьесе Бертольда Брехта. Стоит также процитировать Оноре де Бальзака, который в середине XIX века (1846 г.) в книге «Кузинка Бетка» пишет: «...покажи поляку пропасть, он немедленно в неё кинется. Думает, что можно взять с места любое препятствие и победить». Это, конечно, литературное преувеличение, но суть дела в духе «разумны безумием» остаётся. Да, её (польскую ментальность) можно иллюстрировать разными примерами. Было широко известно высказывание Анджея Розпеховского: «Нужно так ёб... , чтобы кремлёвские куранты заиграли Мазурек Домбровского». Кароль Ижиковский сказал, что глупость это один из способов использования ума. Если этот способ использует один из ведущих деятелей Шлёнско-Домбровского региона

Солидарности, то это не только глупость; в той обстановке это было попросту безответственно и опасно. Годы спустя Анджей Розпеховский подтвердил эту философию из-за океана в книге, о которой сообщает «Жечпосполита» от 7 сентября 2011 г. В ней много мудрствования и антиваленсовского радикализма. Ну что ж, есть болезни неизлечимые. Следует также привести слова председателя того же региона Тадеуша Едынака, сказанные во время заседания руководства Солидарности 11-12 декабря в Гданьске: «Это создание рабочей полиции или милиции. Слушайте, даю пример шахты «Июльский Манифест». Сам собой, без решения властей союза возник отряд такой милиции числом 700 человек. Только не знают, что написать на касках: милиция или полиция. И я так думаю, что такие отряды нужно создавать, но чтобы они действовали только на территории предприятий. В отдельных случаях, там, где есть группы с плакатами или какие-то отряды охраны могут и выходить (наружу)». Далее: «Люди нервничают, пойдут на всё, ждут только решения ОК (Общепольской Комиссии). И это говорит представитель Шлёнской Солидарности, насчитывающей 1,5 млн. членов.

Ян Мария Рокита в своей книге «Алфавит Рокиты» (Изд-во Edipress). SA пишет: «Я был тогда и остаюсь теперь убеждён, что Солидарность в 1980-1981 гг. могла предпринять попытку сменить власть. Это было бы рискованно, но стоило попробовать». Жаль, что г-н Рокита не написал, как он себе представляет способ осуществления этой «попытки».

Во время заседания Конституционной Комиссии Сейма 14 февраля 1995 г. один из ведущих деятелей Конфедерации Независимой Польши (КНП) посол Анджей Остоя-Овсяны заявил: «Была ли Солидарность готова свергнуть правительство и партию, но КНП была готова пойти на это». Более того, он даже сказал, что КНП имела свои военизированные отряды. Напомню, что в 1981г. КНП обладала значительными возможностями, а её агрессивность играла роль запала.

О Збигневе Буюке думаю с симпатией, как о бывшем «командосе» из 6-й Воздушно-десантной дивизии. Но прежде всего, ценю его интеллигентность, смелость и откровенность почти «до боли». Он, как один из вождей исторической Солидарности, выступая в качестве свидетеля перед Конституционной Комиссией Сейма 6 и 25 апреля 1995г. сказал, что признаёт обоснованным ниспровержение тогдашнего конституционного порядка силой и что даже самые радикальные действия в этом направлении были правомочны. Он сказал также, что ситуация в тот период напоминала рулетку. Выйдет или не выйдет. Что касается интервенции, он заявил: «Даже если бы произошла советская интервенция, то это было бы, естественно, зло. Но разве это означало бы конец государства, конец народа? Народы переживали и не такое. Бывает, что из подобной ситуации можно выйти совсем не плохо, если общими силами удастся её выиграть...

Анализируя ситуацию очень трезво и спокойно, моё убеждение было таково, что если бы даже в результате продолжения политических изменений в государстве ,в конце концов дошло до такого сценария, это не стало бы какой-то тотальной драмой для государства и народа. Если бы оказалось, что в условиях реализации сценария интервенции всё общество, весь народ мог показать свою солидарность, единую позицию, то стратегически, с учётом следующих десятилетий, в течение которых этот народ будет существовать, возможно, это оказалось бы хорошо. Мы знаем, что в политике так случается, что то, что должно было стать великим добром, превратилось в свою противоположность. А то, что представляется большой драмой, может обернуться в то, что после столетий будет иметь очень позитивный эффект». И это заявил перед Конституционной Комиссией разумный человек – Збигнев Буюк. Видимо, такой «романтизм» не был чужд в разных кругах Солидарности, это снижало «чувствительность» в отношении грозящей опасности. Что касается «очень позитивного эффекта»: какова его мера?

Высказывание министра Радослава Сикорского о том, что Варшавское восстание было национальной катастрофой, было воспринято почти как кощунство, вызвало «бурю». А как оценить уничтожение столицы страны, окончательную утрату бесценных памятников национальной культуры, музеев, библиотек, произведений искусства, исторических зданий, и, прежде всего, 200 тысяч убитых, замученных, сожжённых живьём жителей Варшавы, сотен тысяч насильно выселенных; погиб цвет интеллигенции, в том числе такие таланты, как хотя бы мой коллега со школьной скамьи поэт Тадеуш Гайцы. Беспримерным героическим восставшим необходимо отдавать заслуженную честь. Но их «бросили в огонь» в результате ошибочной политической спекуляции, а также незрелых военных расчётов и решений. Много написано на эту тему. Особенно ценны, правдивы и компетентны работы проф. Яна Чехановского – участника Варшавского восстания, проживающего много лет в Англии. Кто не читал – очень рекомендую.

В моей памяти всё ещё звучат голоса жителей Праги осенью 1944 г., а затем, после вступления I Армии войска Польского в Варшаву 17 января 1945 г. – вид каменной пустыни, людей, выползающих из нор в руинах, тех, кто уцелел. Какие проклятья, обвинения они посылали руководителям восстания! При случае, такое отступление: руководители всех наших народных восстаний, кроме Ромуальда Траугутта, спасли свои головы.

Вспоминаю стих Марии Конопницкой: «Когда пошёл король на войну». С детства помню его строфы:

«На войне летают пули, люди валятся снопами.
Короли отважно бьются, гибнут сотнями крестьяне.
Едет войско под орлами, у дороги крест склонился,
Стах был в грудь смертельно ранен,
Король целый воротился» (пер. Ф.Л.).

Руководителям восстаний тоже было нелегко, но они остались в живых и могли по-разному объяснять своё решение. Тысячи и тысячи «Стахов» ничего сказать не могли

и не могут. Возвращаюсь к «позитивному эффекту». Знаю, что имеется в виду сфера победы духа. А жертва Варшавы как «навоз истории». Можно подумать, что чем дальше от восстания, тем сильнее над его трагедией будет доминировать его слава. Но важны реальные пропорции, правда, опыт, глубокое понимание. Моё поколение, которое выжило, а тем более следующие поколения не могут об этом забывать. Не случайно в 80-е гг. шла дискуссия, в т.ч. среди варшавских ветеранов, как должен называться памятник: «Восстанию» или «Восставшим». Победил второй подход, поддержанный и генералом Радославом Мазуркевичем и другими заслуженными военачальниками. Поэтому памятник не имеет характера монументального обелиска, а фигурально, символически представляет участников восстания. 1 августа 1989г. в присутствии Примаesa Польши, оставшихся в живых участников восстания и многочисленных жителей Варшавы, я имел честь открывать этот памятник и сказал тогда: «Мы должны выполнить завещание погибших, подать себе руки над тем, что в прошлом нас разделяло. Пусть этот памятник – символ чести и вечной памяти героям Варшавского восстания служит делу национального единства. Он создан в ходе споров и дискуссии. Быть может споры возникнут ещё не раз. Но в Польше есть места и символы, при которых достоинство требует полного уважения молчания.

РЕАЛЬНАЯ УГРОЗА Во многих научно-исторических работах, не говоря уже о публицистике, приводится множество предположений, что власть, что «твердоголовые» силы в партии, что службы безопасности инспирировали разные ситуации, ведущие к росту напряжения, чтобы вызвать авантюры, обвинить Солидарность в их последствиях и, т.о. создать претекст для принятия чрезвычайных мер. Однако, когда речь заходит о 17 декабря, эти акценты исчезают, умолкают. И этим самым игнорируется опасность. А она могла возникнуть со стороны каких-либо провокаторов или, скажу осторожно, со стороны разгорячённых демонстрантов, а может быть кого-то

«третьего», или, наконец, просто по случайности. Как это понимать и расценивать? Что могло бы стать искрой, детонатором? Вечер, огромные толпы, нарастающее напряжение, взрывное настроение, в стране «по ноздри» оружия разных видов. И, несмотря на предупреждение, запланировано столь рискованное, очень опасное мероприятие. Какие расчёты и соблазны были на уме у инициаторов? Что думать о ставшими нам известными планах вторгнуться и занять радиостанцию, телевидение и другие объекты? Учитывалась ли авантюристическая линия КНП, а также неконтролируемых групп неуравновешенных лиц? Разве трагические события 1956г. в Познани и 1970г. на Побережье ничему не научили? А Венгрия, Будапешт 1956г? До сих пор не выяснили, откуда и кто первый выстрелил. По моей просьбе в ноябре 1981г. Польское ТВ показало, как своего рода предупреждение, документальный фильм о венгерских событиях. Оказалось, что эта аргументация до радикальных кругов «не дошла».

Говорят, Солидарность была движением мирным, не разбила ни одной витрины и т.д. Это правда. Но, правда и то, что государственные власти, руководство Солидарности и Костёла теряли контроль над стихийно развивающейся ситуацией. Призывы приостановить волну забастовок были малоэффективны. Лех Валенса говорил, я одну забастовку останавливаю, а десять других команд едут и начинают новые. Усиливался климат агрессии. «Старые грехи дают длинные тени». Давали о себе знать разного рода давние обиды, особенно в отношении органов правопорядка, милиции. Явным клиническим выражением этого стали события в Отвоцке 7 мая 1981г. Милиционеры задержали двух пьяных безобразно ведущих себя хулиганов. Быстро растущая толпа до тысячи человек решила их освободить. Атака на здание милиции. Милиционерам грозило линчевание. Попытки переубедить, предостеречь не дали результата. И только прибытие Адама Михника, его смелость, а в тот момент даже героизм и умелое обращение смогли погасить агрессию. Правда, ненадолго, на следующий день милицию подожгли и спалили. 9-10 сентября подобные

события произошли в Конине. В уличную хулиганскую драку вмешалась милиция. В итоге агрессия толпы перекинулась на неё. Толпа бросилась к отделению милиции и забросала его камнями. В сторону милиции полетели бутылки с бензином. Можно себе представить, масштабы, какие приобрёл бы любой конфликт 17 декабря! Здесь я должен призвать в качестве эксперта Ярослава Качиньского. 12 марта 2008г. в 15.15 с трибуны Сейма он сказал: «В политике, в вопросе безопасности страны необходимо предполагать самые чёрные сценарии». Вопрос: не касалось ли это тем более 1980-1981гг.?

ПРАВДИВОЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО Те, кто обвиняют нас в связи с военным положением, игнорируют проблему угрозы конфронтации, «заметают её под ковёр». Поэтому приведу здесь высокоавторитетное свидетельство. В период 25-26 ноября 1981г. проходила 181 Конференция Епископата Польши. В её заключительном коммюнике есть такие слова: «Страна наша находится перед лицом многих опасностей, над нами собрались тёмные тучи, грозящие братоубийственной войной». Иначе говоря, гражданская война. Это не были слова, брошенные на ветер. Тем более, не из сантиментов к власти. Они вытекали из глубокого знания настроений в различных слоях общества, их взрывоопасного характера. Предложение в таких условиях провести «общенациональный день протеста», что это? Крайняя наивность или авантюра, а может ловкий расчёт на последнюю решительную конфронтацию!?

Всё время требуют осуждения военного положения как «коммунистического преступления». А создание такой опаснейшей ситуации разве не было своего рода потенциальным преступлением? Разве это не заслуживает осуждения? Не заслуживают ли осуждения те, кто игнорирует или покрывает причины введения военного положения? Что произошло бы 17 декабря, если бы не 13 декабря: бурные события, дестабилизация страны, нарушение стратегической инфраструктуры и, в итоге,

внешняя интервенция? Адвокат Владислав Сила-Новицкий, офицер АК, узник сталинизма, приговорённый к смерти, многолетний защитник в политических процессах, был человеком, обладавшим исключительным жизненным опытом и заслуживающим доверия. На заседании Конституционного Совета 17 июля 1989 г. он сказал: «Я относился к числу тех людей, которые вызывали очень сильное раздражение в своём ближайшем политическом окружении, когда, в момент возмущения и сожаления после введения военного положения, говорил: дорогие коллеги, помните, что в ситуации, сложившейся в Польше в декабре 1981г., военное положение ввело бы огромное число правительств в мире, в т.ч., со всей очевидностью, довоенное правительство Польши в форме чрезвычайного положения». Станислав Каня, давая показания 22 августа 1995г. перед Конституционной Комиссией Сейма сказал: «...Всегда, когда в условиях огромного общественного напряжения доходит до уличных выступлений, их прямым следствием становятся кровавые столкновения. До сих пор удивляюсь, что принимая решение об упомянутой манифестации (17 декабря 1981г. – В.Я.) деятели Солидарности не сознавали важности угрозы. Действительно не отдавали себе отчёта в последствиях таких шагов, ведущих напрямую к гражданской войне? ...Я не собираюсь высказываться по правовым вопросам, связанным с первой частью оценок Сейма, но с полной ответственностью утверждаю, что введение военного положения было неизбежно... Если бы мне пришлось ответить на вопрос, что лежало в основе военного положения, то без малейшего колебания ответил бы: исключительно желание уберечь Польшу от несчастья, от опасности возникновения гражданской войны, которая должна была привести к интервенции извне». Добавлю, что история каждого народа – это не только сумма реальных фактов, но и таких, которые удалось предотвратить.

ЗЛОВЕЩАЯ ТУЧА День 17 декабря висел над нами как зловещая туча. Если бы не это, решение о введении военного положения откладывалось бы и

дальше. Продолжился бы поиск выхода из кризиса, призывы и предупреждения, попытки выиграть время у соседей. 17 декабря прозвучало как сигнал тревоги и предопределило решение о предшествующей дате 13 декабря. В сложившейся ситуации риск непринятия такого решения был слишком велик. Никогда не забуду психологического напряжения, «горячки и метаний» тех дней и часов. Но моё убеждение остаётся неизменным: введение военного положения - это был необходимый акт, предотвративший ещё большую реальную опасность. Здесь позволю себе процитировать фрагменты воззвания, которое я огласил ранним утром 13 декабря 1981г.: « В этой ситуации бездеятельность была бы по отношению к народу преступлением. Мы должны заявить об этом именно сегодня, когда стала известна близкая дата массовых политических демонстраций, в том числе в центре Варшавы, созываемых в связи с годовщиной декабрьских событий. Та трагедия не должна повториться. Нельзя, мы не имеем права допустить, чтобы заявленные демонстрации стали искрой, от которой может запылать вся страна... Пусть в этой измученной стране, которая знала столько бед, столько страданий, не прольётся ни единая капля польской крови. Этот кризис мы должны преодолеть собственными силами. Мы должны отвести от себя эту

угрозу собственными руками. История не простила бы нынешнему поколению утрату этого шанса». Эти слова я взвалил на свои плечи 30 лет тому назад. Их верность я подтверждаю и сегодня.

КРАЙНИЙ ПРЕДЕЛ Положение достигло крайнего предела. 12 декабря рано утром я встретился с генералами: Михаилом Янишевским, Чеславом Кишкаком, Флорианом Сивицким, а ещё раньше, в ночь с 9 на 10 декабря – с командным составом Войска. Я провёл также много бесед в различных кругах. Ситуация сложилась крайне опасная. В присутствии генералов я пытался соединиться с Брежневым. Ответил Михаил Сулов. Я спросил: «Если мы введём военное положение, будет ли это наше внутреннее дело?» Он ответил: «Да». - «А если ситуация усложнится?» (я

помнил постоянно повторявшееся: «Мы Польшу в беде не оставим»). Ответ Сулова: «Вы же всегда говорили, что справитесь собственными силами». Мы, однако, постоянно наблюдали беспокоящие нас факты, которых становилось всё больше и больше. Именно эти факты требовали отнестись к словам Сулова с недоверием. Их можно было понять: «Не войдём, если вы сами это сделаете».

Одновременно продолжалось заседание Общеполюской Комиссии Солидарности в Гданьске. Я рассчитывал, может быть поступит какой-то позитивный сигнал – не поступил; наоборот. В 14.00 я принял решение. Вслед за этим было направлено предложение правительства в Государственный Совет о введении военного положения. Я информировал ближайших сотрудников: Казимежа Барчиковского и Мечислава Раковского, а также председателя Объединённой крестьянской партии Романа Малиновского и председателя Демократической партии Эдварда Ковальчика. Все приняли эту информацию с пониманием и полным одобрением. В соответствии с Конституцией того времени, ст.33 п.2, в котором сказано: «Государственный Совет может ввести военное положение на части или на всей территории Польской Народной Республики, если этого требуют интересы обороноспособности или безопасности государства». Подчёркиваю – «или безопасности государства». Постановлением Государственного Совета это было исполнено. Ст. 3 Конституции постановляет: «Государственный Совет следит за соответствием закона Конституции». Таким образом, Конституция даёт ему (Госсовету) право оценивать, что соответствует ей, а что не соответствует. Полагаю, что это касается чрезвычайных ситуаций, состояния крайней (высшей) необходимости, что и подтвердил Сейм законом от 25 января 1982 г.

В этом месте возникает вопрос, может ли быть признано преступлением то, что было апробировано и дважды утверждено в силу решения высших органов государственной власти? То же самое установила Конституционная Комиссия Сейма, созданная в 1991 г. В течение пяти лет своей работы в присутствии представителей

СМИ Комиссия опросила несколько десятков свидетелей, изучила тысячи страниц документов и материалов, как внутренних, так и зарубежных. Всё это документально отражено в книге «Суд над авторами военного положения – обвинения, разъяснения, защита» (BGW,1993), в которой содержатся подробные протокольные записи заседаний Комиссии в 1992-1993гг. В свою очередь, Издательство Сейма в книге-сборнике «О военном положении» в 1997г. опубликовало официальное заключение Комиссии, предложение меньшинства, а также экспертизу историков. На основании капитально обоснованного предложения Комиссии Сейм ПР своим постановлением от 23 октября 1996г. вопрос закрыл:

- во-первых, признавая, что введение военного положения Постановлением Государственного Совета имело основанием ст. 33 п.2 Конституции, и, таким образом, осуществлено «исходя из соображений обороноспособности и безопасности государства»;

- во-вторых, в связи с чрезвычайными обстоятельствами, в условиях которых произошло принятие этого решения.

Здесь я приведу мнение I Председателя Верховного Суда проф. Леха Гардоцкого. В письме от 1 февраля 1996 г., направленном Председателю Конституционной Комиссии Сейма относительно ст.3 пар.3 КПК (Уголовного кодекса), он утверждает: «Для того, чтобы приписать обвиняемому преступление против Конституции, необходимо прежде всего доказать, что определённая статьёй 33 п.2 ситуация фактически не существовала. Если это невозможно, то данное лицо не может быть поставлено в состояние обвиняемого, и тем более нельзя приписывать ему вину. В случае существования сомнений относительно фактов, но только таких, которых нельзя избежать, их необходимо трактовать в пользу обвиняемого». Несмотря на это, обвинения постоянно возобновляются. Статья 33 п.2 Конституции давала право Государственному Совету на введение военного положения, исходя их интересов обороноспособности и безопасности государства. А тут

смехотворные утверждения меньшинства членов Комиссии, что «безопасность» государства касается только внешней угрозы. Вовсе нет, в «Основах польской политики безопасности», принятых Комитетом Обороны Страны и подписанных Президентом Лехом Валенсой 2 ноября 1992 г. говорится: «Современное содержание понятия безопасности государства включает в себя как политические и военные вопросы, так и хозяйственные, общественные, экологические и этнические аспекты». Несомненно, следует признать вневременное значение этого положения. Поэтому Конституционная Комиссия Сейма в своём отчёте от 28 мая 1996г. признала, что «1981г. большинство аспектов безопасности государства существенным образом находились под угрозой». Добавлю, что как до, так и после введения военного положения все конституционные государственные органы непрерывно функционировали в рамках своих уставных полномочий.

В последнее время обвинения в «неконституционности» введения военного положения усилились. 30 лет спустя такую позицию занял Конституционный Трибунал, не принимая во внимание представленное выше мнение I Председателя Верховного Суда. Позицию Трибунала с энтузиазмом восприняли именно те, кто, осуждая Конституцию ПНР, вдруг становятся ревностными защитниками её буквы, и, в частности, того, был ли декрет принят на сессии Сейма и когда он был опубликован в Сборнике Законов. Условия и порядок его осуществления – это отдельная тема, которую я представил Высокому Суду (см. книгу «Последнее слово», стр.32-46). Должен, однако, напомнить одну пикантную деталь. Один из ведущих деятелей Солидарности Ян Рулевский 1 февраля 1992г. с трибуны Сейма заявил: «ВСНС (Военный Совет Национального Спасения) первым актом нарушил или подорвал фундаментальный принцип Конституции о руководящей роли партии. В то время Конституция ещё признавала руководящую роль партии в государстве. И именно ВСНС приостановил полностью деятельность не только руководящих органов партии, но и их передающего

звена в форме еженедельников и газет». Можно, конечно, не обращать внимания на неувязку, но как понимать своеобразное сосуществование обвинения в преступлении, в нарушении Конституции и осуждение т.н. авторов военного положения за то, что они защищали стабильность и безопасность государства, действующего на основании той самой Конституции. Пользуюсь случаем, чтобы отметить заботу г-на Яна Рулевского о руководящей роли партии.

О СОЛИДАРНОСТИ

Существует мнение, что военное положение разбило, расчленило Солидарность в качестве единой мощной силы в борьбе за общие идеи и цели. Действительно, она была разбудившим многомиллионные массы беспрецедентным освободительным феноменом. Однако, она не была монолитным движением, а представляла собой конгломерат зачастую отдалённых друг от друга политически сил и кругов. Не все из них заслуживают прославления. Эту оценку многие члены и деятели Солидарности не разделяют. Почему?

- во-первых, исходя из чисто человеческих взглядов, личных, эмоциональных, из чувства постоянной связи и органического отождествления себя с легендой, мифом Солидарности;

- во-вторых, исходя из прагматических интересов; ведь односторонняя, апологетическая её оценка, при одновременном очернении власти, должна принести бывшим членам и деятелям оппозиции в условиях нового политического строя особый морально-политический жизненный статус в качестве людей пост августовской Польши, свободолюбивого подполья и т. д. Некоторые из них, не имея реальных оппозиционных заслуг, частенько принимают ветеранские позы «борцов с коммунизмом»; их можно бы назвать «ветеранами 8-го дня». Кароль Модзелевский на страницах «Газеты Выборчей» 4 августа 1997 г. пишет: «В польской политике крутятся многие борцы, которые во времена коммунистов тихонько сидели за

печкой». Я добавлю: а сегодня хорошо знают, где «стоит варенье».

В-третьих, в результате недоразумения. Ибо очень значительную часть членов и сочувствующих Солидарности, людей умных, идейных, с патриотическими заслугами и высокими моральными качествами, находились, как бы на иной «орбите» этого движения. Они видели в ней, главным образом, то, что разумно, прекрасно и благородно. И при этом не замечали или недооценивали его популизм, политические претензии, анархо-синдикализм и безудержный радикализм, которые, особенно на последнем этапе, всё более доминировали в Солидарности. Со свойственной ему прямолинейностью пишет об этом Александр Малаховский в книге «Жил счастливо» (Totus, 1993): «Я уже говорил, что союз (Солидарность) был на грани раскола...Распался бы так, как это случилось с Гражданским парламентским клубом. Я был членом ревизионной комиссии, таким профсоюзным «прокурором». Получал килограммы писем, показывающих профсоюзных лидеров в самом неприглядном свете... Бывали обычные доносы, много было традиционных польских дрызг, но было и много правды. Слишком часто в Солидарности тон задавали люди, которые научились кричать, сдавали экзамены исключительно по болтовне и демагогии. С порядочностью, моралью тоже бывало по-всякому... В ревизионную комиссию и лично мне приходило много жалоб на хамство, грубость, высокомерие профсоюзных «вождей». Я сжёг эти письма во время военного положения, опасаясь, чтобы не попали в руки госбезопасности».

Подобное пишет и Ярослав Качиньский в упоминавшейся книге «Мы»: «Послушайте, мы не можем жить в свете известного мифа, который, может быть, и был прекрасен, но никогда не был правдой. Солидарность всегда находилась в состоянии внутренней ссоры, в ней разыгрывались внутренние бои, интриги, кое-что пропадало, например, деньги, документы».

Всё это не отменяет огромной роли и исторических заслуг Солидарности. Я говорю об этом с глубоким

убеждением и уважением для её членов и деятелей, некоторых попросту по-человечески люблю и восхищаюсь. Вместе с тем, это склоняет нас мыслить не в категориях: «чёрно-белое», а в духе лучшего понимания дилемм, стоявших перед властью, другой политической стороной. Речь шла в первую очередь о государстве. За 45 лет своего существования, наряду с органическими болезнями и тяжёлыми ошибками, оно имело несомненные заслуги. Перечеркнуть это нельзя. Создание исключительно «чёрной легенды» ПНР унижает, бросает тень на миллионы биографий поляков, которые жили, воспитывались и честно трудились на благо страны.

НА ПЛЕЧАХ ЖИВУЩИХ ПОКОЛЕНИЙ

Нужно помнить, что военные, биологические и материальные потери, в том числе уничтожение столицы, были самыми большими в Европе. Эта тяжесть легла на плечи ныне живущих поколений (кстати сказать, за 1946-1988 гг. демографический потенциал Польши увеличился на 14 млн. граждан). Обеспечение элементарных условий функционирования государства и общества, включая разминирование значительных территорий страны, в ходе которого погибли 700 сапёров и около 2 тысяч были ранены. Организация и проведение массовой миграции населения страны с Востока на Запад и с Запада на Восток. Ликвидация военных разрушений. Восстановление, индустриализация и урбанизация страны. Морское хозяйство на обширном побережье Балтики – верфи, порты, крупный торговый флот. Освоение Западных земель, здесь напомним роль военных поселенцев. Охвативший миллионы людей общественно-цивилизационный прогресс, в т.ч. среди семей работников сельского хозяйства, а также малоземельных крестьян, которые в результате реформы получили землю. Мы были единственным государством в соцлагере, в котором всё время сохранялось 80% индивидуальной крестьянской частной собственности. Добавлю, что в соответствии с переписями населения, в 1946г. в польских городах

проживало 7 млн., а в 1988г. -24 миллиона человек. За этот короткий период Польша превратилась из аграрной страны в страну промышленную. В огромной степени это произошло благодаря массовому наплыву людей в города, в промышленность, из перенаселённых и отсталых деревень. Сегодня об этом часто забывают потомки тех сермяжных поколений, ставшие обладателями благ при новом строе. Произошла ликвидация безработицы и безграмотности. Революция в образовании и культуре. Развитие и повсеместное распространение национальной культуры – книга, польская классика массово проникла под «соломенные крыши». Социальное обеспечение. Широкое развитие в невообразимом сегодня масштабе т.н. коллективного питания и т. д.

Вице-премьер Эугениуш Квятковский писал перед войной в книге «Диспропорции», что Польша в хозяйственном отношении и цивилизационно – это «Европа Б». На эту убогую страну, унаследовавшую разные пост феодальные пережитки, пал удар II мировой войны и её страшные последствия. Высокий темп и огромные масштабы количественных послевоенных изменений в экономической, социальной и демографической сфере отразились на качестве и современности наших изделий. Я обращаюсь к тем, кто иронизирует по поводу блочных домов, автомобилей марки «Сирена», стиральных машин «Франя» ит.д. Всегда получается «что-то за что-то». Естественно, это не означает «отпущения грехов» за идеологические, системные и блоковые ограничения и абсурды, которые стали источниками экономических неудач. Точно также нельзя забывать тёмные страницы нашей недавней истории. Преступления сталинского периода, разного рода репрессии, особенно убийство таких лиц, как генерал Август Эмиль Фельдорф, а также ротмистр Витольд Пилецкий (период сталинизма наиболее компетентно и добросовестно описал проф. Анджей Верблян в книге «Сталинизм в Польше» (2009). Трагические события, особенно Познань 1956 г. и Побережье 1970г. Периоды дискриминационной практики в отношении бывших АКовцев до 1956 г., а в 1967-1968 гг.- антисемитская кампания. Отсутствие реальной демократии, ограничение

свобод и нарушение правосудия. Хозяйственные анахронизмы, болячки повседневности. Государство было отягощено объективными и субъективными болезнями. Однако, в тех условиях это было единственное польское государство, которое могло существовать. И, что самое главное, во всех сферах оно сохранило национальный характер, многие особенности своего государственного устройства. Поле его суверенитета, особенно во второй половине 80-х гг. существенно расширилось. Оно активно выступало на международной арене, заявляя в т.ч. о дружбе и сотрудничестве со многими западными странами. «Рекордным», по сравнению с другими, было участие Войска Польского в миротворческих миссиях ООН.

Короче говоря, сводилось к минимуму то, что негативно для Польши, и осуществлялось максимум того, что для нас позитивно. Ялтинский раздел сфер влияния мог существовать долгие и долгие годы. Такое убеждение господствовало среди влиятельных политических кругов от Вашингтона до Москвы. И мы должны были это учитывать. Необходимо было действовать так, чтобы в существующих политических реалиях добиться для Польши наилучшего места, наиболее выгодной позиции. Сущность государственных интересов определяется интересами национальными, которые проводятся в жизнь не абстрактно, а в конкретное историческое время, в реальной международной обстановке, при данном государственном строе, в демографических, экономических и территориальных условиях существующего государства. Даже в том случае, когда это государство ввиду ограничения суверенитета и недемократического характера является неполноценным, его широко понимаемая безопасность остаётся ценностью, которую власть обязана обеспечить.

Мы добились самого важного - наиболее выгодных за всю нашу историю границ, и это стало возможным только в условиях Народной Польши. Основы этого государства необходимо было менять, но его стабильность и безопасность – сберечь. Вернусь к теме территориального положения нашей страны. Все, кто тотально осуждают ПНР,

явно не хотят видеть жестокую правду, которая гласит: если бы в 1944-1945 гг. по какому-то невообразимому чуду Польша смогла бы стать вполне суверенным и демократическим государством, то оно было бы территориально усечено до формы колоды. Мы не вернули бы, не только Львов и Вильнюс, но и Вроцлав, Щецин и широкий доступ к морю.

КОРОТКО О ПНР Проф. Марчин Круль, подводя итог многомесячной дискуссии на тему ПНР, которая велась на страницах «Новой Республики», пришёл к выводу, что из всех изменений, которые произошли в Польше в период 1944 – 1989 гг. наиболее важными и породившими долговременные последствия оказались следующие три:

- территориальное устройство Польши, которое будет определять её политическое и экономическое положение на столетия вперёд;
- ликвидация общественных и классовых барьеров, а также устранение этих барьеров в области культуры и быта;
- возникновение почти однородного национального общества.

Марчин Круль говорит: «Из тех лет Польша, сверх всяких ожиданий, вышла удачно, и стоило многим поступиться за получение такой территории, такого общества, без классовых различий и без национальных меньшинств» (речь идёт, естественно, о той части украинского и белорусского меньшинства, которая была неприязненно настроена в отношении Польши). В заключение он задаёт вопрос: «Можно ли было получить аналогичные результаты, не понеся ужасные и хорошо нам известные потери? Отвечу с полным убеждением и со всей болью – нет!».

Я добавлю, что в книге «Единство и конфликты» проф. Збигнев Бжезинский написал: «Враждебные коммунизму в России поляки не должны забывать, какую бы роль играла Польша в Западном союзе. Она занимала бы место после Америки, Германии, Франции, Италии и многих других

государств. Учитывая основное значение Германии для Америки, Польша была бы проигравшей стороной в любом польско-немецком конфликте. В социалистическом лагере пропорции противоположны. Польша является третьей после Советского Союза и Китая, и второй в Европе». Эти слова сказаны в 1964г. С тех пор мир сильно изменился. Однако, фактически до 1989г. реалии и вытекающая из них ситуация Польши оставались именно такими.

БЫЛ ЛИ ШАНС? Имела ли смысл Встреча трёх? Была ли гарантия успеха переговоров по вопросу национального согласия? Гарантии, конечно, не было, и быть не могло. Но переговоры могли начать движение к соглашению – такой шанс был. Могли также закончиться поражением. Разве это означает, что следовало заранее отбросить такую попытку? В этом заключается великая историческая ошибка доминирующих в Солидарности радикальных кругов. Свидетельство их самоуверенности и отсутствия реалистического мышления. Солидарность считала неприемлемыми для себя переговоры с властью, как и любое участие в процессе функционирования и реформирования государства. Ключевым вопросом был вопрос о фундаментальной перестройке экономики. В тот момент было особенно важно договориться о временном перемирии, которое позволило бы начать постепенное проведение реформы с нового 1982 г. Переговоры по существу вопроса велись в компетентных группах (сопредседатели: профессора Владыслав Бака и Здзислав Садовский – Гжегож Палка и Яцек Меркель). Их последняя встреча состоялась 27 ноября 1981 г. Удалось согласовать ряд вопросов. Был определён срок продолжения переговоров – 4 декабря. Увы, 3 декабря на встрече руководителей Солидарности в Радоме проект правительства был категорически отвергнут. До очередной встречи и переговоров дело не дошло. Подобным образом «угрызали» усилия, многочисленные консультации и предложения министра по делам цен проф. Здзислава Красиньского, имевшие главной целью остановить бешеный рост инфляции.

Это было всё равно, что «биться головой о стену». В своём открытом письме драматически пишет об этом известный экономист из Познани проф. Вацлав Вильчынський (опубликовано 11 июля 1981г. на страницах «Политики»).

Я понимаю, что в рамках существовавшего строя Солидарность не хотела ангажироваться в столь болезненную для общества непопулярную реформу. Тем не менее, необходимо было, по крайней мере, пойти на предварительные согласования и переговоры. Это открыло бы форточку в будущее, позволило бы получить передышку для реформы, успокоило бы атмосферу. На период зимы это означало «быть или не быть».

Под конец опять возвращаюсь к вопросу, почему по-прежнему нет логичного объяснения, кто и почему привёл к тому, что даже эти «семена» соглашения не получили своего развития? Воспользуюсь книгой проф. Анджея Пачковского «Путём к наименьшему злу» (Литературное изд-во, 2002). Описывая ситуацию того периода, он приходит к выводу, что сложился «механизм» - цитирую: «Его можно определить как «спираль радикализма»...чем менее противник согласен на уступки, тем более далеко идущие требования ему предъявляются, а если он уступает, его считают слабым, что также порождает всё новые требования». Как известно, требования и постулаты выдвигала обычно одна сторона. Таким образом, проф. Пачковский, видимо не желая того, раскрывает основную причину опасений и приготовлений, которые вынуждены были предпринимать власти ввиду этой «спирали радикализма». Я стараюсь подняться над односторонней оценкой «замкнутого круга», возникшего в той ситуации, которая напоминала греческую античную трагедию. Действовал двусторонний синдром недоверия, подозрительности, враждебности. Мы, власть, находясь в гуще постоянных конфликтов и напряжения, видели Солидарность, главным образом, через призму того, что «на поверхности», что наиболее беспокоит и раздражает: политические требования, анархические шаги, авантюристические высказывания. В свою очередь, Солидарность видела в нас власть, виновную исторически и

персонально, с топорной пропагандой, и притом том слабеющую, с которой не стоит вести переговоры и искать соглашение. Следуя по пути возрастающих политических амбиций, социальных требований, а также стихийного бунта Солидарность не смогла вовремя остановиться. Власть, со своей стороны, не могла отступить за границу частично модифицированных принципов государственного строя, стабильности государства и внешней безопасности. Считаю, что это честная постановка вопроса. Существует высшая необходимость тщательно и глубоко разобраться в фактах и условиях, как предшествовавших Встрече троих, так и последовавших за ней. Это особенно актуально в связи с приближающейся 30-й годовщиной введения военного положения. Тем более, что это историческое событие СМИ обычно трактуют поверхностно, сенсационно, как зрелище ужасов.

ПОЛЬША - ПРИМЕР И ИМПУЛЬС Прошли годы. Процесс перемен, реформ, проведённых в духе национального согласия, позволил нам занять позицию авангарда в соцлагере. Мы опередили других, стали примером и импульсом. Сегодня, в основном, говорят о «берлинской стене». Но первым революционным актом был польский Круглый стол. Это был переломный момент, который привёл к дальнейшим изменениям, высшая цель которых – демократия. Можно ли было достичь её быстрее?

Приведу фрагмент своего выступления 18 сентября 2002г. на научно-исторической конференции, проходившей в Институте Международных Отношений во Франции, в Париже: «Польша находится в сейсмической геополитической и геостратегической зоне. Наша земля – это великое поле битвы и великое кладбище. Послевоенный раздел Европы и мира был реальностью, создал границы, определяющие поле манёвра. Польша действовала в рамках этих границ. Следует, таким образом, лишь оценить, Что можно было сделать лучше, умнее, эффективнее. Однако, путь, ведущий к демократии, нельзя срезать или преодолеть

«большим скачком». Напомню, что во Франции демократия возникла и существует более 200 лет. Революция принесла огромный, отразившийся во всём мире общественный прогресс. Но были и огромные потери, множество пролитой крови, а позже – задержки и пережитки прошлого; например, избирательное право женщинам было признано только в 1944 г. В Польше, за исключением нескольких лет после I мировой войны, настоящей демократии никогда не было».

И здесь – такое отступление. Взгляните на два последних столетия на нашем континенте. За этот период прошли три великие горячие войны и одна великая холодная война. Когда заканчивались горячие войны 1815, 1918, 1945 гг., несмотря на то, что наступал мир, Европу разделяли острые различия государственного устройства. В одних странах действовали разные формы демократии, в других – абсолютизм и тоталитаризм. И только окончание великой холодной войны привело не только к ликвидации антагонистического раздела Европы и мира, но и создало также общую плоскость государственного устройства, фундамент которой составляют демократия и рыночное хозяйство. На Западе эта система вполне созрела. На Востоке она ещё развивается, притом неравномерно. Польша находится в авангарде этого движения».

ГОРЬКОЕ УДОВЛЕТВОРЕНИЕ Запаздывание из-за перестраховки и волокиты – плохое дело. Но особенно опасно ускорение, вызванное волонтаризмом и авантюризмом. Должна была созреть реальная обстановка и, в особенности, о чём я уже говорил, международные условия. Чем дальше от военного положения, тем более его оценка заостряется, криминализируется, а причины его введения упрощаются, зауживаются или вообще замалчиваются. Верю, что когда временные политические расчёты, интересы и эмоции пройдут, тогда настанет, наконец, время для объективной оценки драматических событий нашей новейшей истории. В этом месте позвольте мне вернуться к заседанию Конституционной Комиссии Сейма 22 сентября 1992 г. и к

тому, что я тогда сказал: «Я многократно заявлял, в т.ч. как покидающий пост президент в речи по радио и телевидению, что беру ответственность на себя. И если время не погасило в ком-то гнева или неприязни, пусть они будут направлены, прежде всего, на меня. Повторяю это и сегодня. Ибо, по моему глубокому убеждению, сегодня более всего необходимо объединение всех конструктивных сил народа в деле общественной стабилизации, рациональных реформ, облегчения чувствительных для людей трудностей. Я имею горькое удовлетворение, что в течение 20 лет это происходит. И так будет до конца моих дней.

Несмотря на тяжёлые болезни, я очень надеюсь, что дождусь окончания судебных процессов, касающихся событий на Побережье в 1970 г., а также введения военного положения в 1981 г. По этим вопросам в адрес публичного мнения поступает много тенденциозной, неверной информации, оценок и обвинений. Более того, случаются нападки на суды, когда ход их заседаний или приговоры не отвечают ожиданиям публики. Верю, что независимые суды, внимательно и тщательно изучающие дела, не поддадутся давлению «судей-самозванцев», которые пытаются им подсказывать, и даже их дезавуировать.

Несколько слов под конец. Наша конференция состоялась в Гуманитарной Академии им. Проф. Александра Гейштора в Пултуске. Благодарю за гостеприимство, атмосферу и организацию. Особая благодарность – её Ректору профессору Адаму Косецкому за его личную заинтересованность, решения и усилия, за сказанные здесь слова. В итоге конференции, состоявшейся в стенах этого известного Учебного заведения, её участники имели возможность серьёзно задуматься над широко понимаемой, имеющей историческое значение проблемой Встречи троих. (Произнесено 9 ноября 2010 года, авторизовано и существенно дополнено в период болезни.)

В работе над этим текстом для меня была ценной помощь полковника в отставке д-ра Габриэля Змарзлинского, за которую я сердечно его благодарю.

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Эта книга – политическое завещание Генерала Войчеха Ярузельского, его Последнее Слово на этой Земле. На примере современной Польши перед нами раскрывается уникальный драматический опыт мирного перехода от тоталитарной системы к демократическому государству. Значение этого исторического урока для России и бывших советских республик трудно переоце-

нить. Он сохранит свою актуальность и остроту на долгие годы, пока дело демократии окончательно не утвердится в наших странах.

Страницы книги хранят энергию автора, его страстную убеждённость в правоте своего дела, горечь полемики с неадекватным, зачастую недостойным противником. Вызывает восхищение колоссальная эрудиция и работоспособность: сотни книг и документов, тысячи изученных страниц, несмотря на тяжкую болезнь. Выдержка и спокойствие в политической схватке с оппонентами. Солдатское мужество и стойкость в борьбе за историческую правду, за доброе имя Польши; за честь и достоинство польского офицера и патриота.

Генерал оставался на боевом посту до последнего вздоха. Он неизменно сохранял благородство, великодушие, скромность и интеллигентность воистину великого человека. Он был верным и искренним другом русских людей и России. С полным правом Войчеха Ярузельского можно назвать национальным героем Польши. Честь и слава Его памяти!

Ф.С. Логинов

22 августа 2014года, Москва.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Ежи ВЯТР

БИТВА ВОЙЦЕХА ЯРУЗЕЛЬСКОГО ЗА ИСТОРИЧЕСКУЮ ПАМЯТЬ

С большим удовлетворением и признательностью приветствую публикацию на русском языке последней книги генерала Войцеха Ярузельского. Она позволит российскому читателю лучше узнать и понять образ одного из великих поляков нашего времени, а также разобраться, о чём в Польше идёт спор (скорее политический, чем научный) связанный с её новейшей историей.

ПУТЬ СОЛДАТА И ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЖА

Для понимания этой книги, а также для того, чтобы оценить роль Войцеха Ярузельского в новейшей истории Польши, важно знать его жизненный путь. Вот его важнейшие этапы.

Родился 6 мая 1923г. в старинной шляхетской семье с давними патриотическими традициями. Его дед, тоже Войцех, участвовал в восстании 1863г., а отец Владислав – в польско–советской войне 1920г.

Перед началом II мировой войны Ярузельский учился в известной в Варшаве средней школе ордена братьев–марианов. После поражения Польши в сентябре 1939г. семья Ярузельских переехала в Литву. Оттуда за несколько недель до нападения Германии на Советский Союз она была выслана в Сибирь.

В Алтайском Крае в лагере от голода умер в 1942г. отец Владислав Ярузельский. Молодой Войцех работал на лесоповале. Здесь на ярком сибирском солнце у него началась хроническая болезнь глаз, из-за которой он до конца жизни носил тёмные очки. Тяжёлые переживания не исказили его реалистического отношения к России. Он не раз вспоминал фронтовую дружбу с советскими друзьями по оружию, а также о том, как важно было для польских ссыльных в Сибири благожелательное отношение к ним со стороны русских людей.

В 1943 г. Войцех Ярузельский вступил в формирующуюся в СССР польскую армию. В рядах этой армии, созданной по инициативе польских коммунистов и подчинённой советскому командованию, оказались люди разной судьбы и различных политических взглядов. Большинство вступивших в ряды польской армии прибыли из лагерей и ссылок. Совместная борьба против нацистского врага заставила их иными глазами увидеть Советский Союз того времени. Это было началом пути, который привёл Войчеха Ярузельского в ряды польских радикальных левых сил.

Он был отличным солдатом. Прошёл весь боевой путь вплоть до Эльбы в Германии, где встретил победу в этой Великой войне. На фронте он быстро продвигался по службе. Стал поручиком, командиром взвода конной разведки. Был дважды ранен и дважды награждён орденом Боевой Крест.

После войны остался в армии, получая очередные офицерские звания. Завершил военную учёбу, а затем был преподавателем в Академии Генерального Штаба. В 1956г.

получил звание генерала бригады; в те годы он был самым молодым генералом в Польше. В 1957-1960гг. командовал особой Двенадцатой механизированной дивизией в Щецине. В 1960-1965гг. возглавлял Главное Политическое Управление Войска Польского, с 1962г. в должности заместителя министра национальной обороны. В 1965г. стал Начальником Генерального Штаба, а в 1968г. – министром национальной обороны.

В 1947г. вступил в Польскую Рабочую Партию. В 1964г. был избран членом ЦК ПОРП (созданной в декабре 1948г. в результате объединения Польской Рабочей Партии и Польской Социалистической Партии). Оставался членом ЦК до 1989г. В 1970г. стал кандидатом в члены, а год спустя – членом Политбюро ЦК ПОРП.

Тем не менее, Войцех Ярузельский был, прежде всего, солдатом. Под его командованием Войско Польское было модернизировано и превратилось в современную армию, пользующуюся в обществе огромным авторитетом. На его солдатский путь большая политика вступила в 1980г.

Это был переломный год в истории послевоенной Польши. Летние забастовки поставили государственные власти перед дилеммой: вести переговоры или подавить забастовки силой? Генерал Ярузельский однозначно высказался за достижение соглашения. Существует множество доказательств того, что такая позиция министра национальной обороны, поддержанная в высших военных кругах, оказала решающее влияние на принятие партийным руководством решения о достижении соглашения с бастующими. Начался, длившийся 16 месяцев, период трудного сосуществования власти социалистического государства и массового оппозиционного движения, сгруппировавшегося вокруг профсоюза «Солидарность».

Политическое и экономическое положение страны постоянно ухудшалось. С одной стороны, «Солидарность» становилась всё более радикальной, а её руководство во главе с Лехом Валенсой всё слабее справлялось с настроениями в рабочих коллективах и действиями антикоммунистических радикалов. Одновременно возрастал

нажим со стороны Советского Союза и других соцстран, особенно со стороны ГДР. В декабре 1980г. мир с тревогой наблюдал за подготовкой военной интервенции в Польше. (1) В феврале Генерал Ярузельский стал премьером правительства, а в октябре того же года – Первым секретарём ЦК ПОРП. Он не искал столь великой власти и принял её с тяжёлым сердцем, понимая драматизм положения своей Отчизны и свою ответственность за судьбы страны и народа. Деятели партийных властей доверили ему наивысшие посты, ибо только он имел достаточный авторитет и поддержку в обществе.

Сосредоточив в своих руках высшую власть (партийную, государственную и военную), Ярузельский предпринял рискованную попытку вывести Польшу из кризиса по пути нового великого национального соглашения. Он предложил «Солидарности» участие в Совете Национального Соглашения, который должен был стать новым государственным органом с широкими контрольными полномочиями по отношению к правительству. Эту концепцию он представил на встрече с участием Леха Валенсы и Примааса Польши Юзефа Глемпа 4 ноября 1981г. Однако, до великого соглашения дело не дошло, поскольку Общепольская Комиссия (ОК) «Солидарности» заставила Валенсу отказаться от этого предложения.

Опасность дальнейшей поляризации общества и массовых протестов усиливалась, и, в итоге, возростала угроза военной интервенции государств Варшавского Договора. В этих условиях Генерал Ярузельский принял решение о введении военного положения. Это драматическое решение надолго разделило поляков. Я уверен, что решение было правильным, оно спасло Польшу от судьбы Венгрии (1956г.) и Чехословакии (1968г.). Социологические исследования показывают, что подобным образом думало большинство поляков, а также многие зарубежные политические деятели и учёные. (2) Стабилизация политического положения в стране позволила Ярузельскому постепенно снять ограничения военного положения (отменённого летом 1983г.) и начать политические реформы.

Ускорение этих реформ стало возможным с приходом к власти в СССР Михаила Горбачёва, когда для них сложилась благоприятная международная обстановка. Польша хорошо использовала открывшиеся возможности. В феврале 1989г. начались переговоры за «круглым столом» между властью и оппозицией, завершившиеся принятием соглашения, которое открыло путь к демократическим выборам. Новый парламент (Сейм и Сенат) избрал Войцеха Ярузельского президентом Польши. В качестве президента Войцех Ярузельский успешно сотрудничал с правительством Тадеуша Мазовецкого – первого премьера от демократической оппозиции в послевоенной Польше.

Президентский срок Ярузельского должен был длиться 6 лет. Однако, быстро меняющаяся ситуация в соцстранах в тот период привела к появлению в Польше требований ускорить перемены. По предложению президента Ярузельского в Конституцию страны было внесено принципиально новое предложение об избрании президента всеобщим голосованием. Срок президентства Ярузельского был сокращён, а сам он не стал выставлять свою кандидатуру на президентских выборах, которые выиграл Лех Валенса.

Войцех Ярузельский закончил многолетнюю государственную и военную службу в условиях, когда Польша, в огромной мере благодаря его трудам, стала государством полностью суверенным и демократическим. Уверен, что он хорошо послужил отечеству.

БОРЬБА ЗА ИСТОРИЧЕСКУЮ ПАМЯТЬ

Ярузельскому было 67 лет, когда он ушёл в политическую отставку. Он пользовался огромным авторитетом в стране и за рубежом. Будучи единственным из руководителей бывших соцстран, он уходил со своего поста не только по своей воле, но также имея право считать, что оставляет Польшу в состоянии несравненно лучшем, чем она была, когда он вступал на высшие государственные посты.

Вскоре, однако, оказалось, что ему придётся вести ещё одну войну, на этот раз за историческую память народа. Эту

войну против Ярузельского, а по сути, против целого поколения граждан Народной Польши развязали антикоммунистические правые силы.

Первым актом войны (в декабре 1991г.) было направление в Сейм предложения от депутатов партии КПП (3) о привлечении Войцеха Ярузельского, а также бывших членов Военного Совета Национального Спасения (ВНС) и Государственного Совета ПНР к конституционной ответственности за введение военного положения, якобы, с нарушением Конституции того времени.

В соответствии с польским правом, органом, уполномоченным вносить предложение о привлечении к конституционной ответственности, является Сейм. Предложение, касающееся ответственности за введение военного положения рассматривалось Конституционной Комиссией Сейма с 1992 по 1996гг. Начиная с осени 1993г. я был её председателем. Мы проделали огромную работу, изучая материалы (в.ч. секретные документы бывшей чехословацкой армии), выслушали десятки свидетелей и экспертов. От М.С.Горбачёва мы получили ценное письмо, в котором он однозначно выразил уверенность в том, что военное положение спасло Польшу от катастрофы. Генерал Ярузельский давал обширные разъяснения, в которых честно и подробно представлял проблемы того времени.

В феврале 1996г. Комиссия большинством голосов приняла решение о прекращении следствия. В октябре 1996г. абсолютным большинством голосов Сейм принял это предложение. Это было не только личным успехом Генерала, но победой правды над политическим фанатизмом.

Оказалось, однако, что правые не готовы так легко сложить оружие. После парламентских выборов 1997г., которые выиграла коалиция группировок, происходящих из бывшей «Солидарности», был принят закон о создании Института народной памяти (ИНП) с большими не только следовательскими, но и прокурорскими полномочиями. Началась новая фаза борьбы за историческую память народа.

Прокуроры ИНП направили в суд обвинительный акт в отношении Войцеха Ярузельского и нескольких его

сотрудников, обвиняя их в создании «вооружённой преступной группы» и нарушении закона путём введения военного положения. Начался длительный судебный процесс, который спровоцировал кампанию в СМИ и научных публикациях.

Войцех Ярузельский принял вызов. Выступал в суде, участвовал в публичных дискуссиях, публиковал очередные книги, последняя из которых оказалась теперь в руках российского читателя. Его аргументы находили отклик в общественном мнении. В январе 2011г. в правой газете «Жечпосполита» появилась обширная статья, автор которой утверждала, что «после 20 лет борьбы Войцех Ярузельский выигрывает войну за память о себе» (4).

Процесс Войцеха Ярузельского был прерван в связи с его тяжёлой болезнью. Однако сам факт, что столь заслуженный для Польши воин и политический деятель, вынужден был под конец жизни оказаться на скамье подсудимых, является позором для авторов этого спектакля.

Болезнь уничтожала силы Генерала. Ещё 6 июля 2013 года он был в состоянии, хотя и будучи уже очень слабым, принять участие во встрече друзей, во время которой мы вручили ему памятную книгу (5). Среди её авторов – два бывших президента: Александр Квасьневский и Михаил Горбачёв. Тёплое письмо (опубликовано во втором издании книги) прислал бывший президент США Джордж Х.В. Буш.

Президент Горбачёв написал: «По моему мнению, генерал Ярузельский представляет лучшие национальные, гражданские и человеческие качества поляков, друзей России. Знаю и ценю это многие годы».

Осенью 2013г. состояние здоровья Генерала ещё более ухудшилось. Последние месяцы жизни он провёл в госпитале. Даже перед лицом величия смерти правые деятели не прекратили его атаковать. Его торжественные воинские похороны сопровождала крикливая группа демонстрантов. Даже многие люди из прошлой оппозиции признали это позорищем.

Выступая на похоронах, бывший президент Александр Квасьневский сказал, что закончилась битва Генерала за

историческую память, но продолжается наша совместная борьба за признание его места в истории. Как один из многих участников этой борьбы с большим удовлетворением приветствую публикацию русского перевода последней книги Войцеха Ярузельского.

Несколько личных слов.

Это повествование было бы неполным, если бы я не прибавил несколько личных слов. Войцех Ярузельский был не только главой моего государства, но в течение двух периодов и моим руководителем. Он был человеком мне очень близким, дружбу с ним я считаю для себя великой честью.

С Генералом Ярузельским я познакомился в 1961 г. Я был тогда заведующим кафедрой социологии Военной Политической Академии, которая подчинялась Начальнику Главного Политического Управления Войска Польского. Меня поразили тогда его обширные интеллектуальные интересы, начитанность, культура речи.

В 1968 г. я ушёл из Академии по собственному желанию и в течение многих лет встречался с Генералом только в редких официальных случаях. Положение изменилось в 1981 г., когда по его желанию, я стал директором Института Марксизма-Ленинизма Центрального Комитета ПОРП. В этой роли я стал одним из подчинённых сотрудников Первого секретаря и встречался с ним регулярно. Активно и с убеждением я поддерживал его политику, хотя в вопросе национального согласия я был склонен пойти на шаг дальше. Будучи рядом с Генералом, я мог видеть его усилия, направленные на преодоление

драматической ситуации, сложившейся в то время в стране.

Когда он стал президентом, мы часто встречались и говорили о быстро меняющейся ситуации. Он производил сильное впечатление не только своим чувством ответственности за государство, но также и готовностью подчинить собственную судьбу интересам Польши.

В 1991-м г. я впервые стал депутатом Сейма (от новой левой партии – Социал-демократия Польской республики). Был членом Конституционной Комиссии, и в этой роли начал встречаться с Генералом в новой ситуации, когда против него были выдвинуты обвинения, а я был одним из членов Комиссии, рассматривающей претензии с её стороны. Я старался быть как можно более объективным, особенно, когда после победы левых сил стал (1993 г.) председателем Комиссии. Эта работа многому меня научила. Позволила мне лучше понять драму руководителя, который несёт ответственность за народ и государство. Вскоре после этого мы вместе выехали в США, где Генерал выступил с престижной лекцией в одном из университетов, а меня пригласили его сопровождать. Я удивлялся тому, как он умел овладевать разумом и сердцами американских слушателей.

На обратном пути Генерал предложил перейти на «ты», что было для меня огромной честью. Войцех Ярузельский был очень скуп относительно перехода на эту форму взаимных отношений.

Мы всё чаще встречались в домашней обстановке. Он был прекрасным хозяином и очаровательным гостем. Долгие беседы с ним были для меня настоящим духовным пиршеством.

На 90-летие Войцеха Ярузельского я имел честь вручить ему уже упоминавшуюся Памятную книгу, главным редактором которой я был. С глубоким чувством я слушал его последнее публичное выступление.

Я был у Генерала в госпитале за пару месяцев до его смерти. Он был очень слаб, но разум его был ясен. Мы говорили в т.ч. о польско-российских отношениях, поскольку я принёс ему свою свежеезданную публикацию на русском языке. Генерал очень живо подчёркивал значение для Польши добрых отношений с Россией и свою тревогу за вредные последствия русофобии, распространённой среди многих политических деятелей польских правых сил. Это была моя последняя встреча с Великим Человеком, которого я никогда не забуду.

Ежи ВЯТР (род. в 1931г.) – профессор социологии Варшавского Университета на, Почётный ректор Европейской Высшей школы права и администрации в Варшаве, главный редактор левого журнала «Социал-демократическая мысль», а также бывший министр образования (1996-1997гг.), бывший депутат Сейма (1991-2001гг.).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Об этом пишет в т.ч. бывший в то время советник по вопросам национальной безопасности президента Картера профессор Збигнев Бжезинский (“Power and Principle: Memoris of the National Security Advisor, 1977-1981”, New York 1983, str. 464-469)/

2/Например, выдающийся австрийский политолог Антон Палинка (“Jaruzelski oder die Politik des kleineren Ubels: zur Vereinbarkeit von Demokratie und ‘leadership’” Frankfurt am Main 1966).

3. Это была партия, подпольно созданная в 1979 г. С 1989г. действовала легально, в 1991-1997 гг. была представлена в Польском Сейме. В позднейшие годы пережила серию расколов и сошла с политической сцены.

4. Агнешка Рыбак «Последняя война генерала» (Жечпосполита, 22-23 января 2011)

5. «Войцеху Ярузельскому – воину и государственному мужу», коллективный труд, Варшава 2013.

6. Ежи Вятр «Польша и Россия в свете истории и современности», Санкт-Петербург 2013.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Не стало экс-президента Польши генерала Войцеха Ярузельского. Человека, который стал противоречивым символом послевоенной Польши. Председателя Совета Министров ПНР, который в 1981 году ввел в стране военное положение и интернировал лидеров "Солидарности", а в 1990 году дал согласие на проведение в Польше многопартийных президентских выборов, и по их итогам мирным путем передал власть избранному президенту Леху Валенсе. Последнего коммунистического диктатора, которого один из самых известных интернированных в 1980-е польских диссидентов Адам Михник несколько лет назад публично назвал человеком чести.

Когда я впервые переступила порог гостеприимного дома Ярузельских на улице Икара в Варшаве, генерал переживал очень трудные времена. В 2005 году к власти в Польше пришла национал-консервативная партия "Закон и справедливость", которая добивалась того, чтобы оправданный решениями польского Сейма от 25 января 1982 года и 23 октября 1996 года автор военного положения вновь предстал перед судом. В апреле 2007 года Ярузельскому были предъявлены официальные обвинения в руководстве "вооруженной организацией преступного характера". "Я сидел на одной скамье с уголовниками, членами банд. Одно утешает: я слишком стар и, надеюсь, не доживу до приговора", - говорил мне Ярузельский.

Глядя на этого мудрого, интеллигентного, страдающего человека, масштаб личности которого был абсолютно недостижим для его преследователей, мне было жаль, что я ничем не могла ему помочь. Как это ни парадоксально, единственное, что я могла для него сделать, - не писать о нем ни слова.

Положение Ярузельского усугубляло то, что в 2005 году он прилетел в Россию на празднование 60-летия Победы в Великой Отечественной войне. И разве мог он не прилететь? Ведь военная карьера, которая оказалась призыванием будущего генерала, началась в 1943 году в Советском Союзе, когда 20-летний Ярузельский вступил в Первую армию Войска Польского. За военные подвиги он был награжден в том числе серебряным крестом Военного ордена "Virtuti Militari", о его боевом пути можно судить, например, по медалям "За Варшаву 1939 -1945", "За Одру, Ниссу, Балтик", "За участие в боях за Берлин". К тому же, как известно, в начале Второй мировой войны, после присоединения Литвы к СССР семья Ярузельских была депортирована в Сибирь - в Ойротскую автономную область, и там осталась могила отца - Владислава Ярузельского. Позже, в канун своего 90-летнего юбилея пан генерал рассказал мне в интервью: "Когда я получил от посла России в Польше приглашение в Москву на 60-летие Победы, я попросил, чтобы мне организовали поездку на могилу отца. И так я получил возможность побывать в тех местах, увидеть, что на месте его захоронения поддерживается порядок. Когда в июне 1942 года отец умер - понятно, какое было время, - у нас были трудности с тем, чтобы перевезти его через весь город на православное кладбище. Католического не было. Мы с сестрой похоронили его и поставили на этом месте крест из березы, который - мы понимали это, - рано или поздно должен был исчезнуть. А спустя много лет я узнал, что по поручению Михаила Горбачева там сделали нормальный памятник. И одновременно - это свидетельство политической мудрости - рядом был поставлен еще один памятник большего размера, посвященный польским ссыльным в Сибири в Алтайском крае в 1939-1945 годах. И это свидетельствовало, что памятник установлен не только потому, что там похоронен Ярузельский, но что это - некий человеческий, гуманитарный

жест. Я был этим очень тронут. Так же, как и тем, что мне организовали эту поездку".

Во время действия военного положения в 1981-1983 гг. Ярузельский являлся председателем Военного совета национального спасения, а в 1983-1990 гг. председателем Комитета обороны страны и Верховным главнокомандующим вооруженными силами.

В ходе своего визита в Россию в 2005 году пан генерал с удовольствием давал интервью, говорил в них о своей дружбе с россиянами, с которыми его свела жизнь. Это не осталось незамеченным ультраправыми СМИ в Польше. В конце своего первого визита к пану генералу, сидя за столом с ним и его супругой пани Барбарой, я тоже заикнулась об интервью. Пан генерал помрачнел. "Видите ли, - начал он, - я в очень тяжелой ситуации. Меня сейчас не ударил только ленивый..." - "Но в России вас уважают и ценят, пан генерал", - заверила я. И вдруг в разговор вмешалась пани Барбара: "Поймите, чем лучше о нем отзываются в России, тем хуже его положение здесь...". "Не надо", - остановил ее генерал и повернулся ко мне: "Я знаю, что в России ко мне относятся с симпатией, и я очень благодарен россиянам, поверьте. Но сейчас не время".

Я уже знала, что в 2006 году Войцех Ярузельский, как и многие другие польские "сибиряки", получил государственную награду "Крест ссыльных в Сибирь". Но стоило ему публично выразить радость, что тогдашний президент Польши Лех Качиньский сумел подняться над политическими разногласиями, как канцелярия главы государства опубликовала заявление, что эта награда вручена Ярузельскому незаслуженно. 30 марта 2006 года генерал вернул ее с письмом, в котором, в частности, говорилось: "Как подпоручик на подступах к Берлину в апреле 1945 года и как генерал армии на высших должностях, чувствую себя -

в соответствующей области - ответственным за все, что происходило в Польше такой, какой она была в реалиях разделенного мира. За то, что было хорошо, и за то, что было плохо. О первом вспоминаю и говорю с удовлетворением. О втором напому, что в нескольких написанных мною книгах, наверное, уже в сотнях статей, интервью и высказываниях (в том числе в официальных заявлениях) часто появляются слова: жалею, соболезную, прошу прощения". Тема военного положения мучила, не отпускала Ярузельского. Одна из самых сильных его книг - "Быть может, это последнее слово" - 300 страниц показаний, данных генералом в суде в сентябре и октябре 2008 года.

В 2008 году к власти в Польше пришла партия "Гражданская платформа". В этой партии к Войцеху Ярузельскому относились с осторожным уважением. А ставший президентом Польши в 2010 году Бронислав Коморовский пригласил бывшего главу государства принять участие в заседании Совета Безопасности страны. Казалось, что жизнь пожилого генерала наконец-то налаживается, но... В 2011 году у экс-президента обнаружили "лимфому" - онкологическое заболевание лимфатической ткани. Он нуждался в постоянном врачебном уходе, и суд вычеркнул 88-летнего Ярузельского из списков обвиняемых по делу о введении военного положения в 1981 году. Бывая в Польше, я всегда старалась позвонить генералу Ярузельскому или навестить его, но об интервью до самого последнего времени все же не заикалась. Лишь в 2013 году - перед 90-летием Ярузельского я попросила его поделиться с читателями "РГ" своими мыслями о России.

Наша дружба с генералом, так я мысленно называла общение молодой российской журналистки и человека, символизирующего целую эпоху, была для меня большой честью. В какой-то момент я поняла, что для пана генерала я

была напоминанием о юности - о сибирской ссылке, во время которой он, по его словам, полюбил простых русских людей, которые хоть и бедствовали сами, готовы были разделить со ссылными поляками последний кусок хлеба. Моя близкая ему военная фамилия возвращала Ярузельского в те времена, когда он воевал за свободу своей страны, напоминала о советских однополчанах, дружба с которыми закалялась в бою. В наших беседах он мог долго рассказывать о тех годах, и, несмотря на тяжесть этих воспоминаний, счастливая улыбка озаряла его лицо, когда он припоминал какой-нибудь забавный случай из времен ссылки. Он понимал, что уже никогда не приедет в Россию. На все мои приглашения неизменно отвечал: "Пани Ариадна, мне столько лет! Меня уже давно не должно быть на этом свете!"

Но в рассказах все возвращался и возвращался туда, где прошла его юность. "С детства я впитывал антироссийские настроения, которые были очень сильны в моем окружении. Мой дед принимал участие в январском восстании 1863 года, провел несколько лет в сибирской ссылке, отец сражался в польско-большевистской войне. И самого меня, когда Советская Россия в 1940 году присоединила Литву, где в то время жила моя семья, погрузили в вагон как скот, и вывезли в Сибирь (в Алтайский край. - Прим. Ред.) но, как это ни парадоксально, именно там я и многие другие депортированные поляки узнали и полюбили русских людей. Ну, а потом всех нас объединила, породнила война с общим врагом - плечом к плечу. Сейчас, к сожалению, это воспринимается по-другому", - говорил мне Ярузельский.

Он рассказывал о своем детстве до ссылки, о том, что, вернувшись в родные места спустя много-много лет, встретил сына одного из местных жителей, учившего когда-то юного помещика Войтека конной езде. По рассказам генерала, многие в этой деревне вообще не были обучены

грамоте. "Отец окончил четыре класса, а сын принимал меня в прекрасном доме, сам он и его дети получили хорошее образование. Все-таки в этом смысле годы социализма в Польше были не напрасными", - говорил он.

Генерал Ярузельский много расспрашивал меня о современной России: об отношении молодого поколения к коммунизму, к реформам 1990 годов. Ему было интересно все, что связано с Великой Отечественной войной, но одновременно он объяснял мне, почему в современной Польше советские войска не считают освободителями, почему подавление гитлеровцами варшавского восстания - незаживающая рана для поляков.

В апреле 2012 года я получила по почте пакет от генерала Ярузельского. В нем была книга с сопроводительной запиской: "Уважаемая пани редактор, дорогая пани Ариадна, я позволил себе послать вам свою книгу под названием "Старше на 30 лет". Буду рад, если вы сочтете ее достойной внимания". В ней есть и такие слова: "Не стоит забывать, что именно Советская Армия - независимо от различных негативных побочных эффектов - выгнала из Польши уничтожавшего народы оккупанта, погасила печи крематориев, оставила на нашей земле 600 тысяч погибших солдат. Разговоры о "второй оккупации", с одной стороны, обижают миллионы поляков, ставя их в положение своего рода "коллораборационистов", а с другой, вредят нашим отношениям с Россией, с россиянами, очень высоко ценящими свой решающий вклад в победу над гитлеровской Германией".

Последний раз я видела пана генерала осенью 2012 года. Он тяжело переносил химиотерапию, к тому же кардиостимулятор вынуждал его принимать разжижающие кровь препараты. Встретившая меня у порога пани Барбара

сказала, что генерал чувствует себя очень плохо и с трудом встает с постели. Я хотела уйти, но она остановила меня словами: "Нет, он вас ждет". Ярузельский спустился в гостиную, демонстрируя офицерскую выправку и неизменную галантность. Он снова долго вспоминал о войне и о Сибири. И я поняла, что в моем лице он прощается с Россией. На прощание он сказал: "Мы приговорены друг к другу, и отношения между нашими странами обязательно должны быть хорошими. Я думаю, что, для того чтобы это стало возможным, должно смениться еще два поколения. Вот увидите".

Дословно

"13 декабря всегда будет означать для поляков то же самое. Я это осознаю. Но одновременно я - дочь своих родителей. И когда я вижу демонстрантов под их домом, которые скандируют: "Повесить его!", размахивая при этом плакатами, во мне просыпаются естественные эмоции и потребность встать на защиту своих близких, тем более, что они пожилые и больные. Я неоднократно уговаривала отца, чтобы он на это время уехал. Но он всегда повторял, что он солдат и не будет убегать из собственного дома."

Моника Ярузельская, из книги "Товарищ паненка"

"Жизнь и политические решения генерала Войцеха Ярузельского противоречивы, они будут оцениваться по-разному, но я считаю, что не стало человека, который старался как можно лучше служить Польше."

Экс-президент Польши Александр Квасьневский

"Я знаю, что это был великий человек, хотя он жил в предательские времена. Все это поколение было предано."

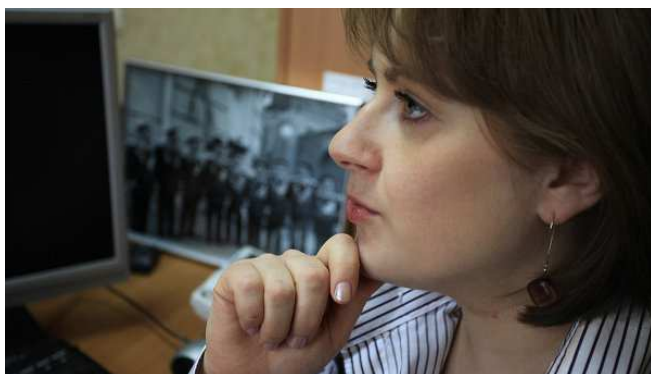
Чтобы это рассудить, нужно иметь много данных. У меня их нет. И еще я помню, что Папа Римский Иоанн Павел II всегда спрашивал о генерале. Так что было что-то такое, чего я не знаю. А суд я оставляю для Бога. Я проиграл генералу много битв, но выиграл войну, так что я полностью удовлетворен. Возможно, я поеду на похороны."

Экс-президент Польши Лех Валенса

Тем временем

Союз ветеранов Польши и бывших политзаключенных выступил с просьбой, чтобы экс-президент Польши Войцех Ярузельский был погребен на военном мемориальном кладбище "Повонзки" на участке I Армии Войска Польского с военными почестями. Эту инициативу поддержала семья генерала. Дочь Ярузельского Моника сообщила польскому информагентству PAP: "Отец всю жизнь подчеркивал, что он, прежде всего, солдат, и как военный человек хотел бы покоиться среди тех, кто ему ближе всего".

Ариадна Рокоссовская

Войцех Ярузельский

На 30 лет старше

Подписано в печать 30.11.2014
Формат 60x84/16. Бумага писчая.
Оперативный способ печати.
Усл. печ. л. 1,5. Тираж 100 экз. Заказ № 563

«Полиграфический центр КАН»
тел. (3812) 24-70-79, 8-904-585-98-84.
E-mail: pc_kan@mail.ru
644050, г. Омск, ул. Красный Путь, 30
Лицензия ПЛД № 58-47 от 21.04.97